

ПОБЕДИТЕЛИ СИЛЬНЫХ

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВА «СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПОБЕДИТЕЛИ СИЛЬНЫХ

СЕРИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ
РОМАНОВ

ВНИМАНИЕ
ПОДПИСЧИКОВ
И ЧИТАТЕЛЕЙ
СЕРИИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
РОМАНОВ
ВЫПУСК
№ 1

ПОБЕДИТЕЛИ СИЛЬНЫХ

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1994

П 41 Победители сильных. Сборник исторических повестей. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — 383 с.

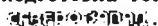
ISBN 5-8352-0373-X

В сборник «Победители сильных» вошли две исторические повести Л. Ф. Воронковой: «След огненной жизни» и «Мессенские войны», и одна — П. В. Соловьевой. «Победители сильных».

«След огненной жизни» — повесть о возникновении могущественной Персидской державы, о судьбе ее основателя, царя Кира. «Победители сильных» — история о том, как могущество персов было уничтожено греками. В повести «Мессенские войны» рассказывается о войнах между греческими племенами, о том, как маленький эллинский народ боролся за свою независимость.

© А. Андрейчук,
оформление, рисунки, 1994.

© «Северо-Запад»,
подготовка текста, 1994.

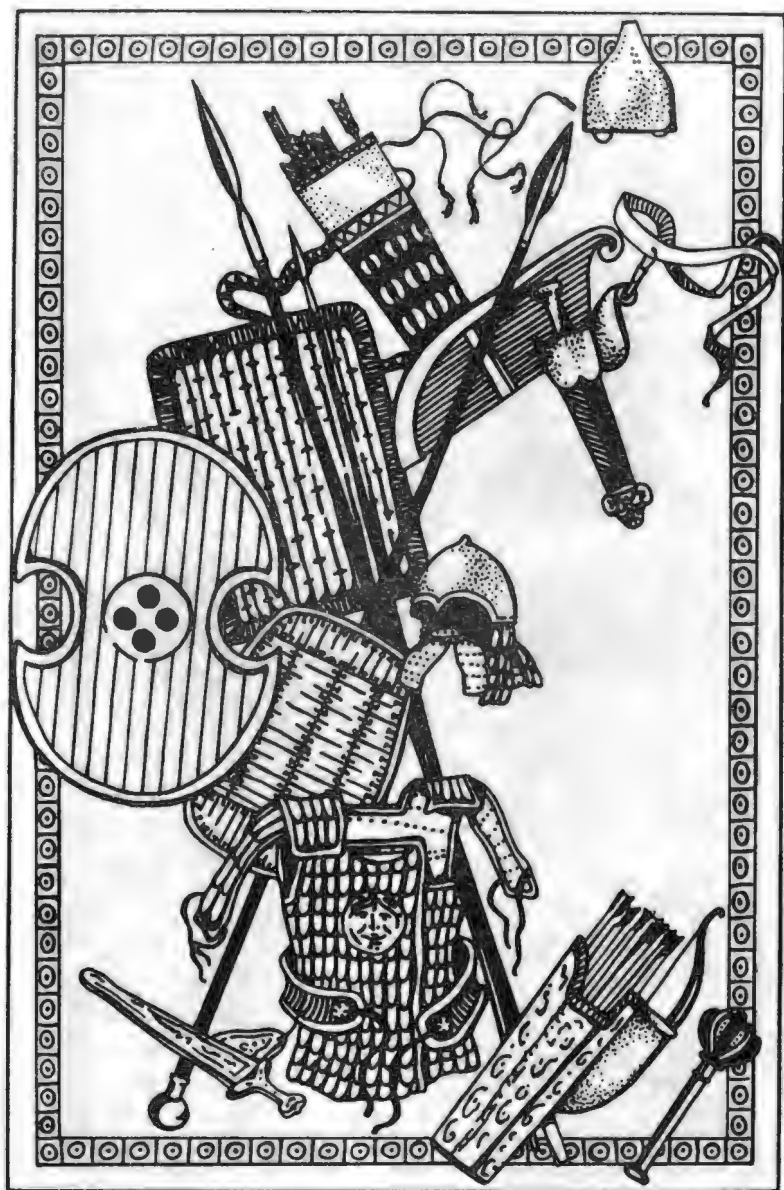
®

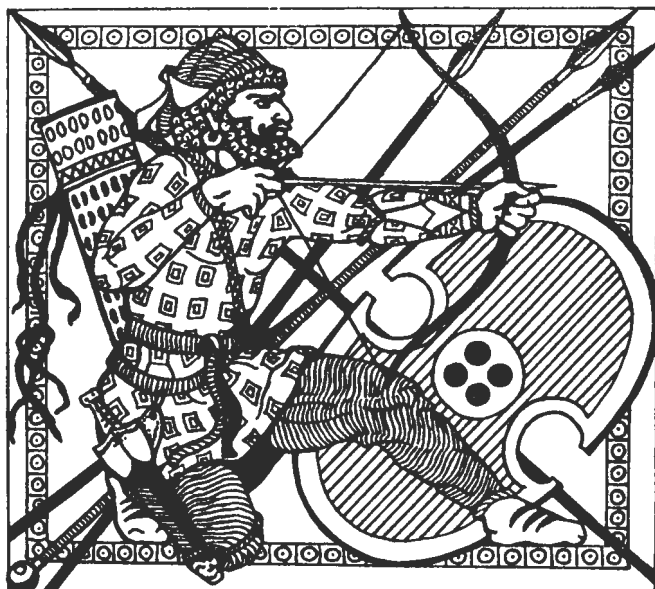
Зарегистрированная торговая
марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0373-X

След огненной жизни

Сон царя Астиага

Мидийскому царю Астиагу приснился сон, который сильно смутил его. Ему снилось, что дочь его Мандана разлилась рекой и затопила не только его город Экбатаны, но и всю Азию.

Астиаг позвал к себе жрецов — толкователей сновидений. Все жрецы в Мидии происходили из племени магов. Это было маленькое племя, затерянное среди других племен. Не каждый маг был жрецом. Но каждый жрец обязательно был магом.

При дворе мидийских царей жрецы-маги совершали религиозные обряды, приносили жертвы богам, предсказывали будущее.

Маги долго обсуждали этот сон, прикидывали и так и эдак. И наконец сказали царю:

— Сон твой — вещий. А предвещает он тебе, царь, вот что: у твоей дочери Манданы родится сын, который завладеет и Мидией, и всей Азией.

Астиаг встревожился. В те давние времена люди всерьез верили снам. Они считали, что это боги посылают им предупреждение.

Мысль о том, что внук может отнять у него царскую власть, Астиагу была нестерпимой. Его отец Киаксар царствовал целых сорок лет, и Астиаг был уже немолод, когда смог наконец назвать себя царем.

В тумане прошедших веков, когда только легенды и неверная человеческая память хранят дела и события давних лет трудно разглядеть начало рода мидийских царей.

Сохранилось лишь предание о Денюке, первом мидийском царе, предке Астиага.

Городов тогда в Мидии не было. Земледельцы, пастухи-скотоводы, ремесленники — все они жили в деревнях, разбросанных в долинах рек, по склонам хребта Эльбурса и горной гряды Кухруд.

В стране в те годы не было порядка. Законы были неустойчивы, и никто им не повиновался. Сильный обижал слабого. Судьи часто судили несправедливо, а жаловаться на них было некому.

Кроме того, с гор время от времени спускались разбойничьи племена, которые разоряли беззащитные деревни, грабили, угоняли скот, губили сады. И некому было наказать их.

В предгорье, в одной из мидийских деревень, жил со своей семьей Денюк. У Денюка была

добрая слава. Говорили, что он справедлив, что он не боится выступить против сильного и богатого, если этот сильный и богатый не прав. И чем больше беззаконий и несправедливостей творилось вокруг, тем строже Деиок соблюдал законы и защищал справедливость. Поэтому жители деревни выбрали Деиока себе в судьи.

Люди шли к Деиоку со всеми своими делами и обидами. Одного обидел сосед; другого ограбили на дороге; у третьего угнали скот и отказываются вернуть, четвертый жалуется что вытоптали его поле; пятый требует возмездия за убийство родственника...

Деиок судил строго и беспристрастно. Никто не мог сказать, что он хоть раз решил дело в пользу своего друга, если друг был виновен. Деиока нельзя было подкупить, а угроз он не боялся. И молва о справедливом судье шла все дальше и дальше по стране.

Но никто не знал, какие замыслы носит Деиок в своем честолюбивом сердце, никто не подозревал, какая неистовая жажда власти таится в нем. Деиок умел скрывать это, умел молчать, умел ждать.

Наконец пришло время, когда Деиок понял, что наступил его долгожданный час. И он приступил к тому, что задумал.

Как всегда, люди пришли к нему с жалобами. Пришли издалека — пастухи с гор, земледельцы из равнинных областей...

К их удивлению, Деиок не вышел и не сел на площади, как это делал всегда.

— Я больше не могу заниматься вашими делами в ущерб своим собственным, — сказал

он. — Сколько времени я трачу на вас! А кто за меня уберет ячмень в поле? Ведь он уже созрел. Да и дома дел хватает. Довольно. Обходитесь без меня.

И ушел в свою хижину, опустив циновку, занавешивающую вход. Мидяне были взволнованы и огорчены. Они снова и снова приходили к Деиоку. А Деиок снова и снова отказывался разбирать их жалобы.

Тогда мидяне со всей округи собрались на большое собрание, чтобы обсудить свои дела. И после долгих споров пришли вот к чему:

— При теперешних порядках мы больше не можем жить. Поэтому поставим над собой царя. Тогда у нас будет твердая власть, твердые законы. И мы спокойно займемся нашими делами.

Но кого же поставить царем?

Конечно Деиока!

Все сложилось так, как хотел Деиок. Друзья, с которыми он тайно договорился, помогли ему. Они еще раньше исподволь убеждали всех, что Деиок — самый достойный человек, а потом кричали об этом на собрании, доказывали это в своих горячих речах. И Деиок стал царьком своего округа.

И вот как только Деиока выбрали царьком, он сразу и проявил свою могучую волю и мудрость.

Слава о его справедливом правлении распространилась по стране, и власть его охотно признали другие племена Мидии.

Теперь Деиок держал в своих руках власть, и, чтобы защитить ее, он окружил себя отрядом преданных воинов. Он стал царем — значит, мог повелевать народом.

Прежде всего он заставил мидян построить ему укрепленный дворец. Семь высоких кирпичных стен замкнулись кольцом, причем одно кольцо возвышалось над другим своими зубцами. Зубцы стен, подобно вавилонским башням, были окрашены в семь разных цветов. Зубцы первой, наружной, стены были белые. Зубцы второй стены — черные. Зубцы третьей — ярко-красные. Зубцы четвертой — голубые. Пятой — сандаркового цвета. Шестой — посеребренные. А зубцы седьмой — внутренней, самой высокой — стены сияли золотом. И уже за этой стеной с золотыми зубцами возвышался царский дворец. Так заложил Деиок будущий город и столицу Мидии — Экбатаны.

Когда все эти постройки были сооружены, Деиок, чувствуя себя в безопасности, защищенный крепостными стенами и отрядом копьеносцев, принял заведенный у царей порядок:

никому не входить к царю, со всеми делами обращаться к нему только через вестников;

царя никто не должен видеть;

смеяться и плевать в присутствии царя считать непристойным.

Деиок хотел, чтобы народ видел в нем существо высшее, не такое, как все люди. Если его бывшие соседи и товарищи станут свободно приходить к царю и общаться с ним как прежде, то они будут возмущаться: «Почему это наш сосед Деиок так возвеличивает себя? Хоть он и царь, но ведь мы помним, как он вместе с нами пахал и сеял!»

А так, не видя его, скрытого стенами крепости, они невольно будут его почитать.

Деиок не выходил судить на площадь. Но ему подавали жалобы, он разбирал их, выносил решение и отсылал назад. Преступников звал к себе и, выслушав дело, тут же назначал наказание.

По всему его царству бродили «подслушиватели» и «подглядыватели». Поэтому Деиок знал обо всем, что творилось в округе и как относится к нему народ.

Деиок сумел навести порядок в Мидии. Он заставил уважать законы. Жители обрели безопасность от разбойников и грабителей. Люди могли спокойно заниматься своими делами.

Было много бед и войн... Приходили ассирийцы разорять мидийскую землю. Но, видно, крепко держал Деиок царскую власть, если потомки его стали царями всей Мидии, всех мидийских племен. А племен этих в Мидии было шесть — бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги. Те самые маги, из племени которых вышли мидийские жрецы.

Крепко и жадно держал в своих руках царскую власть Деиок. Так же крепко и жадно держал теперь эту власть Астиаг. Настолько жадно, что даже мысль о внуке, который явится и будет царем всей Азии, отстранив Астиага, надолго омрачила его жизнь.

Мандана ничего не знала о зловещих снах отца. И очень удивлялась и огорчалась, когда нечаянно подмечала тяжелый и подозрительный взгляд Астиага. В чем она провинилась? Чем недоволен отец? О чем так мрачно задумывается он, глядя на нее? Может, он думает, что Мандана замышляет недоброе против отца, против его царской власти? Да пусть он царствует вечно,

лишь бы не обрушил на нее своего гнева. Гнев Астиага всегда был страшен — это Мандана хорошо знала.

А царь все думал о своем. Мандану надо выдавать замуж. Но, когда она выйдет замуж, у нее родится сын, тот самый сын, который отнимет у деда царскую власть.

Однако Мандану надо выдавать. Но за кого? Если выдать за богатого и могущественного мидийского вельможу, ее сыну будет легко захватить власть...

И Астиаг придумал. Он выдал Мандану за скромного человека — перса Камбиса. Камбис происходил из знатного персидского рода и даже был правителем в своей стране, но какое это имело значение? Персия — маленькая, подчиненная Мидии страна; еще дед Астиага, Фраборт, покорил ее и заставил платить дань. Хоть и знатного, даже царского, рода был Камбис, Астиаг все-таки считал его ниже среднего звания любого мидянина. К тому же Камбис не отличался ни смелостью, ни честолюбием. И Астиаг успокоился: ни о каком мидийском царстве Камбис помышлять не станет.

Мандана вышла замуж за Камбиса и уехала с ним в Персию.

Кто родится?

Мандана живет в Персии. Все тихо. Царь Астиаг прочно сидит в царском дворце за семью зубчатыми стенами. Царственный блеск золотых

зубцов самой высокой стены наполняет своим отсветом его покой.

Власть Астиага крепка. Сокровищница полна золота. Сильное войско хорошо вооружено. Его отец Киаксар, человек воинственный и мудрый, укрепил мидийское войско, разделив его по родам оружия, ввел отряды копьеносцев, лучников и всадников, ведь до него мидяне сражались, смешавшись в беспорядке. Теперь же войском можно было управлять, оно стало дисциплинированным и дружным в натиске. Это увеличило его силу.

Киаксар покорил все племена Азии по ту сторону Гáлиса. А потом сражался с Ассирией, богатой, могущественной, поработившей многие страны державой. Киаксар хотел разбить и уничтожить Ниневию и тем отомстить за смерть своего отца, Фраорта, погибшего в войне с Ассирией, отомстить за свою Мидию, на которую ассирийцы не раз делали грабительские набеги, уводили в плен жителей, угоняли скот...

В первый раз Киаксару не удалось разорить Ниневию: ему помешали скифы, которые вдруг нахлынули в Мидию несметными полчищами на своих полудиких лошадях. Мидяне пробовали защищаться, но скифы сокрушили их и завладели Азией.

Скифы хозяйничали в Азии двадцать восемь лет. Своим буйством и разбоями они разорили и опустошили мидийскую землю. Скифы брали дань со всех народов. А получив то, что им приносили добровольно, они грабили все, что еще оставалось у людей.

Но царь Киаксар, как и Деиок, умел ждать. Он понимал, что силой со скифами справиться он не может, и терпел унижения, терпел горе своей страны. Однако все эти долгие годы рабства он не терял упорной решимости освободиться от этого дикого и свирепого врага.

Наконец после тяжелого и длительного рабства Киаксару удалось вырваться из-под скифского ига. И не силой, а хитростью.

Киаксар и его придворные-мидяне устроили пир и пригласили скифского царя Мадиеса. Мадиес явился на пир и привел с собой лучшую боевую часть своего войска и самых знатных людей, богато одетых для пиршества.

Астиаг помнит этот жаркий вечер, когда огни костров плавились и сливались с пламенем зари, а в неподвижном душном воздухе висел густой запах дыма и жареного мяса. Над кострами на вертелах жарились туши баранов, быков, лошадей...

Скифы пришли толпой, следуя за своим царем и военачальником Мадиесом. Видя, что мидяне безоружны, они спрятали луки в гориты*, сверкающие набором золотых пластин, отложили копья и щиты. Только короткие мечи — акинаки — с золотыми рукоятками остались висеть у них на широких боевых поясах. Так и запомнились они Астиагу — коренастые, с косматыми бородами, с повязками на длинных волосах, в золотом сиянии богатых чешуйчатых панцирей, отражающих пламя костров...

* Горит — футляр для лука.

А потом на поле пиршества упала ночь, черная, безлунная, внезапная, как всегда на юге. Огни костров стали красными и зловещими.

Скифы ели мясо, разрезая туши ножами, пили виноградное вино. И снова ели. И снова пили. Казалось, они могли выпить целое море этого сладкого веселого вина — ведь такого вина они не знали на своей суровой земле.

Скифы веселились и горланили... А мидяне коварно подливали им вина, еще и еще. И когда пьяное скифское войско, сраженное вином, повалилось на землю и царь Мадиес заснул на полуслове, скифов настигла смерть. Киаксар и его воины перебили их. Астиаг помнит это побоище, страшные крики и стоны среди душной тьмы...

А наутро Мидия вздохнула с облегчением — владычество скифов кончилось!

Таков был отец Астиага Киаксар. Он выдержал скифское нашествие и уничтожил скифов. А потом он еще раз пошел войной на Ассирию и добился своего — разорил древний ассирийский город Ашшур и сровнял с землей гордость ассирийских царей — Ниневию... Теперь Мидия — обширное могущественное государство. Многие народы покорились ей... Но еще противостоит Вавилон.

Царь вавилонский Набопаласар был союзником его отца Киаксара, они вместе воевали против Ассирии. Но союзник он был лукавый и ненадежный. Когда мидяне брали штурмом город Тарбис на Тигре, когда брали штурмом могучие укрепления Ашшура и гибли под его стенами,

Набопаласар не торопился двинуться в поход. Он пришел уже к развалинам Ашшура и потом еще оправдывался перед своими жрецами, которые все были связаны и религией, и общими интересами с жрецами Ассирии:

— Я не принимал участия в осквернении ассирийских храмов!.. И даже спал в эти дни на полу — в знак траура!

Правда, Ниневию они брали вместе — Киаксар и Набопаласар. В месяце абе* они штурмом ворвались в Ниневию, прежде построив на реке запруды и направив реки на городскую стену. Мощный поток воды расчистил дорогу атакующим воинам, хлынул на улицы города. Падали ассирийские дворцы, подмытые водой: ведь они были построены из сырцового кирпича! Как рушилась богатая Ниневия, полная награбленных у многих народов сокровищ!..

Несметные богатства потекли тогда в Экбатаны. В прекрасные дни ранней осени возвращался Киаксар с войны, и караваны с ниневийскими сокровищами следовали за ним. Мидия ликовала.

Киаксар сделал много. А что сделал он, Астиаг? Приближенные его — богатые, знатные вельможи и полководцы — недовольны им, он чувствует это, он знает это. Им нужны новые войны, новые завоевания, новые земли. Вавилон — вот куда устремлены их помыслы.

Как ненавидит он всех этих потомков мелких царьков, правивших когда-то отдельными «странами», как и его прадед Деиок, как трудно

* Аб — июль-август.

терпеть ему их высокомерие, их независимые речи, их тайное презрение, которое кроется в опущенных, прикрытых ресницами глазах!

Но Вавилон — грозный соперник. Мидия никогда не будет спокойна, пока стоит этот город на Евфрате — город, полный богатых дворцов и храмов, город с высокими крепкими стенами и медными воротами. И все чаще в мозгу Астиага возникало видение — мидийское войско, идущее по равнинам Вавилонии сквозь жаркую красную пыль, поднятую копытами коней. Взять Вавилон нелегко. Но с помощью богов его отец Киаксар пришел в Ниневию, которая была укреплена не хуже. И что осталось от нее? Пыль и пепел.

Астиаг — сын Киаксара. Он покорит Вавилон, оставит там пыль и пепел, он привезет богатую добычу и еще более возвысит свое царство!

Но обдумать, обдумать... Покорить Вавилон потом. Сначала надо ослабить его, надо захватить долину Междуречья... Надо занять Северную Сирию... А уж потом — Вавилон.

И вот теперь, когда Астиаг обдумывал свой поход в Междуречье, ему вдруг опять явилось сновидение, которое снова наполнило смятением его душу. Ему приснилось, что над его дочерью Манданой выросла виноградная лоза и лоза эта была так огромна, что покрыла собой всю Азию.

Угрюмо сдвинув брови, Астиаг рассказал магам свой сон. Маги истолковали этот сон так же, как и тот, что приснился ему раньше.

— Сын твоей дочери, царь, будет царем всей Азии.

— После меня?

— Вместо тебя, царь.

Злые молнии зажглись в черных глазах Астиага. Он знал, что Мандане скоро предстоит родить ребенка. Кто родится у нее?

Астиаг приказал дочери немедленно явиться к нему в Экбатаны. Мандана покорно явилась. Камбис, тихий, спокойный перс, ее муж, сопровождал ее.

Мандана только переступила порог отцовского дворца, как ее тут же взяли под стражу. Камбис недоумевал. Мандана плакала, сидя в заключении. Страшная догадка уже мучила ее. Она слышала о снах царя, и она хорошо знала своего отца.

А царь ждал. Если у Манданы родится девочка, он отпустит их с ребенком обратно в Персию. Если родится мальчик, он отпустит их в Персию, но без ребенка.

Родился мальчик.

Гарпаг

Мандана, ничего не видя от слез и горя, покинула отцовский дворец. Камбис, подавленный и безмолвный, возвратился вместе с ней в Персию. Их ребенок, их сын, остался у деда.

Они чувствовали, что царь задумал недоброе, но не смели противиться. Только надежда, что у царя в груди все-таки человеческое сердце и не поднимется у него рука на собственного внука, поддерживала их.

Едва Камбис и Мандана покинули дворец, Астиаг призвал к себе одного из своих придвор-

ных, Гарпага. Это был самый надежный, самый преданный царю человек.

— Я хочу поручить тебе важное дело, Гарпаг, — сказал царь, глядя ему прямо в глаза, словно стремясь увидеть его мысли и чувства, — не предай меня, иначе и самого тебя ждет беда в будущем...

Гарпаг, чувствуя угрозу, склонил голову. Он уже заранее готов был сделать все, что прикажет ему царь.

— Возьми рожденного Манданой ребенка, — продолжал Астиаг, — отнеси его к себе, убей и похорони где хочешь.

Гарпаг содрогнулся. Но, внешне спокойный он ответил как преданный друг и слуга:

— Никогда прежде, царь мой, ты не слышал, чтобы я противоречил тебе. И теперь, если такова твоя воля, я выполняю ее.

Напрасно вглядывался в его лицо Астиаг своими пронзающими глазами. Гарпаг был спокоен, сдержан и почтителен.

«Он сделает это», — подумал Астиаг. И успокоился.

Гарпагу принесли ребенка. Одетый в богатый наряд, как одевают для похорон царских детей, здоровый, крепкий мальчик весело глядел на Гарпага черными, будто спелая олива, глазами. Гарпаг взял корзину с ребенком и понес домой.

Когда Гарпаг вышел из царских покоев, сердце его не выдержало и он заплакал. У Гарпага самого был маленький сын. И ему представилось, что чья-то злая воля может вот так же погубить и его дитя.

А черноглазый мальчик весело ворковал в корзине. Гарпаг взглянул на него — и снова

заплакал. Гарпаг был храбрый воин. На войне он умел сражаться, умел быть беспощадным. Он поразил немало врагов, его копье не знало промаха.

Но убить младенца!..

Пока он с плачем шел до своего дома, мальчик, убаюканный его мерным шагом, уснул в корзине. И лежал он там в роскошной одежде покойника, крепенький, румяный, теплый, как птенчик в гнезде.

Гарпаг принес ребенка к жене и рассказал все, что случилось. Жена встревожилась, задумалась.

Убить ребенка! Поднимется ли на это рука? Но послушаться царя — Гарпагу ждать смерти. Все знали, что Астиаг жестоко наказывает за ослушание.

— Как же ты намерен поступить, Гарпаг?

— Не так, как повелел мне царь, — ответил Гарпаг. — Пускай он гневается, неистовствует, я не приму на себя такого злодеяния. Я не хочу губить младенца. Астиаг уже стар, а наследника у него нет. После его смерти власть перейдет к его дочери, — так разве она простит меня? Если ребенку суждено умереть, то убийцей его пусть будет кто-нибудь другой. Пускай слуги Астиага убивают его. А я даже слугам своим не позволю сделать это.

Пастух Митридат

Высокие горы, заросшие лесом, поднимались над Экбатанами. В горах среди вековых деревьев и густых зарослей водилось много зверей. Волки,

львы и медведи бродили там, преследуя добычу. Дикie кабаны подходили к самым деревням, вытаптывали посевы.

В горных долинах, обильных пастбищами, пастухи пасли многочисленные царские стада. Там, среди скалистых уступов, в зеленой тени дубов и буков, ютились хижины пастухов. Там жил пастух Митридат к нему-то и послал Гарпаг слугу с приказом немедленно явиться.

Митридат явился.

— Слушай внимательно, Митридат, — сказал Гарпаг, стараясь не глядеть ему в лицо. — Царь приказывает тебе взять этого ребенка, положить его на самой дикой горе, чтобы он погиб как можно скорее. Царь велел сказать тебе, если ты не погубишь ребенка, а сохранишь его живым, то он казнит тебя мучительной казнью. Запомни. Мне приказано проверить, как ты выполнишь царский приказ.

Пастух побледнел. Ребенок, одетый в золотом шитые одежды, весь, как сверкающая рыбка, барахтался в корзине и громко плакал. Он требовал, чтобы его взяли на руки, чтобы его накормили.

Не поднимая глаз, Гарпаг передал Митридату корзину с ребенком. Пастух молча взял ребенка и в раздумье отправился к себе в горы.

У Митридата была жена, царская рабыня. Ее звали Спáко, что по-мидийски означает «собака». В этом имени не было ничего унижительного, потому что мидяне считали собаку священным животным.

Спако сама ждала ребенка. Она должна была родить как раз в тот день, когда Митридата позвали к Гарпагу. И день этот был полон тревог и волнений. Спако волновалась за мужа — зачем позвали его в Экбатаны? Может, не угодил чем-нибудь царю, и тогда жди беды. А Митридат тревожился за жену — как оставить ее в такую трудную минуту? Но, раз приказывают, — приходится оставить.

Митридат спешил домой. Ребенок то умолкал, то снова принимался кричать. Смуглый и розовый, как персик, созревший под южным солнцем, он беспомощно тянулся к Митридату. И пастух отворачивался: он не мог смотреть на мальчика, которого должен был погубить.

Жена лежала в постели, когда Митридат, еле переводя дух от быстрой ходьбы, переступил порог хижины.

— Зачем так внезапно позвал тебя Гарпаг? — тревожно и нетерпеливо спросила она.

Митридат оставил корзину у порога, прикрыв ее расшитым покрывалом. Сел у постели жены и все рассказал ей.

— Я пришел в город. И не пожелаю никому того, что я там увидел и услышал! Когда я со страхом вошел в дом Гарпага, там все плакали. Вижу: лежит младенец среди покоев, плачет, кричит. Гарпаг, как только увидел меня, сейчас же велел взять ребенка и бросить на самой дикой горе. Я взял ребенка и понес. А как вынес из дома, там все заплакали еще громче. Я ничего не могу понять. Сначала думал, что это ребенок какой-нибудь служанки. Но в то же время уди-

вительно мне было, что он весь в золоте. А когда я вышел из дома, тут мне слуги все потихоньку и рассказали. Этот мальчик — сын царской дочери Манданы, и сам царь Астиаг приказал умертвить младенца. А теперь гляди — вот он!

Митридат поставил корзину около постели жены и поднял покрывало. Жена, увидев ребенка, такого здорового и красивого, со слезами обняла колени мужа.

— Нет, нет, не бросай его! Прошу тебя, не губи младенца!

— Но как же мне быть? — возразил Митридат. — Ведь Гарпаг пришлет своих соглядатаев, они увидят, что я его приказания не выполнил, и тогда я погибну жестокой смертью!

— Нет, не погибнешь. Ты скажешь им, что младенца растерзали звери. А мы возьмем его себе и будем растить как сына.

— А куда же мы денем ребенка, который родится у нас?

— Признаюсь тебе, — печально ответила Спако, — ребенок у меня уже родился... но родился мертвым. Вот и возьми его и отнеси на гору, пускай они придут и посмотрят, если уж надо обязательно показать, что ребенок выброшен и погублен. Наш сынок будет погребен в царской гробнице. А сына Манданы мы вырастим как родное дитя. Так мертвый будет похоронен, а живой останется жить. И мы не сделаем злого дела, и ты не будешь наказан!

Митридат молчал, удрученный горем. Он ждал сына, а сын его мертв. Но совет жены был разумен. «Может, сами боги сжалились над нами

и послали нам другого ребенка вместо своего?» — подумал Митридат. Он тут же передал жене сына Манданы. Спако с любовью приняла его в свои теплые руки и стала кормить. А Митридат одел своего мертвого ребенка в царские одежды, положил его в корзину, накрыл расшитым покрывалом и отнес на дикую гору, где только одни звери прокладывают свои тропы.

На третий день пастух снова отправился в город. Он пришел к Гарпагу и сказал, что его приказ выполнен.

Гарпаг мрачно выслушал его. Ему было жаль мальчика. Лишь одно немного утешало Гарпага — все-таки не его рука убила ребенка.

Желая удостовериться, что приказ Астнага действительно выполнен, он послал с Митридатом надежных слуг, чтобы они собственными глазами убедились в этом.

Слуги принесли маленькое мертвое тело. И Гарпаг похоронил его в царской усыпальнице.

А сын Манданы, дочери царя, остался в семье пастуха.

Так, по свидетельству древнего историка Геродота, началась жизнь персидского царя Кира.

Дед и внук

Прошло десять лет. Спако души не чаяла в своем приемном сыне. Пастухи дали ему другое имя, оставшееся до сих пор неизвестным. Никто и не знал, что сын этот приемный. И сам мальчик, конечно, не знал. Он любил Спако и Митридата, слушался их и уважал как родителей.

Как только мальчик подрос, пастух стал брать его с собой в долины пасти царские стада.

— Сынок, — будил его Митридат, как только заря заглядывала в окна, — вставай. Помоги согнать быков.

Кир проворно вскакивал, накидывал на плечи войлочный пастушеский плащ — в горах по утрам холодно, — прихватывал сумку с едой, приготовленную Спако, и выходил вслед за отцом в серебряное от густой росы утро. Ловкий, крепкий и смелый, Кир был хорошим помощником Митридату. Пастух учил его ловить диких лошадей, ездить верхом, стрелять из лука и бросать дротик, защищая стада от зверей. Во всей пастушьей деревне не было мальчишки, который мог бы во всех этих доблестях сравниться с Киром.

И кто знает, как сложилась бы жизнь Кира в дальнейшем, если бы не один случай.

Однажды Кир играл на улице со своими сверстниками. Ребята вздумали играть. Будто один из них — царь, а остальные — его слуги.

Кого же выбрать царем?

Все мальчики единодушно провозгласили «царем» Митридатова сына.

Кир спокойно принял «власть». И, словно всю жизнь провел при дворе, Кир тотчас же начал править.

Прежде всего он разделил ребят на группы:

— Вы будете моими телохранителями. А вы будете строить мне дворец.

Самого смышленного своего друга он назначил «оком царя» и приказал ему следить за тем, чтобы исполнялись его «царские» приказы. Дру-

тому мальчику, которому доверял, Кир приказал доставлять ему все известия.

— Вы будете лучниками. Вы — всадниками. Вы — копыеносцами.

Так у Кира появились и придворные, и войско.

Случайно среди детей пастухов оказался сын одного знатного мидянина Артембара. Видно, он прибежал сюда поиграть с ребятами. Когда Кир приказал этому вельможному мальчику что-то сделать, тот отвернулся:

— Вот еще! Я, сын Артембара, буду слушаться какого-то пастуха.

Вот тут впервые и сказался властный, крутой характер Кира. Он велел своим «стражникам» схватить мальчика. «Стражники» охотно выполнили приказ, и Кир жестоко отхлестал «мятежника» своим пастушьим бичом. Ведь всем было известно, что цари своих подданных за непослушание наказывают.

Лишь только «стражники» отпустили ослушника, он тут же побежал жаловаться отцу. Он бежал, не останавливаясь, до самого города и ревел во весь голос от боли и злости.

Прибежав к отцу, мальчик со слезами все ему рассказал.

Артембар разгневался. Он тут же взял сына за руку пошел с ним к Астиагу.

— Царь, нас оскорбил твой раб, сын пастуха! Смотри!

И он обнажил перед царем спину мальчика, полосатую от бича.

Астиаг нахмурился. В узких черных глазах его зажглись злые огни.

— Немедленно привести сюда пастуха Митридата и его сына!

Митридат явился во дворец, дрожа от страха. Но Кир спокойно встал перед царем, не опуская глаз.

— Как ты, сын пастуха, осмелился так оскорбить дитя вельможи?! — закричал царь.

— Я поступил в этом деле совершенно правильно, — ответил Кир с достоинством. — Мы играли «в царя». Товарищи выбрали меня царем. И все они выполняли мои приказания, потому что я царь. А он ослушался, не выполнил моего царского приказа, за что и получил должное наказание. Если за это я заслуживаю какой-нибудь кары, изволь, я здесь!

Астиаг слушал его и бледнел. Кровь отливала от сердца. Непостижимо, но в этом мальчике он узнавал себя!

Астиаг попробовал отогнать эту мысль. «Не может быть. Этот мальчишка — сын пастуха. Или боги издеваются надо мной!»

Не может быть... Но не его ли, Астиага, осанка у этого маленького пастуха? Не его ли огненный взгляд? А как свободно он говорит, как независимо держится! «...изволь, я здесь!»

Кир молчал. Астиаг молчал тоже, не в силах справиться с волнением.

Овладев собой, Астиаг увидел, что Артембар стоит здесь со своим сыном и ждет его решения. А он уже забыл о них.

— Артембар, — сказал он, — не беспокойся. Я поступлю так, что ни тебе, ни твоему сыну не в чем будет упрекнуть меня.

Астиаг отпустил Артембара. А Кира велел увести в дальние покои дворца.

Перед Астиагом остался один пастух Митридат, который стоял понурясь в предчувствии большой беды. «Не узнает... Не узнает, — старался он убедить себя. — Откуда ему знать? Только зачем же он отослал мальчика к себе в покои?..»

— Сколько лет твоему сыну? — спросил Астиаг.

Этот вопрос заставил задрожать пастуха.

— Десять, — ответил он, стараясь говорить спокойно.

Астиаг устремил на него свои огненные глаза.

— Откуда у тебя этот мальчик? Кто передал тебе его?

— Царь, это мой сын! — ответил пастух, делая вид, что даже не понимает, о чем его спрашивают. — Никто мне его не передавал. Моя жена... его мать... Она и сейчас жива, живет вместе с нами!

— Ты поступаешь неблагоразумно, — сказал Астиаг. — Ты вынуждаешь меня, твоего царя, прибегнуть к пыткам.

И тут же позвал стражу и велел взять Митридата.

— Царь, пощади! — закричал несчастный Митридат. — Ведь я сказал тебе правду, за что же хочешь ты казнить меня?!

Но Астиаг словно не видел и не слышал Митридата. Брови его сошлись в одну черную черту и нависли над глазами. А стража уже тащила Митридата из дворца. В ужасе перед

пытками, которые его ожидали, пастух упал на колени перед царем.

— Прости меня, царь, я все расскажу. Только умоляю тебя, прости!

Митридат рассказал царю все как было. И то, как Гарпаг приказал убить этого мальчика, и то, как Митридат с женой усыновили и вырастили его...

— Хорошо. Я прощаю тебя, — сказал Астиаг.

И тут же приказал позвать Гарпага.

Вельможа спокойно вошел во дворец. Но, увидев Митридата, понял, что сейчас ему придется отвечать перед царем за свое ослушание. Однако на умном, непроницаемом лице царедворца не отразилось ни тени смятения.

Астиаг, прищурившись, глядел на него.

— Скажи мне, Гарпаг, какую смертью умертил ты ребенка моей дочери, которого я передал тебе?

Гарпаг мог бы придумать любую историю. Но здесь стоял Митридат, и в его присутствии солгать было невозможно.

Тогда Гарпаг решил правдиво признаться во всем.

— Взяв от тебя ребенка, царь, я хотел исполнить твою волю. Но я не смог стать убийцей сына твоей дочери, твоего внука. Поэтому я позвал пастуха и передал ребенка ему. Я сказал, что ты приказываешь погубить его, — я не лгал в этом, потому что такова была твоя воля. Я велел бросить его на дикой горе и сторожить, пока он не умрет. Я угрожал Митридату всяческими наказаниями, если он ослушается. Митридат выполнил мое распоряжение. Я посылал

туда вернейших слуг, чтобы они убедились в смерти ребенка. Ребенок был мертв, и я велел похоронить его. Так я поступил, и такой смертью умер ребенок.

Астиаг видел, что Гарпаг говорит правду. Тогда он передал Гарпагу рассказ пастуха, и Гарпаг узнал, что сын Манданы жив.

— Мальчик пускай живет, — сказал Астиаг, — и хорошо, что так случилось. Меня сильно мучила совесть, да и слезы дочери мне нелегко было переносить. Теперь, Гарпаг, во-первых, пришли своего сына к моему возвращенному внуку, во-вторых, приходи и сам ко мне на пир. Спасение внука я должен отпраздновать жертвоприношением — эта честь подобает богам! Они вернули мне внука!

И он улыбнулся Гарпагу

Если бы Гарпаг увидел эту улыбку, он бы содрогнулся. Но Гарпаг, счастливый тем, что его послушание так благополучно разрешилось, упал перед царем на колени и поклонился до земли. «Я даже и на пир приглашен! — радовался он по дороге домой. — Я знал, что Астиаг пожалеет о своем злом приказании и будет счастлив, если внук живой и здоровый вернется к нему!»

Придя домой, он тут же отослал своего сына к царю.

— Иди во дворец. И смотри выполняй все, что бы ни повелел тебе царь!

Гарпаг проводил мальчика любящим взором. Это был его единственный сын, наследник его семьи, его радость и надежда. Сейчас мальчику тринадцать лет, он почти ровесник Киру. Они,

конечно, подружатся. А ведь рано или поздно Кир станет царем. И как знать? Может быть, сын Гарпага станет ему самым близким человеком.

Мальчик ушел веселый, гордый честью, оказанной ему. Ведь никого другого не позвал царь Астиаг к своему внуку!

Однако на пороге он вдруг остановился, словно какое-то предчувствие смутило его. Ему стало страшно идти во дворец. Может, потому, что он вообще боялся царя Астиага.

Но отец ободрил его.

— Иди, иди, — с улыбкой сказал он, — и смотри, будь послушен.

Мальчик ушел. Гарпаг направился в покои жены. Она уже давно в тревоге поджидала мужа.

— Не тревожься, все обошлось, — успокоил ее Гарпаг, — и так счастливо обошлось!

И он все рассказал жене.

— А теперь мне надо торопиться, — закончив рассказ, сказал он. — Я иду к царю на пир.

Слуги подали ему богатую одежду. Жена помогала ему собраться. Оба они — и Гарпаг, и его жена — были так веселы и так радостны, будто в их дом вошел большой праздник.

А в то время, когда Гарпаг собирался на пир и жена его радовалась и смеялась, их сын, их мальчик, был уже мертв. Его убили во дворце Астиага, как только он туда вошел. И тело его, разрубленное на куски, лежало в корзине, прикрытое покрывалом.

На пир к царю явились все приглашенные. Царь ласково принимал гостей. И особенно ласков и приветлив он был с Гарпагом.

Слуги наливали гостям вино из полных бурдюков, подавали сочные куски баранины и ставили блюда с мясом перед каждым гостем. Под конец пира слуги поставили перед Гарпагом корзину, прикрытую белым покрывалом.

— Возьми отсюда что тебе будет угодно!

Гарпаг с улыбкой открыл корзину. Там лежали голова, руки и ноги его сына. Гарпаг поднял глаза на царя. Их взгляды скрестились, как два копья. Но царедворец умел владеть собой и недрогнувшей рукой закрыл корзину.

— Ну как, хорошо ли ты попиrowал? — с сатанинской усмешкой спросил Астиаг.

— Все хорошо, что делает царь, — ответил Гарпаг. На это у него еще хватило сил.

Но оставаться на пиру Гарпаг уже не мог. Он встал, взял корзину с останками своего сына и покинул дворец царя.

Так наказал царь своего преданного слугу за ослушание.

Астиаг отпускает Кира

Гарпаг не мог простить себе смерти своего сына. Разве не знал он Астиага? И как он поверил, что царь может хоть что-нибудь простить, если даже за малые проступки он наказывал людей смертью?

Собственной рукой послал Гарпаг своего сына на смерть. А мальчик еще не хотел идти, заппнулся у порога... Но он пошел, потому что отец велел идти!

Гарпаг в глубине своих покоев выл и стонал от горя и ненависти, он проклинал Астиага и призывал на его голову все беды и все муки, какие есть на свете.

Но, являясь к царю, Гарпаг был так же спокоен, как и раньше, так же почитителен, так же готов выполнять любое его приказание. И Астиагу порой казалось, что, может быть, он не так уж сильно наказал Гарпага, может быть, надо было придумать что-нибудь более страшное? Сам никого не любивший, Астиаг не представлял себе, что смерть единственного сына — это и есть то самое страшное, что может вынести человек.

В царском дворце было тихо. Черноглазый мальчик в богатых одеждах появлялся иногда перед Астиагом. И снова исчезал в дальних покоях дворца. Казалось, он тосковал. Астиаг иногда заставлял его стоящим в одиночестве у окна. Мальчик задумчиво смотрел мимо золоченых стен на далекие горы, на зелень лесов, на красные осыпи ущелий и лиловые зубцы скал...

— Что ты смотришь туда? — спрашивал Астиаг. — Кого ты оставил там?

— Там моя мать Спако.

— Твоя мать не Спако. Ты знаешь это.

— Спако любила меня.

Астиаг усмехался.

— Любила? Тебе нужно, чтобы тебя, внука царя Астиага, любила жена какого-то презренного пастуха?

— Она кормила меня, когда я хотел есть. Она укладывала меня спать. Она утешала меня, если я плакал. Она заботилась обо мне.

— Так ступай туда и живи с пастухами!

Тогда Кир умолкал и словно весь подбирался.

— Теперь я этого не могу. Я — твой внук.

И было что-то опасное в глазах этого мальчика, в его голосе, осанке, и от этого старая тревога снова просыпалась в душе царя.

Однажды после такой встречи Астиаг призвал магов — толкователей снов.

— Повторите, как вы истолковали мое сновидение?

— Мы можем повторить то же самое, царь: сын твоей дочери будет царем.

— После меня?

— Вместо тебя. Если бы он остался в живых.

— Он остался в живых, — сказал Астиаг, — он вырос в деревне. Но когда мальчики, его товарищи, выбрали его царем, он все сделал и устроил так, как поступают настоящие цари — раздал звания «придворным», организовал «войско», все прочее... По вашему мнению, что все это значит?

Маги посоветались.

— Если мальчик живет, — сказали они, — и уже был царем, то будь спокоен. Вторично он не будет царствовать.

— Я сам так же думаю, — согласился Астиаг. — Сновидение мое уже оправдалось, и внук мой больше не опасен для меня. Однако, — добавил он с угрозой, — рассудите хорошенько и дайте совет, наиболее безопасный для моего дома... и для вас.

— Для нас самих, царь, весьма важно упрочить твою власть, — принялись уверять его

маги. — Ведь, если власть перейдет к Киру, у которого отец перс, персы захватят Мидию и мы превратимся в рабов, а пока царствуешь ты, до тех пор и мы пользуемся уважением народа и всякими почестями. Как же не заботиться нам о тебе и о власти твоей? Да если бы мы заметили какую-нибудь опасность, то сейчас же предупредили бы тебя. Но сновидение кончилось ничем. Поэтому мы и сами спокойны и тебе советуем успокоиться. А мальчика отошли к его родителям в Персию.

Астиаг выслушал это, и морщины на его лбу разгладились.

Маги ушли. Астиаг позвал к себе Кира:

— Из-за пустого сновидения я было обидел тебя, дитя мое. Но тебя спасла судьба. Теперь уходи с миром к персам, я пошлю с тобой провожатых. Там встретят тебя отец и мать. — И добавил с усмешкой: — Только не такие, как Митридат и Спако!

«А какие? — думал мальчик, оставшись один. — Мои родители царского рода. Но они бросили меня. А Митридат и Спако меня любили. Так почему он смеется над ними?»

И снова — уже в который раз! — он пытался понять: почему он, Кир, внук царя, оказался в семье пастуха? Почему родители оставили его, отдали Митридату? Сколько раз он пытался узнать это от слуг, от рабов, но у всех были запечатаны уста.

И почему Спако, лаская и приголубливая его, и называя «милым сыном», никогда, ни разу не проговорила, что он вовсе не сын ей?

Теплые воспоминания о доброй женщине увлажнили его глаза.

«Прощай, моя мать Спако! Прощай, мой отец Митридат!»

Тут ему вспомнились слова Астиага: «Так иди туда и живи с пастухами!»

Вернуться... Снова войти в хижину под низкой кровлей, где кисло пахнет не просохшим от ночной росы пастушеским плащом, сотканным из грубой рыжей шерсти. Снова гонять по горным пастбищам царева стада и беречь их от диких зверей. И так всю жизнь — сегодня, завтра, послезавтра?..

Нет! Он внук царя. Он сын царской дочери. Разве для того родился Кир в царской семье, чтобы остаться пастухом? Нет!

Но, когда вырастет, он возьмет к себе и Спако, и Митридата.

Он долго стоял у окна и смотрел на гаснущие вершины гор. И словно видел маленькую хижину, утонувшую в темной зелени, и людей, живущих там. Он стоял и плакал, прощаясь и с горами, и с лесами, растущими на них, и с дорогами сердцу людьми, которых он покидает.

Кир стоял и плакал, потому что ему было тогда всего только десять лет.

Кир узнал правду

Кир умел сидеть на коне. Этому он научился почти тогда же, когда научился ходить.

Спутники его, царские телохранители, которые должны были проводить Кира до отцовского дома, ехали сзади. Хотя и не считали они мальчика наследником мидийского царя — все-таки

по отцу он перс и принадлежит народу поработ-
щенному, — но было что-то в поведении Астиа-
гова внука такое властное, что мидяне опасались
обидеть его.

Мальчик был задумчив и молчалив. Дорога
шла на взгорье, солнце палило. Горы все теснее
и выше поднимались по сторонам, заслоняя Эк-
батаны.

Когда Кир оглянулся в последний раз, за
спиной уже не было ничего, кроме желтых с
лиловыми трещинами скалистых уступов.

Тогда Кир вспомнил о своих спутниках и
придержал коня.

— Что вы знаете обо мне? — неожиданно
спросил он ехавшего справа всадника.

У воина забегали глаза.

— Может, они что-нибудь знают?.. — кивнул
он на своих товарищей.

— Да и ты знаешь, — отозвался тот, что
ехал слева.

Это был молодой парень с бронзового цвета
улыбчивым лицом. Он, лихо красуясь, сидел на
лошади. Его бронзовый чешуйчатый панцирь и
шлем блестели на солнце, за спиной был виден
колчан со стрелами, у пояса позвякивал кинжал.

— Так скажите, что вы знаете обо мне! —
потребовал Кир.

Тот, что ехал справа, ответил уклончиво:

— Что можем мы знать? Царь велел прово-
дить тебя в Персию. К родителям.

— Ты говоришь: к родителям. А если мои
родители царского рода, так почему я оказался
у пастуха Митридата? Если бы я был внуком
царя Астиага, я бы рос во дворце.

— Иногда лучше не ведать прошлого, — вздохнул тот, что был слева. — Хоть и вырос ты в пастушьей хижине, а все-таки, поверь, твой дед — царь!

— Дед... — не глядя на Кира, проворчал тот, что ехал справа. — Лишь благодаря заступничеству богов ты и жив-то остался...

— Разговорились! — прикрикнул на них бородач. — Чего развязали языки?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мой дед Астиаг искал моей смерти? — спросил Кир, и глаза его стали узкими и острыми.

— Увы! — подхватил тот, что ехал слева. — А что умалчивать? Об этом все знают. — И прежде чем бородач успел остановить его, крикнул Киру в лицо: — Он хотел убить тебя!

Кир вздрогнул:

— Как, убить? За что?

— Ха-ха! — воин усмехнулся и покачал головой. — За что? За то, что ты сын его дочери!

— Довольно шуметь, — сказал бородач. — Уж если они все разболтали, так я расскажу тебе, царевич, все по порядку...

И он обстоятельно — со всеми подробностями, со всеми слухами и домыслами — рассказал Киру, как и почему он, царский внук, оказался у пастуха Митридата.

Кир слушал не прерывая. Тонкие черные брови его сошлись над переносицей, сливаясь в одну линию. Молодой лучник, ехавший слева, хотел было со смехом вмешаться в рассказ, но, увидев эту тонкую черную линию бровей, вдруг прикусил язык. «До чего же он похож на царя Асти-

ага!» — мелькнуло у него в голове, и неясный страх заставил его придержать коня и пропустить Кира вперед.

— Так он хотел меня убить? — опять спросил Кир, когда бородач умолк.

— Да. Это все знают. Только не выдавай нас Астиагу.

— Так он хотел меня убить! — повторил Кир.

— Да. Ты спасся чудом.

— А Гарпаг почему не убил меня?

— Не мог. Не хотел.

— Не хотел?

— Нет. Он пожалел тебя.

— Гарпаг меня пожалел... — прошептал Кир еле слышно.

И надолго замолчал. Теперь он знал о себе все.

Слух о том, что к Мандане и Камбису возвращается сын, далеко опередил Кира. В деревнях, через которые проезжал Кир, народ выходил на дорогу и глядел на него с волнением и любопытством.

— Это сын Камбиса? — спрашивали они у всадников. — Это правда?

Мидяне свысока смотрели на персов:

— Это сын Манданы, дочери Астиага.

Но персы повторяли друг другу:

— Это сын Камбиса! Сын Камбиса! Он перс... Наш... Наследник мидийского царства — перс!

И этот радостный шепот летел далеко вперед по долинам и каменистым нагорьям персидской земли, по деревням и городам, до города Пасаргады, до самого дома Камбиса и Манданы.

Взволнованные, они верили и не верили этому. Они знали, что их маленький сын умер и похоронен в царской усыпальнице. Они столько лет проклинали Астнага за эту смерть!

А теперь им говорят, что их сын жив, что их мальчик возвращается в дом своих родителей и что он уже здесь, близко!

Камбис сел на коня и в сопровождении небольшой свиты выехал навстречу Киру.

Выехав из городских ворот, Камбис приказал оставить его одного.

Ему хотелось, чтобы никто не мешал ему, когда его первый взгляд встретит сына. Какой он, этот мальчик? И действительно ли это его сын? Неужели боги все-таки свершили чудо, вернув ему ребенка?

Камбис так задумался, что когда поднял глаза, то увидел, что всадники уже близко. Первый же взгляд решил все. Да, этот стройный мальчик с горделивой осанкой и черной изогнутой линией крутых бровей — его сын. Он почувствовал это всей своей кровью. «Боги свершили чудо. Сегодня же принесу им жертву».

И он тронул коня навстречу Киру.

Мандапа не задумывалась и не сомневалась. Плача от такого неожиданного счастья, она припала Кира в свои объятия, как только сын в сопровождении отца остановился у родного порога.

На дворе собралось много людей — пришли родственники, друзья. Шум, говор, восклицания счастливого смеха... Это был великий праздник в семье Камбиса. И вдвое великий праздник для

всех персов. Но об этом они говорили тихо, опасаясь мидийских ушей.

— Сын Камбиса будет царем Мидии — он наследник Астиага. А ведь сын Камбиса — перс! Перс! Перс!

Когда мальчик отдохнул от тяжелого пути, от шума встречи и от объятий родственников, мать стала спрашивать о том, как и где он жил? И почему не убежал раньше к своим родителям? И почему не дал им знать, что он жив, когда они считали его погибшим?

— Я обо всем узнал совсем недавно, — отвечал Кир, — а о том, что царь хотел убить меня, узнал только дорогой.

— Мальчик, царь — твой дед! — с упреком прервала его Мандана.

Ей хотелось, чтобы Кир забыл о страшном решении Астиага. Разговоры об этом были опасны. И ведь не убил же все-таки отец ее сына!

— Царь — мой дед, — упрямо повторил Кир, — и он приказал убить меня. А Гарпаг не убил. И Митридат не убил. А Спако меня вырастила... и...

Здесь голос Кира задрожал, и он опустил ресницы, чтобы скрыть набежавшие слезы.

— Она очень добрая... Я очень люблю ее.

— Но ведь не она твоя мать! — поспешно прервала Мандана. — Мать — это я. Я! Разве я меньше любила бы тебя?

— Разве ты был бы меньше счастлив у нас? — мягко упрекнул и Камбис.

Мальчик быстро взглянул на мать, на отца и, овладев своим волнением, снова начал рассказывать:

— Мы пасли быков в горах. Там большой лес. Очень густой. К стаду выходили волки. Но отец не боялся их. Он их отгонял бичом. И я не боялся. А когда я, бывало, запоздаю и приду домой поздно, мать... Спако ждет меня. Она никогда не ляжет спать, если меня нет дома. Я очень люблю ее.

— Неужели ты, мой сын, никогда не сможешь признать меня матерью? — спросила Мандана. — Ведь я не виновата, что так случилось. Отец отнял тебя, он вырвал тебя из моих рук!

— Мы любили тебя, сын, и умершего, — тихо вздохнул Камбис.

Кипру стало жалко этих пока еще чужих ему людей. Вот они плачут теперь перед ним. Им больно, что он любит Спако, что Митридата называет отцом. А как он может забыть Спако и Митридата, как он может перестать любить их, если даже не они его отец и мать? Жестокие слова готовы были сорваться: «А почему же мои родители не защитили меня, почему отдали на смерть? Почему не вырвали меня из рук деда и не укрыли от гибели?»

Но он промолчал.

— И ты спал в хижине на соломе, ты, царский внук? — с сокрушением продолжала Мандана. — Ты, как простой пастух, пас быков и сражался с волками?

— Но зато отец... но зато Митридат научил меня ездить верхом и стрелять из лука. Мы с ним убили медведя, а когда кабаны напали на наше поле, мы прогоняли их. А Спако тогда...

— Опять Спако! — крикнула Мандана и вышла, закрыв руками лицо.

— Мальчик мой, — печально сказал Камбис, — ты должен понять, что уже не вернешься туда. Ты должен смириться с этим.

— Но Спако плачет теперь, — смущенно сказал Кир. — Я знаю, что не вернусь, но я хочу, чтобы они тоже приехали сюда. Можно, чтобы они приехали? Пусть живут здесь. Они ведь будут очень тосковать одни, без меня!

Кир с надеждой посмотрел в глаза Камбиса. Но тот только пожал плечами:

— Я не думаю, чтобы твой дед отпустил их.

И про себя добавил: «...если они еще живы».

— Когда я вырасту, я возьму их к себе, — сказал Кир.

— Когда вырастешь, поступишь как захочешь. А теперь ты прежде всего должен помнить о том, что ты — внук царя. Правда, ты перс, но и персы не всегда были данниками мидийских царей. А Персия, твоя родина, у них в презрении. Вот о чем ты не должен забывать. Будь мужествен — у тебя другая судьба!

— Какая судьба у меня? Я буду царем?

— Тс-с... Я вовсе не хотел сказать этого!

Камбис испугался — не молвил ли он лишнего? И поспешно заговорил о чем-то другом.

А Кир задумался.

Скоро все утихло и умиротворилось в доме Камбиса. И мать, рассказывая о чудесном спасении Кира, всегда добавляла:

— Его вскормила собака! Он будет необыкновенным человеком!

Ей не хотелось, чтобы люди говорили, что ее сына вырастила рабыня, жена пастуха. Уж

лучше пусть будет чудо — мальчика вскормила собака.

Тем более что Спако и собака — одно и то же слово!

Скитания

В доме отца Кира учили всему, что должен знать и уметь перс: ездить на коне, стрелять из лука и всегда говорить правду.

Учили Кира и тому, что не дозволяется делать. И прежде всего — не лгать. Лживость считалась у персов самым постыдным из всех пороков. Чего нельзя делать, того нельзя и говорить.

Вторым — после лживости — пороком считалось иметь долги. И тут сказывалось опять отвращение ко лжи: ведь должник вынужден лгать!

Нельзя плевать в реку. Нельзя мыть руки в реке. И нельзя позволять кому-либо делать это. Река — божество. А богов надо почитать.

Богам не нужно ни храмов, ни алтарей. Глупцы те, кто строят храмы и представляют себе богов такими же, как люди.

Но жертвы богам надо приносить. Приносить жертвы надо Солнцу — оно согревает, дает жизнь, посылает урожай. Луне — она ведает водами. Земле — она кормит людей и кормит их стада. А также Воде, Огню, Ветрам — природе, от которой зависит жизнь человека.

Кира учили, как должно вести себя с людьми. Если человек с тобой одного звания, поцелуй его в уста, встретившись на улице. Если человек

званием немного ниже, поцелуйте друг друга в щеку. Если же повстречаешь знакомого, который гораздо ниже тебя по званию, тот должен пасть перед тобой на колени и поцеловать тебе ноги.

Шли годы. Кир становился сильным, красивым юношей. В кругу своих сверстников из знатных персидских семей Кир проводил веселые дни. И во всем он был первым.

Никто лучше его не стрелял из лука, никто так отважно и красиво не умел скакать на коне, никто так метко не метал копья. Он превосходил всех, он был как луна среди звезд. И все его любили, потому что он был прост в обращении и умел себя вести так, что никого не подавлял и не оскорблял своим превосходством.

Кир не любил сидеть в четырех стенах. На своем крупном выносливом жеребце он скакал, окруженный сверстниками, по рыжим, спаленным жгучим солнцем нагорьям Персиды.

Они углублялись в зеленые влажные долины, полные птичьих голосов и свежего дыхания горных водопадов, над которыми часто висело сияние радуги.

Они поднимались высоко в горы, карабкались по отвесным скалам с крутыми обрывами, забирались в узкие глухие ущелья, где легко встретить безвестную и безмолвную смерть.

Они охотились на леопардов в диких пустынях, где мертвым белым блеском светились солончаки и земля, не знающая дождей, как метал звенела под копытами.

И каждый раз, когда Кир садился на коня, а товарищи его уже толпились у ворот, Камбис говорил им:

— Персы, берегите Кира!

В его словах, в его взгляде было столько глубокого значения, что беззаботные спутники Кира сразу становились серьезными. Они знали, кого сопровождают и что значит этот юноша для их угнетенной страны.

Кир много видел во время этих поездок. Он видел, как дрожат очертания далеких зубчатых нершин в мареве раскаленного воздуха, как плывут по склонам перламутровые тени облаков.

Иногда он останавливался, увидев лиловое, как аметист, озеро, неподвижно лежащее в ладонях розовато-желтых скал, которые бережно держали его, словно боясь расплескать...

Однажды Кир вернулся домой расстроенный.

В зеленой долине его встревожил пряный запах шпата, и Кир вдруг умолк среди веселой беседы. Где он слышал этот запах? Когда?

И тотчас он очутился возле далекой лесной хижины, где у порога росли эти маленькие желтые пахучие цветы.

Спако! Митридат!

Как это все далеко... Так далеко, что и следы исчезли. Он не раз пытался разыскать их, посылал туда преданных ему людей, но никого не нашел. Даже имен этих — Спако и Митридат — никто не произнес ни разу. Даже от хижины их ничего не осталось.

Случалось, что неведомые дороги уводили Кира очень далеко. Ему захотелось побывать в Соляной пустыне, и товарищи никак не смогли удержать его.

Они увидели там красноватую зловещую даль, где на барханах росли только чахлые колючки.

Но, к счастью, не успели забраться далеко вглубь — буран, поднявший черную песчаную пыль, закрыл солнце и испугал Кира.

Побывал Кир и на берегу Персидского залива. Тут выпадало мало дождя, почва была бесплодна и только финиковые пальмы росли хорошо. С неясными думами стоял он над зелеными волнами. В этот залив впадают воды великих рек — Тигра и Евфрата. Там, на их берегах, лежит могущественное царство — Вавилония. Там, где-то на Евфрате, воевал его прадед Киаксар...

Начинался отлив, медленный и незаметный в этом море. Кир ждал, когда обнажится дно, и потом, как мальчишка, удивлялся ветвистым колониям кораллов, крабам и моллюскам, сверкавшим, словно драгоценные камни, на мокром песке...

А потом он переправлялся на остров и сидел там на берегу с ловцами жемчуга. Груды крупных раковин с налипшей на них тиной громоздились у его ног. В этих раковинах, поднятых со дна моря, таились драгоценные жемчужины — и розоватые, и с оттенком желтизны, и белые, полные теплого сияния.

Ловцам они не доставались — хозяева отбирали жемчуг. Изнуренные, с воспаленными глазами, ловцы ныряли с открытыми глазами на глубину пяти-семи метров, зажав нос костяными рогульками, с грузом в руках. Жемчужины украшали тиары*, сияли на груди богатых вельмож. А недолгая жизнь ловцов жемчуга прохо-

* Тиара — головной убор персидских царей.

дила в беспросветной нищете. Обо всем этом они рассказывали Киру.

Кир заглядывал в тростниковые, обмазанные глиной хижины рыбаков и здесь тоже находил друзей и собеседников.

Кир проносился со своими спутниками по каменистым пустыням и степям, останавливаясь ночевать в стойбищах пастухов, которые пасли стада грубошерстных овец, стада верблюдов и лошадей, коров, буйволов и ослов.

И всюду, где ночевал, где ел пшеничные лепешки и пил кислое вино, он подолгу разговаривал с людьми. Он хотел знать их мысли, их чаяния. Чтобы управлять людьми, надо знать, как и чем они живут.

И всюду люди, что постарше, старались молчать, вздыхая и опуская глаза. А те, что помоложе, охотно отзывались на его пытливые вопросы. Жить тяжело, трудно. Мидяне задушили налогами. Запугали жестокостью. Ярмо рабства становится невыносимым. Но что делать? Астиаг силен, в его руках войска, и военачальники не персы, а мидяне.

Кир слушал внимательно. И молчал. Он знал Астиага и давно научился осторожности.

А когда Кир, окруженный молодыми персами, возвращался домой и все они снова принимались за игры, за стрельбу из луков, за скачки и другие забавы, то даже самые близкие друзья Кира не догадывались, что он помнит все увиденное и услышанное в дальних поездках и подолгу думает об этом.

В один из дней, опаленный зноем каменистых гор, Кир, едва умывшись, пришел к отцу.

— Отец, ты был на Демавёнде?

Камбис с удивлением посмотрел на него. Яркие глаза Кира были широко открыты. В них светилась отвага и еще какая-то глубокая, за- таенная, не понятная отцу мысль.

— Нет. Я даже не видел Демавенда. Ведь это очень далеко.

— Я знаю. Когда я жил там... — Кир не хотел произносить имени Митридата, — мне рассказывали...

Кир мог бы поведать отцу, что рассказывали ему о Демавёнде, об этой высочайшей вершине хребта Эльбурса, когда он жил «там». Когда-то этот вулкан извергал пепел и лаву, наводя ужас на всю страну. Теперь он молчит, и только маленький вулкан Дуде-Ку́х на его южном склоне еще дымит и дышит сернистым газом, расстилая сизую дымку по окрестным горам.

— А кто-нибудь был там, на вершине?

— Нет, — отвечали ему, — там лед и холод.

— А летом?

— И летом. Человек сразу умрет, если вздумает подняться туда. Там живут демоны. И маги пришли от Демавенда. У подножия этой горы — их родина.

Ему рассказывали об угрюмых зубчатых гребнях Демавенда, покрытых желтой серой. О камнепадах, грохочущих там. О долинах, закованных льдом, о ледяных барьерах, преграждающих человеку доступ к жилищу богов...

Но Кир избегал разговоров с отцом о том времени, когда он жил в хижине пастуха.

— А у нас в Персии есть такая же высокая гора?

- Нет.
- А могу я добраться до Демавенда?
- Зачем тебе туда?
- Я хочу знать: далеко ли видно оттуда?
- Никто не знает этого. Не узнаешь и ты.
- Мазандеран видно?
- Думаю, что видно.
- А Соляную пустыню?
- Соляную пустыню видно тоже.
- А дальше?
- О чем ты говоришь, Кир?
- Я хочу знать: виден ли оттуда Вавилон?
- Отец сверкнул на него взглядом и отвел глаза.
- Ты — внук своего деда, Кир. Ты меня пугаешь. Что тебе надо в Вавилоне?
- Царь Киаксар ходил в Ассирию. Он воевал с Ниневией и победил. А я, когда буду царем, возьму Вавилон.

Камбис быстро оглянулся. В покоях никого нет, но у Астиага везде есть уши.

— Я не хочу слушать тебя. Молчи!

Но, видно, речи Кира затронули его тайные мечты, которые он даже себе самому боялся высказать.

— Царь Астиаг сам возьмет Вавилон. Он давно готовится к этому походу. А при чем здесь ты? — стараясь сохранить строгий вид, сказал Камбис. — Ты — внук царя. Но ты — сын перса. Сын Камбиса, данника Мидии!

Тяжелая горечь прозвучала в этих словах. Разве забывал Камбис когда-нибудь, что его Персия в рабстве? Разве забывал, что он сам, хотя и царского рода, ниже последнего из мидян? Разве не устал слышать от мидийской

родни своей жены, что он живет с женщиной, которая намного выше его по рождению и которая так унижена своим браком с ним, с персом!

Глаза Кира вспыхнули.

— А разве у Астиага есть сыновья? — запальчиво спросил он. — Или есть другие внуки? И разве царь Астиаг бессмертен?

— Благодарю богов, что ты еще жив! — закричал Камбис. — Хватит! Я больше не слушаю тебя!

И он вышел, зажав уши руками.

Письмо Гарпага

Может быть, веселые, пестрые дни цветущей юности Кира, которые мчались, полные приятных забот, путешествий, игр и развлечений, совсем отодвинули бы тяжелые воспоминания детства и мстительную ненависть к тому, кто сидит сейчас за семью зубчатыми стенами в Экбатанах, к тому, кто держит в рабстве его отца, кто когда-то приказал убить его... Может, еще ждал бы Кир в бездействии поворота своей судьбы, если бы обо всем, что случилось тогда, забыл Гарпаг.

Но Гарпаг ничего не забыл.

Он был тем же преданным царю вельможей. Он охотно выполнял поручения Астиага, был всегда спокоен, всегда почтителен. Все, что делает царь, хорошо. Все, что он решает, мудро. Он весь принадлежит царю. Пусть в любую минуту Астиаг потребует от Гарпага его жизнь — Гарпаг умрет!

Но, приходя домой, он становился самым собою. Печальная тишина покоев неизменно напоминала ему о том маленьком живом человеке, который ушел отсюда, посланный на смерть его рукой... Гарпаг видел его; он видел вдруг расширившиеся от страха глаза мальчика, когда, загнувшись, он остановился на пороге. Гарпаг протягивал руки, будто стремясь удержать ребенка, и тут же, опомнившись, бессильно опускал их.

И тогда он скрежетал зубами и злым шепотом проклинал Астиага и призывал на его голову гнев всех богов, какие только могут вмешаться в жизнь человека. И, устав от проклятий, плакал.

Гарпаг еще не знал, как отомстит царю. Но его мысль работала над этим неустанно. Он должен был отомстить, и он это сделает. Но как? Что он может сделать Астиагу, человеку подозрительному и осторожному, который всегда окружен охраной за своими семью стенами? Ведь не может же он собрать войско и захватить царя, а потом казнить его так, как он заслуживает за свою свирепость! Гарпаг только родственник царя, но царем он никогда не будет.

Тут перед ним возникал Кир. Вот кто будет царем! Рано или поздно он будет царем. Он поможет Гарпагу отомстить за все. Только нельзя допустить, чтобы Кир забыл о прошлом.

И Кир время от времени стал получать тайные подарки из Мидии.

То прибывали кони из Нисейской равнины, самые лучшие кони страны, которые славились своей выносливостью, быстротой, красотой, — подарок Киру от Гарпага.

То привозили египетский чешуйчатый панцирь, украшенный золотом, — подарок Киру от Гарпага.

То красивый красный, расшитый золотыми птицами плащ, достойный царского плеча, — подарок Киру от Гарпага.

Кир принимал и благодарил. И Гарпаг знал, что юный Кир помнит о нем.

Годы шли. Гарпаг торопил их. По ночам, лежа без сна, он считал и подсчитывал, сколько лет теперь Киру. Гарпаг знал о мальчике все: что он растет, как выхоленное деревцо; что он лучший среди своих товарищей наездник и стрелок из лука; что он красив, как молодой месяц... Скоро, уже скоро станет Кир взрослым, станет мужчиной, с которым можно будет вести серьезный и трудный разговор. Как-то он отзовется на то, что скажет ему Гарпаг?

А пока Кир подрастал, Гарпаг не терял времени. Осторожно, с опаской — с каждым порознь — вел он тайные разговоры с мидийскими вельможами.

— Наш царь жесток, — говорил он, — мы никогда не можем поручиться за то, что будет через день, через час. Нынче он тебе улыбается, завтра прикажет схватить и заковать в цепи, зарезать, пустить стрелу из-за угла. Как дальше жить с таким царем? И почему мы должны терпеть его?

А так как в редкой семье кто-нибудь не пострадал от Астиага, то придворные все чаще и внимательнее прислушивались к Гарпаговым речам. Одни соглашались. Другие робко отмал-

чивались. А третьи сами горели от ярости и готовы были на все, чтобы отомстить Астиагу за свои беды и горести. И каждый спрашивал:

— А кто же у нас будет царем? Ведь у Астиага нет сына!

И Гарпаг каждый раз отвечал:

— Но у него есть внук.

Постепенно имя Кира все чаще стало повторяться в домах влиятельных людей. Мидийским вельможам надоело трепетать перед Астиагом, он возмущал их своей жестокостью, вспышками ярости, безграничной надменностью и вероломством.

Вельможи молчали и прятали глаза перед Астиагом. А царь, уверенный в своем могуществе, ничего не замечал, ничего не подозревал.

У него не нашлось ни одного друга, который предупредил бы его. Вокруг были только враги. Астиаг достаточно потрудился в своей жизни для этого.

Наконец наступил день, когда Гарпаг решил открыть свой замысел Киру.

Но как сообщить ему об этом? Как узнать, согласен ли Кир стать царем при живом царе? При такой игре на кон ставится жизнь. Астиаг, если победит, щедро расплатится казнями и пытками.

Как сообщить Киру? Кир живет в Персии. Все пути из Мидии охраняются стражей. Всюду лазутчики и шпионы. Письмо, отправленное в Персию, будет немедленно прочитано.

Пришлось пойти на хитрость. Гарпаг приказал доставить ему битого зайца.

Взяв зайца, Гарпаг заперся в своих покоях. И там тайно, чтобы никто не знал и не видел, разрезал живот зайца, и сделал это так искусно, что не тронул шерсти. В живот он вложил свое письмо, в котором рассказал Киру обо всем, что задумал. И снова зашил зайца. Потом он позвал своего самого верного слугу.

— Возьми зайца, — сказал он, — и возьми сеть. Если спросят, кто ты, куда идешь, скажи, что ты охотник, вот поймал зайца и теперь идешь домой. А сам иди в Персию, в дом Камбиса. Найди Кира и передай ему этого зайца. И скажи ему: пусть он собственноручно разрежет зайца, но чтобы при этом никого не было.

Верный слуга взял зайца, сунул его в сеть и тотчас отправился в дорогу.

Молодой Кир удивился, когда, вернувшись с охоты, увидел человека, дожидавшегося его с зайцем.

Но, заглянув ему в глаза, Кир не стал ни о чем расспрашивать.

— Разрежь зайца, чтобы никто не видел, — шепнул ему слуга Гарпага.

Кир заплатил ему, сделав вид, что сам просил доставить зайца. Слуга тотчас ушел.

Кир, волнуясь, заперся в своих покоях и, схватив кинжал, нетерпеливой рукой разрезал зайца. Осторожно вскрыв ему живот, он достал письмо.

«Боги хранят тебя, сын Камбиса, — писал Гарпаг, — иначе ты не поднялся бы на такую высоту. Отомсти Астиагу, своему убийце. Он желал твоей смерти. Ты живешь только благодаря

богам и мне. Я полагаю, что все давно тебе известно: и то, как поступили с тобой, и то, как я наказан Астиагом за то, что не погубил тебя, и передал пастуху. Если пожелаешь довериться мне, будешь царем всей земли, в которой царствует теперь Астиаг. Склони персов к восстанию и иди войной на Мидию. Если Астиаг назначит полководцем меня или же кого-нибудь другого из знатных мидян в войне с тобою, то случится желательное для тебя, ибо мидийская знать прежде всех отойдет от Астиага и постарается вместе с тобой низвергнуть его. Так как здесь все готово, то действуй, действуй возможно скорее».

Кир действует

Кир с пылающими глазами долго сидел над посланием Гарпага.

«...Если пожелаешь довериться мне, будешь царем всей земли...» Царем всей земли! «...действуй возможно скорее». Действуй! Но как действовать? Что надо делать? «...склони персов к восстанию...»

Но как склонить? Если он сейчас начнет говорить об этом с персами, то кто поручится, что в ту же ночь не помчится предатель к Астиагу с доносом?

Нет. Так просто это дело начинать нельзя. Посоветоваться с отцом? Но Камбис слишком робкий и осторожный человек. Он женат на царской дочери, а живет почти в изгнании. У него отняли и чуть не погубили сына-первенца,

и он отдал своего сына, даже не пытаясь защитить его!

Нет, в таком деле отец ему не советчик.

Юный Кир в ту ночь не ложился спать. Мысли вихрились, не давали успокоиться. На секунду мелькнуло: а может, отказаться от этого чересчур рискованного дела? Но только мелькнуло: Кир уже не мог отказаться от тех головокружительных перспектив, которые во всем блеске раскрылись перед ним: «...будешь царем всей земли, в которой царствует теперь Астиаг».

«Но я никогда не буду таким царем, как Астиаг, — думал Кир. — Он злодей и убийца. Он не знает границ своей свирепости, его боятся и ненавидят. Я освобожу от него Персию. Я верну ей свободу. Персия! Как она придавлена, в каком она презрении! Я должен освободить страну моих отцов, страну моего народа. Я должен. Но как?»

Долго обдумывал Кир предстоящее дело. И наконец решил, что без хитрости ему не обойтись.

И вот что он придумал.

Кир написал письмо, поставил подпись Астиага и запечатал. И объявил всем, что письмо это получил от царя.

Чтобы прочитать письмо, он созвал персов — всех, кто мог прийти на площадь. Персы собрались, всем было важно знать, что пишет царь их соплеменнику Киру.

Кир вскрыл письмо и прочел его вслух. В письме говорилось, что царь Астиаг назначает своего внука Кира военачальником персов.

Известие это было принято хорошо. В первый раз с тех пор, как Мидия поработила Персию, военачальником над персами стал перс. Сразу какие-то еще не ясные, но радостные надежды засияли в глазах людей, какое-то оживление появилось в разговорах. В один голос они приветствовали своего нового военачальника Кира.

— Теперь, персы, слушайте меня, — сказал Кир, чувствуя, как радость и надежды народа приподнимают его и наполняют его сердце смелостью. — Предлагаю вам явиться сюда завтра, и пусть каждый принесет с собой серп.

Кир позвал не всех персов. Он отобрал наиболее уважаемых и влиятельных людей из племени пасаргадов, марафиев, маспиев. Пасаргады — племя, к которому относился и род Ахеменидов. К этому роду принадлежал отец Кира, а значит, и сам Кир.

Когда те, кого позвал Кир, явились к нему с серпами в руках, он приказал им расчистить за один день огромный луг, совсем заросший бурьяном и терновником. Персы недоумевали, однако тотчас принялись за работу. Они верили, что Кир назначен Астиагом управлять ими, а при имени Астиага каждого пробирала дрожь. Они радовались, что военачальником назначен именно Кир — молодой, умный, рассудительный и смелый перс. Они только не могли понять, что придумал Кир и зачем заставил делать эту трудную рабскую работу.

К закату солнца луг был скошен. Он лежал чистый, ровный, только косматые кучи бурьяна чернели на нем.

К концу работы Кир явился на луг.

— Я вижу, вы сделали, что я велел. И сделали хорошо, хотя вам и пришлось как следует потрудиться. Теперь я прошу вас всех явиться сюда завтра, но предварительно хорошенько отмывшись.

Все так же недоумевая, персы разошлись по домам.

Ночью Кир приказал согнать в одно место отцовские стада — коз, овец, быков. Всю ночь шли приготовления к пиру — резали скот, жарили мясо, запасали вино.

Камбис ни во что не вмешивался. Он подозревал, что Кир затевает опасное дело, но понимал, что удержать или помешать ему он уже не сможет. Со страхом и радостной надеждой он следил за распоряжениями Кира и не мешал ему.

Да и как помешать, если сам Астиаг назначил его военачальником!

Утром персы явились снова в ожидании: что же Кир заставит делать сегодня? Кир встретил их любезной улыбкой и пригласил расположиться на лугу. Слуги поспешно стали разносить мясо и вино, а Кир ходил среди гостей — угощал их, приветствовал, как своих самых лучших друзей и родственников. И по всему лугу зашумело веселье.

Пир окончился только к вечеру. Но прежде чем гости разошлись, Кир обратился к ним:

— Что вы предпочитаете, персы: вчерашнее или сегодняшнее?

Персы с улыбкой переглядывались.

— Между этими двумя днями большая разница! — отвечали они. — Вчерашний день — одни лишь тягости, а сегодня — только удовольствия!

Кир тотчас подхватил эти слова.

— Таково ваше положение, персы, — сказал он. — Если вы последуете за мною, то будете пользоваться многими благами, будете свободны от работ, которые дают только рабам. Если же откажетесь, то будете обременены так, как были вчера. Я чувствую, что божеским определением назначен освободить вас; следуйте за мной и будете свободными. Вы же, персы — я в этом уверен, — ничуть не ниже мидян, а храбростью, может быть, даже превосходите их.

Слова эти были неожиданны и потрясли всех. Восторженный гул долго стоял над лугом, где догорали пиршественные костры. Персы давно были готовы вступить в бой за свою свободу, но у них не было вождя.

Теперь вождь явился.

Первая победа

Так как у царя Астиага по всей стране бродили соглядатаи, то он очень скоро узнал, что происходит в Персии.

Астиаг был вне себя.

— Что он там делает? — кричал Астиаг. — Что он задумал? Я знал, я чувствовал. Боги не обманывали меня, они меня предупреждали!

Астиаг приказал немедленно послать вестника в Персию.

— Пусть Кир сейчас же явится ко мне!

Молодой Кир встретил вестника очень спокойно. Он только что сошел с коня, вернувшись из дальней поездки, — ездил собирать войска. Кир стоял в простой одежде, в грубом плаще из толстой шерсти, который так хорошо защищает в непогоду, — он в то время еще не знал роскоши и не стремился к ней. Только ножны короткого меча, висевшего у него на правом боку, сверкали золотом и дорогими камнями.

Кир выслушал приказание царя Астиага. Явиться в Экбатаны во дворец за семью зубчатыми стенами и там умереть мучительной смертью. Разве не знает он своего деда?

В черных глазах Кира засветилась насмешка, похожая на угрозу:

— Передай царю Астиагу: Кир придет к нему, и даже раньше, чем царь того желает!

С трепетом принес вестник царю эти дерзкие слова. И Астиаг тотчас приказал готовиться к войне.

Мидия встревожилась, зашумела.

— Ты не придешь! — повторял Астиаг. — Тебя приведут ко мне!

Он еще не знал, как накажет Кира. Но что наказание будет страшным — это он знал.

Со всех концов Мидии шли в Экбатаны отряды воинов, тянулись караваны с продовольствием. Сгоняли скот, который на войне должен следовать за войском.

Чтобы подготовиться к походу, понадобилось немало времени. Целый год прошел в сборах и приготовлениях. Астиаг хотел хорошенько снарядить свои войска, чтобы сразу усмирить вос-

ставшую Персию. К тому же Астиаг не спешил: он был уверен в победе. Такое ли грозное государство Персия, чтобы Астиагу беспокоиться? Да и персы еще могут одуматься и прийти с повинной. Нельзя же всерьез принимать такого полководца, как этот мальчишка Кир, который людям на смех называет себя царем!

Однако время шло, а персы по-прежнему отвергали власть Астиага.

Надо начинать войну. Мидийские войска готовы. Но кого же поставить во главе войска?

И тут боги помрачили рассудок царя — он назначил своим главным военачальником Гарпага. Астиаг забыл, что он сделал этому человеку. Гарпаг, выслушав приказ, опустил ресницы, чтобы царь не увидел, какой жестокой радостью загорелись его глаза.

Гарпаг не стал медлить. Он тут же повел войска к персидской границе.

Царь взирал из-за золотых зубцов своей крепости на сверкающие солнцем копья уходящих воинов, сжимал бескровные губы от затаенного торжества. Скоро эти войска вернутся обратно. Гарпаг — опытный полководец, ему ничего не стоит усмирить Персию. Войска вернутся и приведут в Экбатаны Кира. Вот тогда Астиаг поговорит с ним!

Каждый день Астиаг ждал вестей о победе. Но вести пришли странные, ошеломляющие. Мидийские войска не стали сражаться с персами! В бой бросилась только небольшая их часть, не знавшая о сговоре Кира и Гарпага. А остальные — или открыто, вслед за Гарпагом, перешли

на сторону персов, или просто бежали, не желая сражаться.

Лишь только Астиаг услышал о таком позоре, он грозно воскликнул:

— Несдобровать же Киру!

И тотчас велел позвать магов, которые тогда посоветовали ему отпустить Кира.

— С кем из богов совещались вы, когда велели мне отослать Кира в Персию? Что видели вы, предсказывая мою судьбу?

Маги молчали, дрожа от ужаса. Они уже знали, что их ждет смерть.

— Если вы могли предвидеть, что так случится со мной, то предвидели ли, что случится с вами?

— Без тебя мы погибли бы, царь, — отважился возразить один из магов. — Твой сон предсказывал...

— Я знаю, что предсказывал мой сон, — прервал Астиаг. — Мой сон предсказывал, что каждый из вас будет посажен на кол.

Маги с воплями упали перед Астиагом. Они умоляли помиловать их и не предавать такой страшной казни.

Но Астиаг позвал охрану и приказал немедленно казнить их так, как сказал.

Стража схватила магов. Стоны магов, которых вели на казнь, разносились далеко вокруг. Люди слышали их, но каждый спешил прочь:

— Да минует нас гнев Астиага!

Астиаг не оставался в бездействии. Проклинаемая Гарпага, проклиная себя за то, что доверился изменнику, он поспешно вооружал всех,

кто еще мог носить оружие. И, кипя от негодования, забыв о еде и отдыхе, Астиаг сам повел свое войско в поход против персов.

Три года длилась эта война. Напрасно стремился Астиаг разбить Кира и снова привести в подчинение Персию — он проигрывал сражение за сражением. Но он не успокаивался, он продолжал воевать, собрав в свои отряды даже мальчиков и стариков. Он все еще надеялся победить.

К концу третьего года войны Астиаг был разбит. В этом последнем сражении все его войско легло на поле боя на персидской земле. А сам Астиаг был взят в плен.

— Как ты поторопился, Астиаг, — сказал ему Кир. — Мог бы дожждаться, когда я сам приду к тебе!

Астиаг в плену. Астиаг в темнице, в цепях. Астиаг в руках Кира. «Сбылось предсказание богов! — думал Астиаг в тоске. — Они меня предупреждали, что так будет».

Но эти маги!.. Если бы можно было, он казнил бы их и во второй раз. И в третий.

И что теперь решит Кир? Что он сделает с Астиагом? А Мандана, его дочь, — разве она не заступится за своего отца? Ведь он, в конце концов, не убил ее сына!

В то время как пленный царь сидел и раздумывал о своей грядущей судьбе, к нему в темницу вошел Гарпаг.

В богатом панцире и плаще, с дорогим кинжалом на поясе, высокий, словно распрямившийся, он стоял и смотрел на Астиага. Он смотрел

на него сверху вниз с высоты своего роста, и видно было, как он наслаждается этим зрелищем. Сейчас он мог как угодно оскорбить и унижить своего злейшего врага — Гарпаг так долго ждал этой минуты, и он ее дождался!

— Нравится ли тебе рабство вместо царской власти? — сказал он наконец с горькой усмешкой. — Впрочем, что твоя беда по сравнению с тем пиром, на котором ты так знатно угостил меня!

Астиаг вскинул на него острые злые глаза. В них блеснула догадка:

— Уж не причастен ли ты к делу Кира?

Гарпаг усмехнулся:

— Не причастен ли! Да это я все придумал. Я сам написал Киру и научил его, как надо поступить. «Не причастен ли»! Дело Кира — это мое дело!

Астиаг вскочил, громыхая цепью.

— Ты глупейший и бессовестнейший человек! — закричал он. — Глупейший — потому что мог бы сам быть царем, а сделал царем другого человека. И бессовестнейший — ты из-за пира, который тебе не понравился...

— «Из-за пира»! — с негодованием и слезами в голосе Гарпаг прервал Астиага. — Из-за пира, который мне не понравился!

— Из-за пира, который тебе не понравился, — не слыша его, кричал Астиаг, — ты из-за этого пира обратил в рабство мидян. Если уж тебе непременно нужно было другого царя вместо меня, почему же ты не сделал царем мидянина, а отдал царскую власть персу? Теперь ни в чем не повинные, несчастные мидяне из господ

стали рабами! А персы, бывшие рабы, стали господами их!

— Не ищи, на кого свалить вину за это, — сказал Гарпаг с презрением. — Во всем, что случилось, виноват только ты сам, твоя свирепость. Мидяне не будут более несчастными под властью персов, чем были под властью безумного, бесчеловечного царя, который терзал свой народ!

И, не слушая более Астиага, Гарпаг не оглянувшись вышел из темницы.

Так кончилось царство Астиага, продолжавшееся тридцать пять лет.

И так началось царство персидского царя Кира.

«Астиагу Кир не причинил никакого вреда и держал при себе до самой его смерти», — этими словами заканчивает Геродот свое повествование о том, как молодой Кир победил Астиага и стал царем.

Царь Крез

Кир не стал мстить Астиагу. Он освободил его из темницы, позволил жить в своем дворце и даже приказал почитать его как бывшего царя и как своего деда. Только не допускал его вмешательства в государственные дела и не слушал ни его советов, ни его порицаний.

Кир не поработил и не унизил Мидию. Он объединил ее с Персией, и оба народа стали одним государством.

Он не разорил и столицу побежденного царя, как это было в обычае у царей Азии. Экбатаны так и остались столицей наравне с боль-

шими персидскими городами — Пасаргадами и Сусами.

Кир любил Пасаргады.

В этом городе, как наиболее укрепленном, хранились его сокровища, его государственная казна. Там же находились гробницы его персидских предков.

Но, став царем, Кир увидел, что эти города, да и вся Персия, лежат на окраине его большого государства. И что гораздо удобнее для его замыслов основать царскую резиденцию в Сусах, или в Шушане, как тогда говорили.

Область Сусиана находилась в глубине страны, ближе к Вавилонии, у моря, и побережье ее тянулось почти до самого устья Тигра.

Кир украсил и укрепил Сусы. Он возвел крепкие городские стены из обожженного кирпича, скрепленного асфальтом. Построил там дворец, который был роскошнее всех дворцов Персии и Мидии.

Сусиана была очень плодородная страна. В реке Хоаспа́, которую сейчас называют Кéрха, где стояли Сусы, была необыкновенно свежая и чистая вода.

Однако в Сусах Кир жил только зимой. Высокие горы на севере Сусианы перехватывали холодные северные ветры, и они проходили поверху, минуя Сусы. Поэтому в летние месяцы там просто горела земля от зноя.

«...Летом, когда солнце сильнее всего припекает, около полудня, — рассказывает древнегреческий географ и историк Страбон, — ящерицы и змеи не успевают пересекать улиц в городе, а

посреди дороги сгорают... Холодная вода для купания; выставленная на солнце, тотчас нагревается, а рассыпанные на открытом для солнца месте ячменные зерна начинают прыгать, как в сушильных печах».

Из-за этой жары жителям приходилось покрывать крыши толстым слоем земли, чтобы укрыться от солнца.

Кир, выросший в холодной гористой Мидии, не выносил этой жары и на лето переезжал в Пасаргады, а чаще всего в город своего детства — Экбатаны, где по-прежнему за семью стенами стоял царский дворец.

Три года после войны с Астиагом Кир занимался устройством своего государства. Он объединял вокруг себя мидийские провинции, старался договариваться с ними мирно, убеждал, что, объединившись, они будут сильнее и защищеннее. Ему часто это удавалось. А когда не удавалось, он шел с войском и покорял несговорчивые племена.

Так — целенаправленно — готовился Кир к большой войне, к большим завоеваниям — к походу на Вавилон, который исстари грозил его родине войной и разорением.

За всеми действиями Кира с большой тревогой следил царь Лидии Крез. Он видел, как набирает военную силу Кир, как растет его держава. Кир еще не трогал его владений и не объявлял ему войны, но он захватывал земли, граничащие с Лидией. Кто поручится, что он завтра не перешагнет и лидийскую границу? Границей Лидийского царства была река Галис.

Эта река начиналась в горах Армении и пересекала почти всю Азию. И древние историки и географы обычно так и говорили: «По ту сторону Галиса» — или: «По эту сторону Галиса».

Теперь эта река называется Кызыл-Ирмак, что значит «Красная вода». У нее и в самом деле вода красноватая, потому что в горах она размывает каменную соль и красные мергелинские глины.

Древние греки называли ее Гáлис, что значит «солончак». Красноватые воды Галиса текли среди земель, на которых было много солончаков. Солончаки сверкали резкой белизной на серых пустынных берегах.

По ту сторону Галиса начинались богатые плодородные долины Лидии. Щедрые урожаями пашни и сады, цветущие травами пастбища, изобилие озер и рек, изобилие жаркого солнца...

Лидийский царь Крез славился своим могуществом и богатством. Его отец Алиáтт царствовал долго и много воевал. Крез после его смерти продолжал воевать и захватывать близлежащие земли. Вся страна к западу от Каппадокíи была подвластна ему — мидяне, пафлагонцы, вифинцы, карийцы. Многие племена эллинов, поселившихся на азиатском берегу голубого Эгейского моря, платили ему дань. Поэтому и называли тогда Креза «Владыкой племен».

Столица Лидии — Сáрды гордилась своим великолепием и неприступностью стен. Над Сардами сияла снежная вершина Тмóла. Ее склоны, богатые лесами и пастбищами, наполняли город свежим дыханием сосны и бука. Река Пактóл,

бегущая с Тмола, приносила в Сарды обилие прозрачной воды. Пактол усердно размывал в горах золотую жилу и, будто служа Крезу, нес в его казну золотой песок.

Но не только золото Тмола обогащало Креза. Лидийское царство лежало на большом торговом пути между Западом и Востоком. Этот путь был более безопасен, чем морской, и поэтому здесь один за другим шли груженные разными товарами караваны.

Лидия торговала и с Западом и с Востоком, и даже с греческими городами — теми, что лежали в Малой Азии, и теми, что были в Европе.

Эта торговля так обогатила Креза, что богатство его вошло в поговорку, и, когда в других азиатских странах еще не знали денег, в Лидии уже чеканили монеты.

Под Сардами далеко вокруг расстилалась цветущая равнина, полная красоты и спокойствия. Возделанные поля, оливы, виноградники приносили свои солнечные плоды. Были здесь и плантации морены, которой красили шерсть, а краска эта не уступала пурпуру и кошенили.

Реки, бегущие с гор, орошали равнину. Весной их разлив был так широк, что в двух часах ходьбы от Сард пришлось выкопать водоем для сбора полых вод. Так искусственно было создано круглое озеро Кóло. Вокруг озера, в безмолвии гор и воды, стояли могильные курганы лидийских царей — земляные холмы на круглых каменных основаниях. И самый высокий курган был могилой царя Алиатта.

Гость Креза

Дворец Креза часто шумел пирами и был открыт для званых и незваных гостей. Странники и путешественники, проходя через Лидию, не миновали Сард.

И вот что рассказал об одном из гостей царя Креза Геродот.

Однажды во дворец Креза зашел странствующий эллин, афинский законодатель Солон.

Крез принял гостя радушно. Три дня пиروвали во дворце, три дня звенели золотые чаши, звучали флейты и кифары, прославляя мудрость и отвагу царя Креза.

Кифаредам было о чем петь. Они славили царя Креза как могли.

...Царь Крез, лидиец, первый азиат из царей-варваров, покорил племена эллинов — тех, что жили на азиатском берегу, — и заставил их платить дань. Эллинские боги не помогли им. Стоит вспомнить Эфес. Жители его построили такой красивый храм своей богине Артемиде, и как просили они богиню защитить их от Креза! Они протянули от храма веревку к городской стене, — так, считали они, богине легче защитить их! А Эфес после недолгой битвы стал данником царя Креза!

...Царь Крез, лидиец, азиат, первый из царей-варваров, завоевал дружбу Спарты — племени, грозного своей военной доблестью. Он купил их золотом!

...Царь Крез, лидиец, азиат, единственный из царей-варваров, своими богатыми дарами украсил храм Аполлона в священных Дельфах. А

Дельфы нередко вершили судьбы царей и народов.

Царь слушал, как прославляют его кифареды, а сам украдкой поглядывал на гостя. Что думает афинянин? Постигает ли он величие лидийского царя? Понесет ли он славу о нем в другие страны и в свое отечество — Афины?

Но грек был спокоен, любезен и равнодушен. Привыкший к воздержанию, он пил вино, на три четверти разбавленное водой, ел умеренно, вежливо слушал, как певцы восхваляют Креза. И ничто не волновало его.

На четвертый день Крез предложил Солону посмотреть царские сокровищницы.

Царь приказал провести его по всему дворцу, открыть кладовые, полные золота и драгоценностей.

И когда Солон осмотрел все, что ему показали, Крез пригласил его к себе.

— О твоей мудрости и о твоих путешествиях, любезный афинянин, до нас доходит громкая молва, — сказал Крез. — Из жажды к знанию и из любопытства ты посетил многие земли. А потому я желал бы спросить тебя: видел ли ты уже самого счастливого человека?

Крез, спрашивая это, самодовольно улыбался. Он был уверен, что счастливейший человек — это и есть он сам.

Но Солон ответил:

— Да, видел. Не было счастливее афинянина Телла, царь.

Крез изумился:

— Почему же ты считаешь Телла самым счастливым?

— Вот почему, — ответил Солон. — Во-первых, потому, что его родные Афины были счастливы и благополучны. Во-вторых, потому, что у него были прекрасные дети и внуки. В-третьих, потому, что кончил он свои дни славной смертью. Во время сражения при Элевсине он помог афинянам обратить врагов в бегство и сам погиб в бою. Афиняне похоронили его на том самом месте, где он пал, и почтили высокими почестями.

Крез внимательно выслушал его. И снова спросил:

— А кого же ты считаешь самым счастливым после Телла?

Крез был уверен, что уж теперь-то Солон назовет его имя.

Но Солон ответил:

— Клеобиса и Битона, царь. Эти юноши были так сильны, что оба вышли победителями на Олимпийских состязаниях. И умерли славной смертью. Однажды в праздник аргивянской Геры мать Клеобиса и Битона, жрица этой богини, должна была приехать в храм на повозке, запряженной волами. Но волы не подспели вовремя с поля, а надо было торопиться, чтобы не опоздать к церемонии. Тогда юноши сами впряглись и потащили повозку. Мать, как требовал обычай, сидела в повозке. Аргивяне, пришедшие на праздник, прославляли юношей. Прославляли они и мать — за то, что вырастила таких добрых детей. Сама же мать, восхищенная поступком своих сыновей и выпавшей на ее долю славой, молила богиню, чтобы она даровала Клеобису и Битону наилучшую человеческую участь. После этого они принесли жертву богине. И со всеми вместе сели за праздничную трапезу. По-

том юноши Клеобис и Битон уснули в том самом храме и больше не проснулись. Так умерли они в чести и славе. Аргивяне пожертвовали Дельфийскому святилищу их статуи. И теперь их все чтят как достойнейших людей.

Тогда Крез воскликнул с досадой:

— Неужели же, любезный афинянин, ты ни во что не ставишь мое счастье и меня считаешь ниже простых людей?

— Судьбы людей изменчивы, — ответил Солон, не теряя спокойствия, — а ты меня спрашиваешь о человеческом счастье. Ты, Крез, конечно, очень богат и царствуешь над многими народами. Но назвать тебя счастливым я смогу не раньше, чем узнаю, что век свой ты закончил счастливо. Во всяком деле следует смотреть в его конец. Многих людей божество ласкало надеждой счастья, а потом ниспровергло их!

Крез посмотрел на Солона и с пренебрежением отвернулся. Его гость просто глупый человек. А как иначе назовешь того, кто не обращает внимания на настоящие блага жизни — на богатство, на власть, — а думает лишь о том, чем эта жизнь кончится? Удивительно, что такому недалекому человеку, как Солон, афиняне поручили устанавливать законы!

Он отпустил эллина. И Солон в тот же день покинул Сарды.

СЫНОВЬЯ

Афинянин ушел. Его речи больше не смущали Креза. Однако в душе осталась смутная тревога. Судьбы людей изменчивы!

Крез старался отогнать эти мысли. Что же может ему грозить? Лидия сильна и богата. Пактол не устает нести ему золотой песок. Сам Крез еще крепок и отважен. И род его не иссякнет — у него есть сыновья.

Но тут сердце Креза охватила тайная и уже привычная печаль.

Один из его сыновей — калека, глухонемой. Он не помощник отцу, не наследник царства. Крез всячески старался вылечить его, но ничто не помогало. Он посылал спросить оракула, что надо сделать, чтобы сын его стал слышать и говорить?

И Пифия ответила:

— Лидиец родом, царь многих народов, не в меру простодушный Крез, не желай слышать в доме речей твоего неговорящего сына, речей, которые ты так жаждешь слышать; гораздо лучше оставаться ему глухонемым, так как впервые он заговорит в роковой для тебя день.

Теперь этот несчастный безмолвной тенью бродит по дому, стараясь не показываться на глаза отцу. И пусть не показывается, пусть не напоминает о том, что и Крез не во всем счастлив...

Но у Креза есть другой сын, Атис, первый красавец, первый смельчак, первый воин во всей Лидии.

Атис — его гордость, его надежда, продолжатель его славного рода Мермнадов!

Однако тоска и беспокойство не оставляли Креза. Слова Солона не выходили из головы: «...смотри в конец жизни. Ибо человек очень

богатый ничуть не счастливее того, который имеет лишь насущный хлеб, если только первому не суждено, имея все блага, счастливо кончить дни свои...»

В ту же ночь в тяжелом сне Крезу явился зловещий призрак. «Твой сын погибнет от железного копья», — сказал он. У Креза замерло сердце. «Но... не Атис?» «Атис. Атис. Атис».

Крез проснулся в ужасе. Это было предупреждением о грядущей беде. Как избежать этой беды? Как защитить любимого сына?

Прежде всего Крез решил не отпускать Атиса в военные походы, хотя Атис всегда становился во главе лидийского войска.

Все оружие Крез велел унести из дворцовых покоев в дальнюю кладовую, чтобы какое-нибудь копье или дротик, упав случайно со стены, не поранило его сына.

А чтобы Атис не тосковал, сидя дома, Крез решил женить его.

В то время как шумели весельем свадебные торжества, во дворец Креза вошел неизвестный человек. Он был молод, но грустен и сумрачен.

Крез приветливо принял его.

— Кто ты, странник? — спросил он. — Откуда пришел ты к моему очагу?

— Царь, — низко склоняясь перед Крезом, ответил гость. — Имя мое — Адрáст. Я сын фригийского царя Гóрдия. Но... Я совершил преступление. Я — убийца.

— Кого же ты убил?

— Я убил своего родного брата. Я нечаянно его убил. Отец изгнал меня и лишил всего. Я

прошу тебя, царь, очисти меня от преступления и дай мне приют!

Крез ответил не задумываясь:

— Ты сын друзей наших и пришел к друзьям. В нашем доме ты ни в чем не будешь нуждаться. Переноси терпеливо свое несчастье, и это искупит твою вину.

И, когда кончились свадебные торжества, Крез, по обычаям своей страны, совершил над Адрастом обряд очищения. Он принес в жертву богам козленка и его еще теплой кровью омыл руки Адрасту. Этим он снял с Адраста тяжесть и позор его преступления. И Адраст остался в доме Креза как самый преданный и признательный друг.

Светлый, праздничный покой наступил в жизни Креза. Атис был счастлив со своей молодой женой. Покоренные народы исправно платили дань. Никакие враги не грозили Лидии. Прозрачный Пактол щедро нес свои золотые дары...

И Крез снова почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

В это время в соседней стране Мисии, на мисийском Олимпе, появился свирепый вепрь. Он спускался с гор и опустошал мисийские поля — вытапывал ячмень и виноградники, пожирал плоды.

Много раз мисийцы пытались убить вепря. Но это оказалось им не под силу. Их дротики не причиняли зверю никакого вреда.

А вепрь еще и сам нападал на людей, и они в ужасе убегали от его страшных клыков.

Потеряв терпение, мисийцы пришли просить помощи к царю Крезу.

— Царь, — сказали посланцы мисийцев, — мы к тебе с просьбою. В нашей земле появился огромный вепрь. Он опустошает наши поля. А мы никак не можем одолеть его. Просим тебя, пошли к нам своего сына с отрядом лучших бойцов. И пусть они убьют вепря или прогонят его с нашей земли.

Крез уже готов был согласиться и хотел позвать Атиса. Но тут же вспомнил о страшном привидении, которое явилось ему.

— О сыне моем больше и не вспоминайте, — сказал он. — Я его не пошлю к вам. Он недавно женился и пусть сидит дома. Однако я постараюсь помочь вам. Я дам вам отряд моих лучших воинов и всех моих охотничьих собак.

Мисийцы были довольны. Они поблагодарили царя и собрались уходить.

Но в это время явился Атис. Он стоял за занавесью в соседнем зале и слышал, что ответил отец мисийцам.

— Отец мой! — сказал Атис с волнением и обидой. — Прежде лучшим и благороднейшим моим занятием было ходить на войну, охотиться и добывать славу. Теперь ты удерживаешь меня и от войны, и от охоты. Тебя не заботит, что твоего сына могут обвинить в трусости? Какими глазами глядеть мне на людей? Что станут думать обо мне? Что скажет моя молодая жена? Или отпусти меня на охоту, или докажи мне, что, удерживая меня, ты поступаешь правильно!

— Сын мой! — ответил Крез. — Я поступаю так, дитя мое, вовсе не из равнодушия к тому,

что о тебе будут думать люди. Но мне явился призрак и сказал, что ты умрешь от железного копья. Вот я и удерживаю тебя. Ведь ты единственный сын у меня. О другом сыне, лишенном слуха и языка, я говорить не хочу.

Атис пожал плечами, усмехнулся:

— Я понимаю, отец, что после такого сновидения ты вправе оберегать меня. Но осмелюсь сказать тебе: ты неверно истолковал этот сон. Призрак предсказал мне смерть от железного копья. А разве у вепря есть руки, чтобы держать железное копьё? Если бы тебе было сказано, что я умру от клыков, тогда бы ты должен был бояться за меня. Но призрак сказал: от копья. Поэтому отпусти меня, ведь не с людьми мы идем сражаться!

Крез подумал и согласился. Атис убедил его.

Атис тотчас приказал созвать своих соратников, отважных юношей, с которыми он всегда ходил и на войну, и на охоту. Шум веселых голосов, звон оружия, лай собак наполнили царский двор.

А Крез тем временем потихоньку позвал к себе Адраста.

— Когда несчастье постигло тебя, Адраст, я не укорял тебя, но очистил от преступления и приютил в своем доме. Так заплати мне добром за добро: прошу тебя, побереги моего сына. Как бы по дороге не напали на него разбойники и не причинили бы ему какой беды!

— Я бы не поехал на охоту, — ответил Адраст, — если бы не был тебе так обязан. В своем несчастье тяжело мне быть в кругу счастливых

сверстников. Но я готов сделать все, чтобы отплатить добром за добро. Будь спокоен — твой сын, которого ты мне поручаешь, вернется невредимым. Я буду охранять его.

И Адраст, взяв копье, присоединился к отряду Атиса.

Отряд юношей с Атисом во главе отправился в Мисию. Свора собак сопровождала их.

Мисийцы, тоже вооруженные, дружески встретили их, и все вместе они пошли на гору. Здесь на склонах, заросших буком, они отыскиали вепря, окружили его кольцом и принялись метать в него копья...

И вдруг... Адраст тоже метнул копье. Он целился в зверя, но промахнулся и попал в Атиса.

Атис упал, сраженный насмерть.

Адраст первым бросился к нему, надеясь еще спасти его. Люди окружили Атиса, подняли его... А некоторые уже бежали к царю рассказать о том, что случилось.

Услышав о смерти сына, Крез пришел в исступление. Он кричал и рвал на себе одежды. Он жаловался богам, он взывал к Зевсу-очистителю: как же это так, что его сына убил тот самый человек, которого он защитил и принял в свой дом, отпустил с ним сына как с хранителем его, а нашел в нем ненавистного врага?!

В это время вернулись молодые воины с телом его сына на руках. Позади них шел убийца.

Тело Атиса положили на землю у ног Креза. Адраст встал перед убитым и протянул руки в знак покорности.

— Я отдаю тебе свою жизнь, царь, — сказал он. — Прошу об одном: убей меня возле праха твоего сына. Я родился несчастным — я убил

своего брата. А теперь поверг в несчастье и того, кто мне сделал столько добра. Убей меня — мне нельзя жить!

— Ты признал себя виновным, чужеземец, — глухим от горя голосом ответил Крез. — И мне от тебя ничего не нужно. Не ты виноват. Так хотело какое-то божество. Только уйди с моих глаз, чтобы я никогда тебя больше не видел.

Хоронили царского сына с большими почестями. Омытое, роскошно одетое тело Атиса положили на роскошное ложе. Плач женщин не умолкал с утра до вечера, казалось, что Сарды кричат и плачут, прощаясь с любимым сыном царя.

Потом, как велит обычай, молодые друзья и товарищи Атиса подняли его и возложили на костер. В огненную могилу его положили все, что ему нужно было при жизни, — утварь, дорогие одежды, украшения, оружие... Ввели на костер и его любимого коня. Кровь животных, приносимых в жертву, обливала алтари. Обильно лились в огонь жертвенников жертвенные масло и вино.

Когда погребальный костер догорел, остатки его залили вином. Кости Атиса собрали, обернули их полотном, положили в урну и похоронили. Еще один высокий конусообразный холм поднялся возле озера Коло, рядом с могилами лидийских царей.

А ночью, когда люди разошлись по домам и в Сардах наступила тишина, к могиле Атиса пришел Адраст. Здесь, на могильном холме, он умер, покончив с собой.

Тяжелая скорбь вошла во дворец царя Креза и надолго поселилась в нем. Ни пиров, ни кифар,

ни дифирамбов. Безрадостным грузом лежали сокровища в кладовых. Безучастный ко всему, в тоске и молчании проводил царь дни, месяцы, годы...

Испытание богов

Вот теперь-то, к концу второго траурного года, Крез и услышал о том, что происходит за рекой Галисом. А происходило что-то непонятное, грозящее большой бедой. Молодой перс Кир, внук Астиага, восстал против Мидии, покорил ее и взял в плен своего родного деда. Астиаг был родственником Креза: сестра Креза была женой Астиага.

Но не это было главной причиной тревоги Креза. Его тревожило усиление Персидского царства. Власть и военная сила Кира растут... Что будет дальше? Он может со своими полчищами перейти Галис. Надо вовремя остановить его. Нет в Азии войска сильнее лидийского. Ни у кого нет такой конницы, как у царя Креза, и таких длинных копий, как у его копьеносцев. Он разобьет дерзкого Кира, он усмирит его! Он отомстит за Астиага!

Месть за Астиага была для Креза предлогом, чтобы вступить в войну. Он втайне уже прикидывал, какие земли еще захватит в этой войне, какие племена ограбит и заставит платить дань. У него давно таились замыслы захватить Каппадокию. Но, прежде чем вступить в войну, надо посоветоваться с оракулом. Только к какому оракулу обратиться, чтобы не получить лживого совета?

Желая проверить, насколько пифии прозорливы и умеют угадывать правду, Крез отправил посланцев к разным оракулам. Одни посланцы направились в Ливию, к Амμόну Ливийскому; другие — в Фокидские Абы; третьи — к Додо́ну, а четвертые — к Амфиара́ю и Трофо́нию. Пошли его посланцы и в главное греческое святилище — в Дельфы.

Крез решил испытать богов. Если какой-нибудь из этих оракулов угадает, что он задумал, — к тому из них он и обратится за советом: выступать ему войной против Кира или постараться избежать этой войны?

Посланцам своим Крез приказал:

— Как выйдете из Сард, ведите счет дням. В сотый день вы все обратитесь к оракулам с вопросом: «Что делает сейчас лидийский царь Крез, сын Алиатта?» Тут же запишите их ответы и немедленно возвращайтесь домой.

Через положенное время посланцы возвратились с ответами оракулов. Крез принялся внимательно просматривать записи. И одну за другой откладывал их с иронической усмешкой. Ни Амфиарай, ни Додон, ни оракул из Фокиды не угадали правды. Даже Аммон Ливийский не узнал ее...

А Дельфы? Что скажет прославленный эллинский оракул бога Аполлона, сына самого Зевса?

«Я знаю количество песка и меру моря, я постигаю мысли глухонемого и слышу безгласного. Ко мне дошел запах облаченной в доспех черепахи, она варится в медном сосуде вместе с мясом ягненка. Медь положена снизу, и медь положена сверху».

Крез был ошеломлен. Еще и еще раз перечитал он дельфийскую запись. Да, дельфийский оракул — это оракул всевидящий и всезнающий. Это оракул, который общается с богами, и боги открывают ему все! Ведь он, Крез, действительно на сотый день, как ушли посланцы, изрубил черепаху и варил ее вместе с ягненком в медном котле. Как можно было предвидеть и угадать то, что он придумал?

Доверчивый царь забыл, что, задумывая это, он поделился своим замыслом с близкими его дому людьми. И не знал, что тайна его ушла в Дельфы вместе с его посланцем!

И теперь Крез, полный благоговения, принес дельфийскому божеству обильные жертвы — стада быков, овец и коз. В каждом стаде было по три тысячи голов. Он приказал соорудить огромный костер и жечь на нем, чтобы умиловать бога, позолоченные и посеребренные лотки, бросал в огонь золотые чаши, пурпурные плащи и хитоны... Крез приносил жертвы сам и велел всем лидийцам принести в жертву эллинскому божеству кто что может, хотя лидийцы поклонялись только солнцу и огню.

После этих жертвоприношений царь Крез велел переплавить огромное количество золота и отлить из него кирпичи. Таких золотых кирпичей получилось сто семнадцать — каждый в шесть ладоней длины, в три ладони ширины и в ладонь высоты. Из этих кирпичей был сооружен пьедестал, на котором высилось отлитое из золота изображение льва. И все это богатство он отправил в Дельфы.

Сверх всего Крез послал в Дельфы две большие вазы — золотую и серебряную — необык-

новенной красоты; две кропильницы — золотую и серебряную. И много других вещей из золота и серебра. Так старался он умиловить божество, которое может дать правильный ответ на его вопрос: «Начинать ли ему войну с персами? Одному ли выступать против Кира или объединиться с кем-нибудь?»

Лидийцы привезли в Дельфы дары Креза. И, следуя его наставлениям, обратились к жрецам:

— Крез, царь Лидии и многих народов, почитая этот оракул единственным у людей, присылает вам дары, достойные ваших изречений. И спрашивает вас: начинать ли ему войну с персами и где ему искать союзников?

Пифия ответила так:

— Если Крез предпримет войну, то он сокрушит обширное царство. Надо найти могущественнейших эллинов и заключить с ними союз.

Крез остался доволен этим ответом:

— Разве не ясно? Сокрушить обширное царство — значит сокрушить царство Кира!

И он снова отправил посланцев в Дельфы и одарил золотом всех, кто был в святилище. В благодарность за это Дельфы даровали Крезу и всем лидийцам на вечные времена преимущество перед всеми вопрошающими, освободили их от дани, отдали им первые места на всех общественных празднествах. И предоставили каждому лидийцу право гражданства, если он того пожелает.

После этого Крез в третий раз отправил посланцев в Дельфы спросить богов:

— Долговечна ли власть лидийского царя Креза?

На этот раз Пифия ответила как-то уклончиво:

— Когда мул воцарится над лидийцами, тогда, слабоногий лидиец, беги к каменистому Гермю, не останавливаясь и не стыдись прослыть трусом!

Прочитав этот ответ, Крез обрадовался и успокоился.

Мул вместо человека никогда не будет царем Лидии. А следовательно, ни сам Крез, ни его дети никогда не потеряют своего царства.

Начало войны

Теперь Крез стал готовиться к войне с персами. Но с кем из могущественных эллинов надо ему войти в союз?

Проведав, что в Элладе* самым сильным народом стали спартанцы, Крез отправил в Спарту своих послов. И, как было у него в обычае, велел взять дорогие подарки для царей, которых в Спарте всегда было двое.

— Послал нас Крез, царь лидийцев и прочих народов! — с такой речью обратились послы Креза к спартанцам. — «Так как божество велело мне вступить в дружбу с эллинами, а я знаю, что вам принадлежит первенство в Элладе, то, согласно изречению оракула, обращаюсь к вам, желая быть с вами в дружбе и союзе без хитрости и обмана».

* Древние греки называли свою страну Элладой, а себя — эллинами. Современное название — Греция — римского происхождения.

Спартанцы обрадовались такому предложению. Крез уже однажды оказал им услугу. Когда они посылали в Сарды, чтобы купить золота для статуи Аполлона, Крез не продал им золото, но подарил.

Кроме того, спартамцам было лестно, что именно к ним, а не к другим эллинам обратился Крез, предлагая дружбу и союз. Они тотчас этот союз заключили. И, желая отблагодарить Креза, они сделали для него огромную медную чашу с украшениями по краям.

Однако эта чаша так и не попала в Сарды. Пока путешествовали туда и обратно послы Креза, Лидия уже была готова к войне. Крез твердо верил в предсказанную ему победу. Не дождавшись ответа от Спарты, он отдал войскам приказ собираться в поход против Кира.

В это время к нему пришел старый лидийский мудрец Санданид.

— Ты, царь, готовишься в поход на людей, — сказал он, — которые носят одежду бедную и грубую. И живут они в земле суровой. И едят не досыта. Если ты и победишь их, то что возьмешь с такого народа? А если будешь побежден, потеряешь много: увидев наши богатства, они не захотят отказаться от них и будут добиваться их неотступно. Я благодарю богов за то, что они не внушают персам мысли воевать с лидийцами!

Но Крез не принял его речей. Если всезнающий оракул предсказал победу, зачем же Крезу отказываться от войны? Возмущение и негодование против Кира не давали Крезу спать по ночам. Слишком долго Крез бездействовал, слиш-

ком долго народы Азии не слышали его властного голоса, не слышали звона оружия его войск и топота его конницы. И вот теперь дерзкий и ничтожный сын перса Камбиса осмелился свергнуть царя Астиага, взять его в плен и захватить Мидию!

Крез жестоко накажет его. Он перейдет Галис, захватит Каппадокию и доберется до Кира. Не было и нет народа в Азии, который смог бы сопротивляться лидийскому царю!

Крезу в то время было около пятидесяти лет. Горе сильно состарило его, но, выступив в поход, царь расправил плечи и высоко поднял голову. Он сам вел войска. И все было как прежде — храбрые всадники на великолепных конях, пехота, ошетилившаяся лесом копий с блестящими наконечниками. Только не было рядом сына, его Атиса...

Войска Креза шли без помех до самого Галиса. На берегу реки они остановились. Крез не знал, что делать. Перейти реку невозможно, она глубока. А мостов нет. В разноплеменном войске Креза нашелся один хитроумный эллин — Фалес из Милета.

— Надо вырыть позади лагеря глубокий ров, — посоветовал он Крезу. — Вода схлынет в этот ров, река обмелеет, и мы перейдем реку.

Совет был хорош. Вскоре глубокий ров обогнул полумесяцем лагерь. Река хлынула в ров, красный полукруг воды засветился среди серых песков. Река прошла позади лагеря. И дальше снова влилась в свое русло. А перед лагерем она сильно обмелела, и войска Креза спокойно перешли через нее.

Перейдя Галис, Крез со своим войском вступил в Каппадокию, страну, лежавшую у Понта Евксинского, и занял крепость Птерию. Птерия была самой сильной крепостью этой страны и стояла вблизи Синопы, почти у самого моря. Здесь Крез разбил свой лагерь.

По обычаям тех времен, Крез, захватив Птерию, тотчас обратил жителей в рабство. Отсюда он начал захватывать и другие города Каппадокии и порабощать жителей. Мирные племена почти не сопротивлялись. Они не собирались воевать и не были готовы к войне. Они ничем не досадили лидийскому царю и не ожидали нападения.

По городам и селам вспыхнули пожары. Горький, тяжелый дым разорения и несчастья потянулся над разрушенными жилищами и вытоптаннами полями. Горели прекрасные корабельные леса, гибли плантации маслин. Воины Креза угоняли стада, резали тонкорунных овец, каких не было больше нигде по всей Азии... Жители, спасаясь от рабства и смерти, бежали в леса, в горы. Но трудно было спастись от быстрых лидийских всадников.

А с востока между тем уже двигалось к Птерии войско персидского царя. Оно было огромно. Персы, мидяне и все подвластные Киру и живущие по пути его шествия народы вливались в его отряды.

И вот настал день, когда два полчища сошлись в битве. Они сражались ожесточенно, не уступая друг другу. Крез приходил в ярость, видя, что не может сразу разбить Кира, что не

может вообще разбить его. А Кир, полный решимости сломать самое сильное в Азии лидийское войско, не уступал в битве. Земля дымилась от крови, трупы лежали по всей равнине. Победы не было ни на той, ни на другой стороне.

Только ночью, когда уже нельзя было различить, кто чужой, кто свой, и когда люди, оставшиеся в живых, уже изнемогали от усталости, воины разошлись по своим лагерям.

Крез всю ночь сидел в тяжелом раздумье. Он не победил Кира! Оказалось, что у Кира войско гораздо больше, чем у него, Креза. И оказалось, что этот презренный перс умеет сражаться не хуже, чем он сам, опытный и всегда удачливый военачальник.

Все начать сызнова, решил Крез.

И когда чуть забрезжила утренняя заря и чистая белая звезда повисла над горизонтом, Крез отдал приказ своим войскам возвращаться в Сарды.

Все начать сызнова!

Прежде чем вступить в новую битву, Крез призовет союзников — египетского царя Ама́сиса, спартанцев. Заключит союз с Набонíдом, вавилонским царем. И вот тогда, собрав такое войско, которое можно противопоставить войску Кира, он, как только начнется весна, снова вступит с ним в бой.

С этим решением Крез возвратился в Сарды. И, не собираясь воевать до весны, распустил все свое наемное войско. Ведь не посмеет же Кир напасть на него теперь, когда увидел, что Крез не уступает ему в могуществе!

Киру вскоре стало известно, что Крез распустил своих наемников.

Известно стало и то, что он послал глашатаев к своим союзникам, чтобы собрать огромную военную силу...

Но Кир не терял времени зря.

Попытался он договориться и с эллинскими колониями, лежавшими на цветущем берегу неспокойного Эгейского моря. Эллы платили дань лидийскому царю, но жили в своих городах независимо.

Этот берег достался эллинам ценой войн и жестокости. Здесь раньше жили карийские племена — кары, лелеги. Жили тут и переселенцы с острова Крит, которых приняли к себе карийцы. И еще много разных племен, смешавшихся с карийцами.

Но приплыли из Афин ионяне и завоевали большой карийский город Милет. Они убили всех мужчин, а потом женились на их женах и дочерях и остались в Милете. Говорят, что милетские женщины не простили им этого. Они поклялись сами и передали эту клятву дочерям: никогда не сидеть за одним столом с мужьями и никогда не называть их по имени за то, что они сделали в Милете.

Теперь, когда Кир обратился к Ионийскому союзу двенадцати эллинских городов и предложил им отделиться от Креза и перейти на его сторону, на это согласился только один Милет. Кир с ним заключил договор.

Кир решил действовать быстро. Он не распустил своего войска, а неожиданно стал наступать на своего противника.

И, прежде чем Крез успел встревожиться, персы уже стояли под Сардами.

Крез пришел в сильное замешательство. Этого он не ожидал. Кир спутал все его планы и расчеты.

Но война ему объявлена. И Крез, поспешно собрав отряды, выступил навстречу Киру.

Битва под Сардами

Оба войска встретились под Сардами на большой равнине. Эта цветущая равнина стала полем битвы.

Молодой Кир шел твердой поступью дорогой своих побед. До этого дня он никого не боялся.

Но вот сегодня, увидев перед собой ряды лидийской конницы, грозно ошетилившиеся сверкающими копьями, он впервые в жизни содрогнулся. Эта конница сомнет, затопчет копытами его пешее войско, длинные копья лидийцев опрокинут его вооруженных дротиками и мечами воинов... У Кира тоже есть конница, но ее мало.

Однако у Кира был старый, опытный советчик, его неизменный друг полководец Гарпаг. Он во всех битвах сражался рядом со своим молодым царем с того самого дня, как перешел к нему от Астиага.

За войском Кира следовал караван верблюдов, нагруженных водой и хлебом.

— Освободи верблюдов от их ноши, — сказал Гарпаг, — посади на них людей, вооружи их оружием всадников и пусти их впереди своего пешего войска. Лошади боятся верблюдов и не выносят их запаха.

Кир так и сделал. И когда его солдаты были готовы к наступлению, Кир, раздраженный сопротивлением Креза и тем чувством страха, которое лидийцы заставили его пережить, обратился к своему войску с такой речью:

— Будьте беспощадны! Убивайте каждого, кто попадет вам в руки. В плен не брать никого. Только оставьте в живых царя Креза. Даже если он станет защищаться, все-таки оставьте его в живых!

Все случилось так, как предвидел старый воин. Лишь только верблюды с фырканием приблизились к лидийской коннице, лошади, увидев их и почуяв невыносимый запах, повернули назад и, не подчиняясь всадникам, смешали ряды.

Лидийцы соскочили с коней и пешими продолжали битву. Много убитых полегло в прекрасной долине. Но персы одолевали. Сломленные лидийцы отступили в Сарды, в надежде найти защиту за крепостными стенами.

Войска Кира окружили Сарды. Крезу с его крепостных стен было далеко видно. И куда бы он ни поглядел, всюду полчища чужеземных воинов в грубых плащах, всюду их костры, сверкание их оружия, их кони, их верблюды...

Осада. Плотная, неотступная, грозная, готовая стоять всю зиму, а, если надо, то и весну, и лето, и осень... Крез понимал, что надежды спастись нет: этот враг не уйдет, не отступит.

Крез успел послать вестников к союзникам с призывом прийти к нему на помощь немедленно.

Вестники Креза явились к спартамцам. Но Спарта в это время воевала сама. Арголіда, у

которой Спарта захватила Фирéи, поднялась, чтобы вернуть свою землю. Война у них шла нелегкая.

Однако спартанские цари, выслушав лидийского глашатая, стали тотчас готовиться к походу на помощь Крезу.

А когда приготовления были закончены и корабли снаряжены, в Спарту пришло известие, что Сарды пали и лидийский царь Крез в плену.

«Солон! Солон! Солон!»

Кир нелегко взял Сарды. Его воины много раз бросались на приступ, пытаясь ворваться в крепость. Но крепость эта стояла на отвесной скале, сама как скала.

Тринадцать дней длилась осада. Все больше разгорались яростью персы. Их стрелы смертоносным дождем сыпались на Сарды. Они снова и снова шли на приступ — и снова отступали, ничего не достигнув.

Молодой царь, сдвинув в одну линию свои черные брови, подолгу глядел вверх, на великий город, будто огромное каменное гнездо прилепившееся на крутом склоне Тмола.

Что делать? Что придумать? Надо торопиться. Крез ждет союзников, и эти союзники придут.

Пропахший пылью и потом в своем панцире, одетый почти так же, как любой его солдат, Кир то метался как тигр по широкой равнине вокруг крепости, то советовался с Гарпагом в тишине своего шатра, то опять глядел вверх на Сарды — и думал, прикидывал... И снова посылал на приступ свои отряды.

На четырнадцатый день Кир потерял терпение. Он разослал вестников по всему лагерю:

— Кто первый взойдет на укрепление, тому будет царская награда!

И опять его войско ринулось к стенам крепости. И опять ни с чем вернулось обратно.

Сарды были неприступны.

О Сардах в то время существовала такая легенда.

У одного из первых лидийских царей Мелета родился сын в образе льва.

Мелету было сказано:

— Обнеси этого льва вокруг стен, и Сарды навеки останутся неприступными.

Мелет так и сделал. Льва обнесли вокруг крепости. И лишь одно место, обращенное к Тмолу, миновали: там была высокая стена, а скала под ней отвесна, ни один неприятель никак не мог бы оттуда явиться.

Теперь легенда эта снова ожила, подтвердив роковую ошибку Мелета. О ней позже не раз горько вспоминали лидийцы, потому что враг пробрался в крепость именно здесь, несмотря на высокие стены и отвесные скалы.

Но дело было не в легенде. Все обстояло проще, без вмешательства богов.

Однажды воин Кира по имени Гюроайд увидел, что один из защитников крепости уронил свой шлем. Думая, что его никто не видит, лидиец по тайной тропинке спустился вниз, взял свой шлем и поднялся обратно в крепость. Это было как раз в том месте, которое считалось неприступным и никак не охранялось.

Хитрый Гюроайд дождался тьмы. Надеясь на царскую награду, он отважился подняться наверх по той самой тропке, по которой влезал лидиец. А вслед за Гюроайдом последовали его товарищи. Не успели защитники понять, что произошло, как в крепости уже было полно вражеских воинов и персы открыли ворота своему царю.

Лидийцы защищались со всей силой отчаяния. Крез как простой воин бился в первых рядах. Но битва была уже проиграна, и враги уже разоряли его прекрасные Сарды, пламя охватило город...

Увидев это, Крез опустил копье. Он больше не хотел защищаться. Пусть придет смерть. Какой-то разъяренный битвой перс уже занес над ним свой меч...

И вдруг глухонемой сын Креза, сражавшийся рядом с отцом, закричал:

— Человек! Не убивай Креза!

Так сбылось предсказание Пифии — несчастный немой юноша заговорил в момент горя и гибели.

Утро над Сардами занялось в дыму пожаров, столах раненых, воплях женщин и плаче детей.

Кир, в грязи и крови после ночной битвы, измученный, но не чувствующий усталости, победоносной поступью ходил по улицам города. Свита его, такая же продымленная и усталая, сопровождала его. Седой Гарпаг, как всегда мрачный и суровый, шагал с ним рядом. Победа веселила его сердце, но он уже давно, с молодых лет, привык при дворе царя Астиага прятать свои чувства.

Кир приказал потушить пожар. Ему в этом городе было все интересно. Многие здесь пора- жало. Он еще никогда не видел таких богатых и красивых жилищ, таких одежд и утвари, которые тащили из домов лидийцев его воины. Волнуясь, с пылающими глазами, он вошел в роскошный дворец Креза. Он ходил из залы в залу, держась за свой меч, — дворец все-таки вражеский! — и любовался пурпурными занавесами, колоннами, золотыми сосудами странной формы, дивился барельефам на стенах, сделанным из алебаstra, трогал мягкие ложа, на каких ему никогда не приходилось спать... И тонкая отравка изнеженности и обезоруживающей красоты, тапвшаяся в этом царском жилище, незаметно и коварно проникала в его неискушенную душу.

— Что будешь делать с Крезом, царь?

Суровый голос Гарпага мгновенно рассеял наваждение. Кир поспешно вышел из дворца.

— А что делали с пленными врагами великие цари?

— Убивали. Сажали на кол. Сжигали на костре.

Кир стиснул зубы и нахмурился. Битва кончилась, сияет ясный день, над головой серебрится Тмол, быстрый Пактол с прозрачным блеском бежит через город... Все эти четырнадцать дней осады Кир ненавидел Креза. Он готов был своей рукой убить его. Но сегодня, когда он победил, а Крез в цепях и унижении... Кир с негодованием на самого себя почувствовал, что у него больше нет никакой ненависти к побежденному врагу.

Но все-таки он должен казнить Креза. Так поступали все великие цари.

— Я сожгу его на костре.

Гарпаг тотчас распорядился сложить на площади костер. Леса кругом было много, и костер сложили огромный. Для Кира приготовили место на возвышении, чтобы ему было видно, как взойдет на костер его враг. Вместе с Крезом должна была сгореть вся его семья и еще четырнадцать юношей из знатных лидийских семей.

Кир с неподвижным лицом сидел и ждал, когда приведут Креза.

Воины плотными рядами стояли вокруг него. Они любили Кира, они гордились им. Одни были благодарны Киру, что он освободил их от рабства и взял в свое войско. Другие разбогатели, служа в его победоносных войсках, и надеялись разбогатеть еще больше, грабя побежденных... И все они ценили его талант полководца — умного, отважного, быстрого в решениях. Они любили Кира и готовы были идти за ним всюду, куда бы он ни повел их.

За воинами теснился народ, подавленный страхом и горем. Но вот толпа колыхнулась, раздалась, послышался плач... Вели на костер пленников.

Впереди шел Крез. Лязг цепей отмечал каждый его шаг. Седая голова была низко опущена.

Молча, с невидящими глазами и сжатыми ртами шли за ним его жены, его последний сын, родственники... И гордой, твердой походкой, как и подобает благородным воинам, шли на смерть молодые лидийцы.

Они прошли мимо Кира, не взглянув на него. Крез первым взошел на высокий костер, и тотчас по углам костра вспыхнуло рыжее пламя. День был жаркий, дрова сухие, и огонь быстро побегал по сучьям.

Услышав треск огня и увидев бегущее пламя, Крез вдруг поднял голову.

Глядя куда-то вдаль, выше всех голов, он простонал в глубоком отчаянии:

— О Солон! Солон! Солон!

Кир встрепенулся:

— Кого это он зовет?

Переводчики приступили с вопросами к Крезу. Но Крез не отвечал им. И лишь тогда, когда переводчики стали с угрозами требовать у него ответа, Крез сказал:

— Много бы я дал, чтобы тот, чье имя мною было названо, поговорил со всеми владыками!

Киру этот ответ был неясен.

И переводчики снова стали допрашивать Креза: кого он назвал? О ком он говорит?

И тогда Крез, стоя на костре, рассказал, как некогда пришел к нему афинянин и, осмотрев его сокровища, ни во что их не поставил.

— Солон предсказал мне все, что со мной случилось. И не только ко мне это относилось, а вообще ко всем людям, которые считают себя счастливыми...

Кир, услышав эти слова, смутился. Он опустил глаза, и брови его сошлись в одну черную черту. «Я, человек, предаю пламени другого человека... А ведь он считал себя таким же счастливым, как я сейчас считаю себя. Разве не может случиться того же со мною?»

— Потушите костер! — крикнул он, вскочив. — Сейчас же потушите костер! Освободите Креза! Освободите их всех!

Солдаты бросились гасить костер. Но пламя уже полыхало, и потушить костер было невозможно.

Тогда Крез стал с плачем громко упрекать Аполлона. Ведь столько жертв он принес в его святилище! Пусть теперь и Аполлон поможет Крезу и погасит разбушевавшийся костер.

Вдруг, словно по призыву Креза, неожиданно из-за горы надвинулась туча, разразилась гроза, хлынул ливень...

Костер погас. «Это — знамение богов!» — со страхом подумал Кир.

И велел позвать к себе Креза.

Когда несчастный пленник Крез, звеня цепями, сошел с костра и с поникшей головой встал перед Киrom, Кир спросил его:

— Кто же, Крез, внушил тебе мысль идти войной на мои владения и стать моим врагом, а не другом?

— Я сделал это, царь, на счастье тебе и на горе себе, — ответил Крез. — А виновато в этом эллинское божество, подвигнувшее меня на войну. Какой же разумный человек предпочтет войну миру? Ведь во время мира сыновья хоронят своих отцов, а во время войны — отцы хоронят сыновей.

Слова Креза заставили Кира глубоко задуматься. Он велел снять с Креза оковы и посадил его рядом с собой. Но, к его удивлению и к удивлению всех окружающих, Креза это не

обрадовало. Он оставался печальным и задумчивым.

Отвернувшись от Кира, он смотрел, как персы разоряют его любимые Сарды.

— Могу ли я тебе сказать, царь, — наконец спросил он, — или я должен молчать?

— Говори все что желаешь, — ответил Кир.

Крез спросил:

— Эти воины — что они делают с таким рвением?

— Грабят твой город! — ответил Кир.

— Нет! — Крез покачал головой. — Не мой город разоряют они и не мои сокровища расхищают. У меня больше ничего нет. Расхищают они твое достояние.

Кира поразили его слова. Он удалил всех присутствующих, оставил лишь Креза и переводчика, чтобы они могли понимать друг друга.

— Что дурного находишь ты в том, что происходит? — сказал Кир. — Ведь так было всегда — победители берут то, что завоевали.

— Боги сделали меня твоим рабом, — ответил Крез, — поэтому я считаю своим долгом объяснить тебе то, что постигаю лучше, чем другие люди. Персы — народ бедный. Если теперь ты позволишь им грабить и присваивать себе чужие богатства, то отсюда могут быть тяжелые последствия: захвативший наибольшие богатства восстанет потом против тебя. Поступи теперь так, как я скажу, если тебе угодно: поставь копьеносцев у всех ворот, пускай они отбирают сокровища у тех, кто будет выносить их. И пусть копьеносцы говорят им, что десятую часть всех

богатств необходимо посвятить богу. Так ты не будешь отнимать у них награбленное силой и не восстановишь их против себя. Наоборот, они будут убеждены, что ты действуешь справедливо, и охотно отдадут взятое.

Кир внимательно выслушал Креза и приказал сделать все по его совету.

— Я вижу: ты, Крез, царственный муж, — сказал Кир, очень довольный. — Ты готов сделать и посоветовать доброе. За это проси у меня чего хочешь. Я сейчас же выполню твою просьбу!

Крез горько усмехнулся.

— Ты доставишь мне величайшее удовольствие, Кир, — сказал он, — если позволишь послать эти цепи божеству, которое я чтил больше других божеств. Я хочу спросить его: неужели таков его обычай — обманывать того, кто сделал ему столько благодеяний?!

— И это получишь от меня, Крез! И все, чего бы и когда бы ни пожелал!

И Кир тотчас отправил послов в Дельфы. Он велел положить на пороге храма цепи Креза и спросить: «Не стыдно ли божеству, что оно подвинуло своими советами Креза на войну с персами, обещая разрушение царства Кирова?»

И, указав на цепи Креза, спросить также: «Может быть, неблагодарность — вообще закон для эллинских богов?»

Но напрасно Крез думал смутить этим дельфийских оракулов. Они ведь недаром давали уклончивые и двусмысленные ответы.

— Упреки Креза несправедливы, — ответила Пифия, — все случилось так, как было предска-

зано: «Если Крез пойдет войной на персов, то разрушит обширное царство». Если бы Крез был осторожен, он бы еще раз спросил: о его ли царстве говорит оракул или о Кировом? Но Крез не понял изречения оракула, а теперь пусть винит самого себя.

...Так рассказал Геродот историю царя Креза, его величия и его падения.

Не все понятно нам в этом рассказе. Геродот повествует о встрече Креза с афинским законодателем Солоном. Но мы знаем, что этого не могло быть: когда Солон путешествовал, Крез был еще ребенком и никак не мог принимать Солона в своем дворце.

Может, случилось и так, что приходил к царю Крезу какой-нибудь странствующий эллин, который хорошо знал высказывания Солона и глубоко почитал его. Может быть, он и приводил эти высказывания в ответ на хвастливые речи Креза. И так как слова Солона были глубоки и мудры и словно предсказали судьбу царя, то не будет удивительным, если Крез вспомнил Солона на костре, перед лицом смерти.

Басня о рыбах

В греческих городах на азиатском берегу Эгейского моря наступило смятение. Крез побежден, и они остались беззащитными перед лицом грозного персидского царя. Теперь они горько сожалели, что не согласились перейти на сторону Кира, когда он предлагал им это, и завидовали Милету, принявшему персидское подданство. Милет согласился платить дань Киру так

же, как платил Крезу. Милету не грозили ни война, ни разорение. Но и война, и разорение грозили теперь всем остальным эллинским городам.

Делать нечего. Придется принять предложение Кира, которое они в свое время отвергли, и поступить так, как поступил Милет.

— Царь, нас прислал к тебе Панионийский союз, — так сказали Киру послы ионийских колоний. — Мы согласны быть у тебя в подданстве на том же положении, как были у Креза.

Кир усмехнулся. Но глаза его были недобрыми.

— В ответ на это я расскажу вам басню, — сказал Кир. — Один флейтист увидел рыб в море и начал играть на флейте. Он ждал, что рыбы выйдут к нему на сушу плясать. Но его ожидания оказались напрасными. Тогда он взял сети, закинул их в море и вытащил множество рыб. Рыбы стали биться и подпрыгивать на берегу. Тогда флейтист сказал: «Перестаньте плясать! Когда я играл вам на флейте, вы плясать не хотели!»

Последние слова царь произнес уже в гневе.

Весть о том, как ответил Кир посланцам ионян, тотчас облетела все города.

На северной стороне гористого мыса Мика́ле, против острова Самós, у ионийцев было свое святилище, которое называлось Панио́ний. Сюда они собирались на праздники, чествуя бога Посейдо́на, которому было посвящено это место. Сюда же собирались они и на совет после гневной отповеди Кира.

Положение сложилось такое.

Милету уже нечего бояться Кира. Островитянам-эллинам, живущим на ближайших островах, Кир тоже не страшен: у персов тогда еще не было кораблей.

Но зато над всеми остальными городами эллинских колоний нависла страшная туча Кирова гнева: война, рабство, казни... Где защита? Кто может помочь им?

Тогда их речи и помыслы обратились к родине. Родина защитит ионян. И они решили послать туда своих глашатаев с мольбой о помощи. Но не в Афины, откуда пришли ионяне, а в Спарту: спартанцы сильнее и опытнее в боях.

Эолийцы и фокейцы — эллинские племена, живущие на том же берегу, — присоединились к решению ионян. Испуганные, встревоженные, они поспешно снарядили послов и отправили их в Спарту. А сами бросились сооружать защитные стены вокруг своих городов.

Послы торопились. Но на пути лежало море, которое надо было переплыть. Достигнув берегов Пелопоннэса, они долго пробирались через горы и болотистые долины, пока наконец не ступили в тень мрачного, в снежной шапке, хребта Тайгэта. Изнеженным на своем ласковом побережье ионийцам здешние края казались суровыми и неприветливыми.

Перед тем как войти в Спарту, послы выбрали оратором фокейца Пифέρма.

Пиферм красноречив — он сумеет убедить спартанцев выступить против Кира и защитить их города.

Пиферм надел пурпурный плащ, чтобы спартанцы сразу обратили на него внимание. И лишь после этого послы вошли в многолюдный город Спарту.

Пурпурный плащ сделал свое дело. Спартанцы собрались огромной толпой вокруг прибывших послов. Вышли послушать их и оба спартанских царя.

И вот фокеец Пиферм, в своем ярком, богатом плаще, выступил вперед и начал длинную, украшенную всякими цветистыми фразами и сравнениями речь. Послы, на горе свое, не знали или забыли о суровых нравах спартанцев, у которых многословие считалось одним из самых больших пороков. Пиферм говорил и говорил, не чувствуя ни времени, ни настроения окружающих его молчаливых людей, не видя их насмешливых лиц, не слыша их пренебрежительных реплик...

Не видели, не слышали этого и послы. Они ценили красноречие, восторгались умением Пиферма говорить так красиво. У них уже прояснились лица и на душе просветлело — после такой пламенной и убедительной речи спартанцы не смогут отказать им!

Но когда Пиферм, ловко закруглив последнюю фразу, замолчал, ионийцы вдруг поняли, что его никто не слушал!

— О чем говорил этот человек? — сказал кто-то из спартанцев. — Пока мы дослушали до конца его речь, мы забыли ее начало!

— Мы не знаем, о чем вы просите, — сказали и цари, переглянувшись, — мы никуда и никому помогать не пойдем.

И ушли с площади. С острыми насмешками, которые, как дротики, летели в ионийских послов, спартанцы разошлись по домам. Пиферм в своем пурпурном плаще молча, повесив голову, сошел с возвышения, на которое взобрался, чтобы произнести речь.

В отчаянии от своей неудачи ионяне вернулись домой.

Однако в Спарте только сделали вид, что они ничего не слышали и ничего не поняли. Угроза, исходящая от персидского царя, и встревожила и возмутила их. Кто он такой, этот Кир, что явился и захватил Лидию и теперь осмеливается угрожать эллинским городам? Спарта не потерпит этого!

Впрочем, прежде чем бросаться защищать эти города, надо отправиться на Азиатское побережье и посмотреть, что там происходит. И, может быть, как следует пригрозить Киру — уж он-то, конечно, слышал о том, как воюют лакедемоняне и как они умеют постоять за свою военную славу!

Решив так, спартанцы снарядили пятидесятивесельное судно и отправились к берегам Азии.

Прибыв туда, остановились у города Фокéи. Заносчивые, привыкшие всегда быть победителями среди малочисленных эллинских племен, спартанцы послали отсюда своего вестника к царю Киру в Сарды.

Кир принял вестника во дворце. Его черные, как спелая олива, глаза под крутыми бровями глядели на посланцев уверенно и спокойно.

Знатный спартанец Лакрiн, которого прислали вестником с корабля, остановился перед ним,

высоко подняв голову. Царь, чуть прищурившись, оглядел его. Грубый плащ, простые грубые сандалии — подметки да ремни, переплетенные на ноге пять раз. Длинные, неубранные волосы, небрежно торчащие на голове. Спартанцы после битвы с аргивянами из-за Фиреи стали, как и все эллины, носить длинные волосы, но заботиться о них не умели и не считали нужным.

Кир ждал, чуть-чуть брезгливо поджав свои красивые твердые губы, в углах которых уже обозначились легкие морщинки.

— Я пришел сообщить тебе, царь, волю моего народа. Мы, спартанцы из Пелопоннеса, требуем, чтобы ты не вредил никаким городам эллинской земли, потому что мы, спартанцы, этого не потерпим.

Кир в насмешливом недоумении обратился к эллинам, бывшим в его свите:

— Что за люди — спартанцы? Или их число очень велико, что они обращаются ко мне с подобным требованием?

И те, склонившись в почтительном поклоне, сообщили царю, что спартанцы — дорийское племя, живущее на Пелопоннесе, у подножия Тайгета. Нет, число их невелико. И земли у них немного. По сравнению с войском царя Кира то же, что облачко по сравнению с грозовой тучей.

Выслушав сообщение эллинов, Кир сказал спартанскому глашатаю, не скрывая презрения:

— Никогда не боялся я таких людей, у которых посреди города есть определенное место, где они собираются и под клятвою обманывают друг друга. Если я доживу, спартамцам будет не до чужих бед — своих хватит!

Лакрин ушел от Кира с нахмуренным лбом. Он был в неприятном недоумении: как же так? Здесь угроза Спарты никого не испугала! И наоборот, он почувствовал, что угроза Кира страшнее, чем их угроза. Кир пригрозил всем эллинам и спартамцам тоже. Ведь и у них в Спарте есть базарные площади и рынки, где идет купля и продажа, а именно об этом и сказал Кир. У персов же нет рынков и базарных площадей, потому что они считают, что там не обходится без лжи и обмана, а ложь и обман для персов — величайший позор!

Кир еще погневался, а после посмеялся над такой самонадеянностью маленького эллинского племени. И забыл о нем.

Другие замыслы, другие заботы, неизмеримо более огромные и трудные, вставали перед Киром. Другие дороги звали его — дороги на Бактрию, на Вавилон... А может быть, и дальше — в Египет.

Ионийские колонии у моря? Да он и не пойдет воевать с ними. Эти города возьмут и без него его полководцы.

Перед тем как двинуться в дальние походы, Кир собрался в родные края, в Экбатаны. Город Сарды был красивый и богатый, с хорошим климатом и чистой водой. Но это был чужой город. Земли, которые он завоевал, были плодородными и цветущими, но это были чужие земли. Хотелось подышать суровой прохладой хребта Эльбурса, взглянуть на неприступный заоблачный Демавенд. Кир был такой же человек, как все. Его так же тянуло на родину, ему так же хотелось

слышать вокруг родную речь, пусть варварскую, как считают здесь, по эту сторону Галиса, но родную!

Но это был только голос сердца, с которым Кир умел справляться, когда это было нужно. А главное, как хороший хозяин, он хотел посмотреть, что делается в стране, которую он оставил, надолго уйдя в поход.

Надо было наладить все, что разладилось, навести порядок, утвердить законность. Надо было устроить государственные дела так, чтобы не опасаться ни бунта, ни восстания среди подданных его обширного царства. Он хотел, чтобы власть его держалась не страхом, а довольством и спокойствием подвластных ему народов. Это было необходимо Киру, потому что он снова собирался в поход — далекий и нелегкий.

Когда-то Вавилон был союзником Мидии. Теперь, когда Кир воевал с Крезом, вавилонский царь Набонид согласился помочь лидийскому царю и готовился вступить в войну против Кира.

Но Кир действовал слишком быстро и уже захватил Сарды, пока Набонид собирал войска...

И тогда, когда вавилонский царь Набопаласар воевал на стороне Мидии против Ниневии, он был ненадежным союзником. Теперь же Вавилон стал открытым врагом. Этого сильного врага надо победить и захватить вавилонские земли. Вавилон богат. Дворцы Кира наполнятся сокровищами, и держава его увеличится.

А там настанет черед Египта...

Охрану Сард Кир поручил персу Табалу. Запасы лидийского золота — золота Креза и

Сард — он отдал под охрану лидийца Пáктия, выразив этим свое уважение и доверие лидийскому народу.

И когда Кир все это устроил, то отправился в Экбатаны с огромной свитой и боевыми отрядами. Он взял с собой и Креза, которого любил и уважал и с которым теперь никогда не расставался.

Восстание Пактия

Все затихло в Сардах. Сверкающие воды Пактола смыли с улиц города следы минувшей бытвы — грязь, кровь, пепел пожарищ. Горожане принялись за свои дела, жители деревень вышли на поля.

Но уже не было в Сардах прежнего веселья и гордого спокойствия. Чужой гарнизон стоял в городе, чужой человек, говорящий на чужом языке, жил во дворце царя Креза и правил страной. Персы не грабили, не обижали лидийцев, но они были хозяевами, они диктовали свою волю — и это было трудно терпеть.

Пактий ревниво хранил доверенное ему золото, золото Креза, золото Лидии. Он никого не допускал к сокровищнице, даже Табала.

Но для кого он берег лидийское золото? Для Кира, для завоевателя, отнявшего независимость Лидии?

Нет, у Пактия созревали другие замыслы. Неужели он, держа в своих руках сокровища самой богатой страны, не сможет вернуть этой стране свободу? Кира нет. Кир далеко. Его конь

уходит все дальше и дальше по дорогам Азии, все дальше и дальше от Лидии. Пока персы-гонцы доскачут до Кира, лидийцы успеют сбросить персидского сатрапа и опять станут свободными. Хватит ли у Кира силы снова покорить Лидию, которую он и в первый раз не так уж легко взял? «А если у него, у Кира, хватит сил, — возражал Пактий самому себе, — что станется тогда с Лидией? Тогда ее больше не будет на земле».

Противоречивые мысли и чувства мучили Пактия. Разум говорил, что надо покориться, что бороться с Киrom Лидии не под силу. Но чувство не соглашалось с разумом. Пактий уже не мог расстаться со своей дерзкой мечтой. Будет ли у него более удобный момент? Сегодня ключи от сокровищниц Креза у Пактия в руках, а завтра их могут отнять у него — и тогда уже никаких надежд на освобождение, никаких!

Может быть, кроме забот о свободе родины, голову ему кружил опасный мираж власти? Ведь если он, подняв восстание против Кира, победит, кому же, как не ему, Пактию, достанется высшая власть?

И Пактий решился. Взволнованный, он ходил среди лидийцев, не давая им успокоиться. Он верил, что настал день, когда им удастся выгнать персов и снова стать свободными. Этой верой он окрылил и других. Лидийцы еще не привыкли к зависимости, и речи Пактия были как горящий факел, брошенный в солому.

Табал не успел понять, что происходит, а Пактий, захватив все золото из сокровищниц Креза, собрал лидийцев, могущих держать оружие в руках, и отправился к морю.

Здесь, в приморских колониях, Пактий на- вербовал большое количество наемников: золота у него хватало. Он призывал и жителей побережья помочь ему в битве с персами. Многие откликнулись на его призыв.

Пришли из Приёны, пришли из Магнёсии, пришли лучники и копьеносцы с зеленой равнины Меандра.

Со всем этим войском Пактий вернулся в Сарды. Снова отдохнувшую было от побоищ и крови страну заполнили воины, снова военные отряды прошли по полям, вытаптывая посевы.

Табал заперся в крепости. Пактий, окружив ее войсками, начал осаду.

Персидские гонцы нагнали Кира уже на мидийской земле. Царь выслушал их, и глаза его засверкали от негодования.

Он обернулся к Крезу.

— Чем все это кончится, Крез? — сказал он с гневным укором. — Мне кажется, лидийцы не хотят успокоиться? Думаю я, будет лучше обратиться к ним в рабство. До сих пор я поступал с ними милосердно. Я лишил их тебя, но самим лидийцам возвратил город. И после этого они восстают против меня!

Крез испугался. Он знал, что Кир не любит казнить пленных врагов. Но Кир не терпел, когда обманывали его доверие. Крез испугался за Лидию.

— Ты говоришь правду, царь, — сказал он. — Но не гневайся, не уничтожай древнего города, ведь Сарды ни в чем не виноваты. Виноват перед тобою был я и терплю за это достаточно. А в том, что случилось теперь, виноват Пактий, которому ты доверил золото. Он и должен быть наказан, а самим лидийцам даруй прощение. Но, чтобы они не бунтовали против тебя, отдай такое распоряжение: запрети лидийцам носить оружие, прикажи надеть длинные хитоны и высокие сандалии; вели им также обучать своих детей игре на кифаре и арфе, а также пусть они учатся торговле. И ты, царь, скоро увидишь их мирными людьми, и больше не нужно будет опасаться, что они восстанут против тебя.

Крезу тяжело было давать этот совет, но, разоружая свою Лидию, он знал, что этим спасает ее. Сердце его дрожало при мысли, что лидийцев — в цепях и колодках, рабами — погонят в чужие земли. Он снова с горячим волнением принялся убеждать Кира не губить лидийцев и послушаться его совета.

Понемногу грозные морщины на лбу Кира разгладились. Гнев его погас.

— Я сделаю так, как ты, Крез, советуешь мне.

Кир позвал мидийского полководца Мазара, велел ему взять достаточно войска и вернуться в Сарды:

— Разбей Пактия. Всех, кого захватили с оружием в руках, продай в рабство. Мирных

лидийцев не трогай, но поступи с ними так, как сказал Крез. Пактия же не убивай и не продавай в рабство. Пактия возьми в плен живым и приведи ко мне.

Так решив это дело, Кир отправил Мазара с сильным войском обратно в Лидию, а сам продолжал путь в Экбатаны.

Мазар угрюмо ехал впереди своих отрядов. Мидянин устал от чужих стран, от чужого народа и непонятного говора, от духоты и жгучего солнца у него болела голова. Он так ждал того часа, когда копыта его коня звонко застучат по нагорьям его суровой родины и когда, обратившись к любому встречному человеку с вопросом или приветствием, он услышит родную мидийскую речь.

Воины тоже молчали. Раздражение против лидийцев росло. И чем ближе подходили к Лидии войска Мазара, тем яростнее было нетерпение схватиться с войсками Пактия, разбить их, уничтожить.

Но Мазару не пришлось сразиться с Пактием. Лидийцы, услышав, что персы снова идут на Сарды, в ужасе разбежались. Наемники, получив плату, ушли. Пактий, оставшийся с горсткой воинов, понял, что дело его проиграно, и бежал из Лидии.

Лидия притихла, приникла к земле. Все ждали жестокой расправы, наказаний, казней.

Но проходили дни, а ни наказаний, ни казней не было. Мазар все сделал так, как велел Кир.

Изумленные лидийцы охотно повиновались его распоряжениям. Они снесли в цитадель Сард все свое оружие — копья, дротики, секиры, колчаны, полные стрел, все свои щиты, панцири и сложили в кладовые, охраняемые персидскими воинами. Они надели белоснежные льняные хитоны и высокие башмаки. В домах зазвенели кифары и арфы.

Лидийцы все еще боялись поверить такому счастливому повороту своей судьбы, но понемногу распрямили спины и подняли головы.

Жизнь потекла тихой рекой, с обычными ежедневными делами, с обычными заботами и обычными развлечениями. Только не скакали на конях юноши, тренируясь в искусстве битв, не бросали дротиков, не натягивали тетивы. Зато в Лидии появилось много музыкантов. Дети, обязанные владеть арфой и кифарой, были почти в каждом доме. Уже никто не грозил лидийцам войной. Меч Кира надежно защищал их, а белые хитоны и красивые башмаки скоро стали казаться приятной необходимостью.

Только старые всадники грустили втихомолку: где их боевые кони? На них сели персы. Где их боевые копья? Они ржавеют под замком у персов. Где их гордая, независимая родина? Она платит дань персам. Где их славный царь Крез? Он в плену у Кира.

Что же осталось им, старым солдатам? Сокрушенно покачивать головой да вспоминать былые походы. Мазар сделал в Лидии все так,

как велел Кир. Но одного царского приказа ему выполнить никак не удавалось: захватить Пактия и отправить его к царю.

Скитания и гибель Пактия

Пактий бежал в эолийский город Киму, что против острова Лёсбоса.

Кима в то время была самым большим и богатым из эолийских городов.

Правда, рассказывают, что кимейцы были очень недогадливы. Будто бы лишь спустя много лет после основания города они стали собирать портовые пошлины. А до этого им и в голову не приходило, что они живут на берегу моря, что город их портовый и что они могут на этом разбогатеть.

Рассказывают также, будто кимейцы заняли у своих богачей денег от имени города, отдав в залог портики. Денег они в назначенный срок вернуть не смогли, и за это народу не дозволялось гулять в портиках, даже во время дождя. Люди, давшие городу деньги взаймы, в конце концов устыдились, что кимейцы ходят под дождем, и они стали посылать глашатая, который кричал во время дождя:

— Дождь! Идите в портики!

Злые языки утверждали, что кимейцы до сих пор так и ходят по дождю, пока глашатай не позовет их в портики. Но дело было, конечно, в другом. Они просто считали себя не вправе пользоваться портиками, раз эти портики еще не выкуплены.

Вот в этот эллинский город на побережье моря, где жили не очень предприимчивые, но крепко соблюдавшие законы чести люди, и бежал лидиец Пактий просить убежища. Выдать попросившего защиты — позор. Пактий знал, что кимейцы не сделают этого.

Скоро в Киму явились послы от Мазара. Именем царя Кира они потребовали, чтобы кимейцы выдали Пактия. Пактий ждал, что кимейцы ответят твердым отказом. Но, к ужасу своему и негодованию, он увидел, что отказа не последовало.

Правда, не было пока и согласия выдать Пактия. Кимейцы колебались. Выдать Пактия — нечестно. Не выдать — восстать против самого Кира. И тогда что будет с Кимой?

Недалеко от Милета, в Дидимах, стоял храм Аполлона Дидимского, почитаемого ионянами и эолийцами. Здесь жрецы из рода Бранхидов давали советы от имени божества.

Чтобы не брать на себя ответственности за решение такого трудного дела, кимейцы решили спросить у Аполлона, как им быть? Как поступить с Пактием, чтобы это было угодно богам?

Когда послы вернулись от Бранхидов, кимейцы собрались на площади. Все были взволнованы. От решения божества зависели их судьба и судьба города.

Послы смущенно стояли перед народом. Стараясь не глядеть в сторону Пактия, они достали принесенную от оракула табличку. И оттого что послы не взглянули в ту сторону, где стоял Пактий, несчастный лидиец понял, что он предан.

Один из послов взял табличку и громко прочел решение оракула: «Пактия выдать персам!»

Пактий, который предчувствовал беду, но все же втайне надеялся, что божество защитит его, поник головой.

И сразу на площади поднялся шум. Сначала завязались споры, потом голоса стали громче, началось смятение.

— Если божество приказало, значит, надо выдать Пактия!

— Как можно выдать Пактия? Он пришел к нам просить защиты!

— Кир разорит Киму! Надо выдать Пактия!

— Выдать Пактия!

И Пактия уже схватили, чтобы отправить немедленно в Сарды. Но тут за него, а вернее за честь своего города, вступился знатный кимеец Аристодик.

— Этого нельзя сделать, — сказал он. — Мы не можем принять на себя такое бесчестие! Горе народу, который выдаст того, кто ищет у него защиты!

— А как можем мы не повиноваться божеству? — возразили ему. — Как можем не верить мы божеству? Ты не веришь оракулу Бранхидов?

— Я верю оракулу Бранхидов, и я повинуюсь божеству, — ответил Аристодик. — Но я не верю послам, ходившим туда, и не верю их измышлениям. Они сказали неправду. Не может оракул подвигнуть нас на то, чтобы мы покрыли себя позором! Надо послать других послов в Дидимы. И я сам пойду с ними туда!

Выбрали снова послов. Вместе с ними отправился к Бранхидам и Аристодик.

— Владыка! — сказал он. — Пришел к нам с просьбой о защите лидиец Пактий, спасаясь от персов. Персы требуют его выдачи и понуждают к тому кимейцев. Хотя мы и боимся могущества персов, однако не дерзаем выдать пришельца до тех пор, пока ты ясно не скажешь, что нам делать.

И оракул ответил:

— Выдать Пактия персам!

Аристодик, хотя и говорил, что не верит послам, которые ходили раньше, однако был готов и к такому ответу. Поэтому он поступил так, как заранее задумал, если оракул снова велит выдать Пактия.

Он вышел из святилища и начал молча разорять птичьи гнезда, которые ютились под крышей храма. Птицы подняли крик — никто и никогда не осмеливался трогать их здесь, под защитой божества.

Вдруг из храма послышался голос:

— На что ты посягаешь, нечестивец? Ты истребляешь ищущих у меня защиты!

Аристодик не смутился. Он ждал, он хотел этого.

— Ты, владыка, охраняешь молящих тебя о защите, — сказал он, — а кимейцам приказываешь выдать того, кто просит защиты у них!

И тогда оракул гневно ответил:

— Я приказываю это для того, чтобы вы скорее погибли через ваше бесчестье и чтобы

впредь не приходили к оракулу за советом о выдаче просящих!

С этим ответом послы и вернулись в Киму.

Однако в Киме не наступило спокойствие. Выдать Пактия невозможно после того ответа, который получили они в Дидимах. Это грозило позором и гибелью. Но и оставить Пактия тоже нельзя — Мазар явится и разорит Киму.

Тогда кимейцы пришли к такому решению: отправить Пактия куда-нибудь в другой город. И отослали его в Митилéну, на остров Лесбос, город богатый, торговый, с двумя гаванями. До Митилены персам было труднее добраться, они в то время еще не имели флота.

Мазар узнал, что Пактий перебрался на Лесбос, и тотчас послал туда своих глашатаев все с тем же требованием: выдать ему Пактия.

Митиленцев это требование не смутило. Кто для них Пактий? Чужой человек, варвар. Неужели из-за какого-то варвара им страдать и волноваться? Проще всего выдать Пактия. Да и не просто выдать, а потребовать с персов выкуп. О сумме можно договориться.

Пактий в тоске выслушал их решение. Страшна смерть. И еще страшнее — наказание, которое готовят ему персы. Но спасения он уже не видел.

Однако кимейцы следили за его судьбой. Их пугал ответ оракула, грозящий гибелью тем, кто выдаст просящего защиты. Митилена — город их племени. Вместе с Митиленой погибнет и Кима!

Кимейцы снарядили судно и, чтобы спасти Пактия, перевезли его на остров Хи́ос. А вернее, они это сделали, чтобы избавиться от него совершенно. Они, эолийцы, не выдали Пактия. А как поступят хиосцы — это их дело.

Ступив на землю прекрасного острова Хиос, Пактий, как и всюду в последние годы, попросил помощи и защиты. Но хиосцы смотрели на него пустыми, равнодушными глазами. Зачем он пришел к ним? Несчастный, потерявший родину, за которым следом идет опасная угроза персов, — зачем он пришел сюда, притащив за собой и эту угрозу?

На Хиосе живут богато и свободно. У хиосцев прекрасные глубокие гавани, в которых стоят на якорях корабли. У них есть мраморные каменоломни. Их пальмовые рощи плодоносны, а виноградники дают самые лучшие вина из всех греческих вин. Зачем нужен хиосцам этот варвар? Персы требуют его — пусть возьмут. Но так как хиосцы уже научились плавать по морю и торговать, научились ценить прибыль и наживу, то сочли благоразумным потребовать за Пактия плату. Пускай персы возьмут его, а хиосцам взамен отдадут Атарнэй, местность в Мисии, против Лесбоса.

Пактий, услышав о таком вероломном решении, бросился в храм Афины-градохранительницы. Эллина почитают своих богов, они не осмелятся взять Пактия, если он укрылся под защиту богини!

Но в Хиосе было смешанное население. Наверно, хиосцы уже забыли, кто из них какого племени. И законы своей прежней родины уже

не казались им непреложными. Афина-градохранительница не смогла защитить Пактия. Его силой вывели из храма и отправили к персам.

А взамен получили Атарней.

Так погиб Пактий, пытавшийся вернуть свободу своей родине.

Карающая рука Кира

Кир был милостив к побежденным. Он не разорял их земель и городов, не продавал в рабство, не выкалывал глаза, не сажал на кол, как было в обычае у древних завоевателей.

Однако если побежденная страна стремилась сбросить власть Кира или, что еще хуже, пыталась обмануть его, тяжка и беспощадна была его карающая рука. Тогда и он сам, и его военачальники с безудержной жестокостью уничтожали эти племена и народы.

Так случилось и с теми, кто присоединился к Лидии и осаждал Табала в Сардах.

Мазар со своим войском, как огненный смерч, прошел по равнине Меандра.

Меандр, извилистая река, протекала через многие города и селения. На ее берегах жили и варвары и эллины, переселившиеся сюда из Эллады. Меандр часто менял свое русло и этим нарушал границы прибрежных стран. Говорят, что каждый раз в таких случаях против Меандра возбуждалось судебное дело. И после того как признают Меандр виновным, на него налагают денежный штраф. А штраф потом выплачивают из сборов за переправу.

В долине Меандра была почва мягкая и плодородная — река создала эту долину из своего ила. Садов и лесов тут было мало, но зато щедро росли виноградники. На берегах Меандра стояли прекрасные богатые города — Магнэсия, Приена, Миунт... Тут же недалеко, над побережьем моря, лежала цветущая страна Приена...

Всю эту зеленую равнину Меандра, напоенную влагой и жарким солнцем, все эти города, с их храмами, святилищами, с их обильными рынками и ремеслами, Мазар отдал на разграбление своим воинам. Все было истоптано, разорено, сожжено... Не пощадили и прекрасную Магнесию, большой эолийский город. А жителей Приены, помогавших Пактию, Мазар продал в рабство. Это было самое страшное наказание, каким можно наказать свободный народ.

Мазар выполнил приказ Кира — разорил страну. Но и сам жил недолго: тяжелые военные походы свели его в могилу.

После его смерти командование войском принял старый мидянин Гарпаг. Сам Кир назначил его военачальником.

Гарпаг двинул войска на эллинские колонии. Прежде всего он напал на ионийский город Фокею. Фокейцы, жившие на берегу залива, были рыбаками и мореплавателями. Скудная почва их страны не давала достаточно ни хлеба, ни винограда. Поэтому фокейцы в основном жили морем — ловили рыбу, солили ее, сушили. Возможно, и торговали ею. Они первые из всех эллинов уходили далеко в море. И уже в то время у них были не круглые суденышки из

тростника, обмазанные смолой, а настоящие морские пятидесятивесельные суда. Они в своих скитаниях по неведомым морским просторам открыли Адриатический залив; нашли дорогу в Тиррению, что на итальянском берегу и куда, по преданию, спасаясь от голода, выселилась колония лидийцев во главе с царским сыном Тирреном... Они отважились ходить на весельных судах к берегам Испании.

Бывали они и в Тартесе, что на реке Тартес, в области Иберия, где люди жили мирно, богато, и нравы их были невиданно мягкими. Царю Тартеса Арганфонию нравились фокейцы. Пришедшие фокейцы помнили и знали многое — и музыку, которую любили, и красноречие, которое ценили, и искусство ваяния, которое процветало на их родине и о котором они могли рассказать. Фокейцы так нравились Арганфонию, что он предложил им совсем перебраться к нему в Тартесиду... Говорят, что в Тартесиде даже кормушки для скота были серебряные, а люди жили по сто пятьдесят лет!

Но фокейцы тогда остались на своем берегу. Теперь же, услышав, что Гарпаг двинулся на них с войсками, они бросились к Арганфонию за помощью:

— Что делать? Могущество персов так велико, что никакая сила им противостоять не может! Если мы вступим с ними в сражение, то все погибнем!

— Защищайтесь, — ответил им Арганфоний, — постройте стены вокруг своего города!

Он дал фокейцам денег, дал щедро. И фокейцы тотчас начали возводить вокруг города высокую стену. Стена получилась большая, на много стадий в окружности. Сложена она была из крупных, плотно прилаженных камней, и ее острые зубцы венцом встали над городом.

Гарпаг явился с войском и тут же осадил Фокею.

«Безумные! — думал Гарпаг с горечью, глядя на фокейские стены. — Они решили, что могут спастись за стенами от руки Кира!»

Гарпаг послал к фокейцам глашатаев:

— Сдавайтесь. Если город ваш будет разрушен и разорен, не мы будем виноваты, а вы. Неужели осмелитесь вы надеяться, что победите меня, полководца царя царей Кира? Я не хочу гибели вашего города. Сломайте хоть один зубец на своей стене, пожертвуйте хоть одним зданием, и я приму вашу покорность без разрушений и кровопролития!

— Дай нам на размышление один день, — ответили фокейцы. — Но на время нашего совещания отведи от стен города свои войска.

Гарпаг усмехнулся:

— Знаю я ваши замыслы! Но что ж, пусть будет, как вы просите. Поразмыслите хорошенько — я позволяю.

И он отвел войска от города.

А Фокея вся гудела и стонала от горя. До отчаяния жалко покидать свой родной город, свою землю. Но неужели идти в рабство к персам?!

Только не в рабство!

Бороться с Гарпагом бесполезно, бессмысленно: его войско, как туча, охватило Фокею. Если противиться Гарпагу, они все погибнут и от их прекрасного города останется только пепел. Но что же тогда делать?

Решать надо было быстро: сроку для размышлений у них только один день. И они решили. Спустили на море все свои пятидесятивесельные суда, поместили на них женщин и детей, а также статуи своих богов и наиболее ценное имущество. А потом взошли на суда сами и отплыли к Хиосу, потому что Аргафония, который мог бы принять их, уже не было в живых.

Наутро персы вошли в безмолвную, покинутую жителями Фокею. Стены не защитили ее.

Много скитаний пришлось вытерпеть фокейцам, много довелось принять горя. Они хотели купить у хиосцев Энуссы — лежащие около Хиоса острова. Но хиосцы побоялись, что если тут поселятся фокейцы, то Энуссы станут торговым местом, а тогда их остров Хиос потеряет всякое торговое значение. И они отказали фокейцам.

Что делать, где найти землю, которая приняла бы их?

Их вождь Креонтиад предложил плыть на один из островов близ побережья Тирренского моря — на остров Кирн. Позже римляне называли Кирн Корсикой.

Плавая по морям, фокейцы знали, что остров этот каменистый и в большей своей части непроходимый. Знали, что там в пещерах живут разбойничьи племена, о которых говорят, что они свирепы, как дикие звери. Но куда-то надо было

пристать и на какую-то землю надо высадиться и начать новую жизнь.

Горе и ярость томили фокейцев. Не так давно у них был свой город, своя земля... А нынче они скитаются и терпят такую беду!

Решили плыть на Кирн. Но, раньше чем уйти, повернули свои корабли к Фокее, ворвались в город, перебили, уничтожили весь гарнизон, оставленный Гарпагом для охраны города.

Тут, собравшись вместе в своем опустевшем городе, фокейцы поклялись никогда больше не возвращаться на этот берег. И грозили тяжкими проклятиями тем, кто нарушит обет и вернется в Фокею.

Они взяли большой кусок железа, и Креонтиад бросил его в море:

— Клянемся не возвращаться в Фокею до тех пор, пока железо это не всплывет на поверхность моря!

Фокейцы в один голос повторили:

— Клянемся!

И, еще раз со слезами простившись с дорогим сердцу городом, они направили свои корабли на Кирн.

Правда, эту страшную клятву сдержали не все. Когда корабли понесли их от родного берега на чужбину, многие из фокейцев вдруг поняли, что не могут покинуть Фокею. Они так тосковали, так жалели свой город, что не выдержали и повернули корабли обратно. С покорно опущенной головой, с тяжестью нарушенной клятвы, со страхом перед жестокостью завоевателей они высадились на родную землю. Любовь к родине оказалась сильнее всего... Остальные фокейские

корабли направились в сторону Кирна, вышли в море. Еще долго мерещился затуманенным глазам фокейцев родной берег в лазурном сиянии неба и морских волн.

Много всяких бед и несчастий пришлось вынести фокейцам. Они сражались с тирренцами и карфагенянами, в битве с которыми погибли их корабли... Большую часть фокейцев с погибших судов враги захватили в плен, высадили на сушу и забили камнями до смерти... Потом тем, кто остался в живых, пришлось покинуть и Кирн и, собрав на корабли свои семьи, бежать в Рёгий — эллинскую колонию на итальянском берегу. Когда-то греки-халкидяне переселились сюда из Дельф из-за недорода. Но и здесь не оказалось фокейцам приюта.

Наконец это вольнолюбивое племя перебралось в Энстрию — так называлась тогда эта часть Италии. Они приобрели там город и называли его Гиёлой.

Так же, как и фокейцы, поступили жители ионийского города Тебса. Они заперлись от Гарпага в своей крепости. Но Гарпаг возвел вокруг стен Теоса высокие насыпи и овладел городом. Теосцы, так же как фокейцы, сели на корабли и покинули родину. Они отплыли к Фракии и заняли там город Абдэры, что возле островов Лемнос и Фасос, за Фасосским проливом...

Изгнанники не забывали своей родины. В тех незнакомых краях, куда пришли, потерявшие все свое имущество, оторванные от своих пашен и ремесел, изгнанники жили трудно, тяжело, в непреходящей тоске...

И все-таки они предпочитали выносить всяческие страдания, только не рабство.

Остальные ионийские города пытались сражаться с Гарпагом. Они мужественно защищали свою свободу. Но персидские войска, в которые влились еще и побежденные народы, превосходили их силой.

Гарпаг победил ионийцев. Он не стал сгонять их с родной земли, не стал продавать в рабство — ионийцы остались в своих городах. Но у них уже не было своих правителей и законов. Они только исполняли приказания завоевателей.

Покорив Ионию, Гарпаг пошел войной на остальные племена, жившие в Азии, — на карийцев, кавниев и ликийцев... Как большая гроза, ничего и никого не щадящая на своем страшном пути, прошел Гарпаг по всей Анатоллии.

А сам Кир тем временем такой же грозой прошел по верхней Азии и покори́л все живущие там народы.

И теперь, когда вся Азия была под рукой Кира, перед ним вставала давняя мечта его деда Астиага — Вавилон.

Там, в Междуречье

Немало лет прошло с тех пор, как молодой Кир одержал первую победу — победу восставшей Персии над Мидией, над своим дедом Астиагом.

Кир еще крепок и силен. Но возле его глубоких, полных черного пламени глаз легли тени,

на высоком лбу, над крутыми бровями появились морщины, а лицо потемнело и загрубело в битвах и походах...

С давних пор, с тех самых времен, когда он отнял власть у своего вероломного деда царя Астиага, в их семье жили рассказы и воспоминания о том, как мидийский царь Киаксар, отец Астиага, ходил в Междуречье.

— Ты глупейший и бессовестнейший! — яростно укорял Кира свергнутый Астиаг. — Ты отнял у меня царство, но сможешь ли ты сделать то, что сделал твой прадед Киаксар и что совершил бы я? Хоть бы ты оглянулся назад и посмотрел на то, что совершали мидийские цари!

Злобные речи, издевательства, оскорбления — все это не волновало Кира. Но он жадно слушал, когда Астиаг, прерывая свою речь проклятиями Киру, и Кирову отцу, и всем персам вместе, рассказывал о боевых походах мидийских царей.

Особенно о Киаксаре, который в устах Астиага был настоящим царем, настоящим воином и полководцем. Ведь это он разгромил величайшее царство мира — Ассирию, это он сровнял с землей «логово львов» — богатейший и непобедимый город Ниневию!

Да знает ли Кир, что такое была Ассирия и ее цари?!

Ее войска были несокрушимы. Где проходили ассирийские воины, не оставалось ничего. Поля были вытоптаны. Города разрушены и сожжены. Финиковые рощи, сады и виноградники вы-

рублены. И ни одного человека не оставлено в живых.

— «Я окружил, я завоевал, я сокрушил, я разоружил, я сжег огнем и превратил в пустыни и развалины...», вот как говорили эти цари! — в восторге повторял Астиаг слова ассирийских царей. — И они могли так говорить, потому что это была правда! Они поступали так, как подобает великим царям. А что делаешь ты, глупейший? Завоевал Азию, а Сарды стоят, Милет стоит, да и где хоть один город у тебя разрушен и сожжен?

— А почему же все-таки пала Ниневия?

Внимательные глаза Кира спокойны. Пусть старик ругается. Киру нужно понять, почему рухнула такая могучая держава? Почему могли победить ее?

Ниневия!

При одном упоминании этого города Астиаг весь загорался как факел. Худой, жилистый, желтый как медь, старик начинал бегать от стены к стене, будто хищная птица, запертая в клетке. Он ведь был там с отцом, он видел эту прекрасную, как сон, Ниневию... Для него было наслаждением еще раз пережить свою юность, побывать еще раз в тех далеких, в тех необыкновенных краях, еще раз воскресить в своем все еще яростном сердце восторги победы и разрушения...

— Мы всегда ненавидели Ассирию. Ассирийцы грабили нас. Скот угоняли. Уводили в плен наших людей. Все народы ненавидели ее. Но были там и умные цари. Вот Тиглатпаласар. Он

так устроил свои войска, так их распределил, что они стали непобедимыми. Отец мой — царь Киаксар сделал так же. Разделил войско по родам оружия. Чем и ты пользуешься теперь!

В дыму пожарищ Астиаг все-таки успел увидеть высокие стены Ниневии, ее широкие светлые улицы, ее ступенчатые башни и храмы, ее прекрасные, как полуденные видения, дворцы, отражающиеся в бурных водах Тигра...

Ни камня, как в Египте, ни мрамора, как в Элладе, ни дерева, как в Мидии, в Ассирии не было. Строили из глины, из кирпичей — сырых и обожженных. Но как строили!

Запомнился на всю жизнь дворец Ашшурбанипала. Сам Ашшурбанипал, по мнению Астиага, был хоть и могущественный царь, но много терял времени на ненужные занятия: он читал и писал. Зачем это царю? Пусть этим занимаются жрецы и маги. А он, кроме того, еще собирал библиотеку, глиняные таблички, исчерченные клинышками, а клинышки эти будто птичьи следы на сыром песке. Огромные залы во дворце заняты были этими табличками. Ну и гремели, и трескали они, когда горел дворец и стены его рушились!

Острая память Астиага хранила многое. Он рассказывал о дворцовых залах, число которых казалось ему бесконечным. Он помнил отлогие лестницы, уходящие под облака; стройные ряды изящных колонн; сад, вознесенный над городом; деревья, растущие в каменных ямах, наполненных землей. Когда они добрались туда, оказалось, что воздух там свежий и чистый... Не то

что внизу, где и гнус всякий, и болотные туманы, и нестерпимая жара... Песок, глина, да еще и смерчи, страшные, крутящиеся столбы.

Но что поразило на всю жизнь Астиага в царских дворцах — это огромные каменные быки с человеческими головами. Они глядели каменными глазами на мидян, когда те поднимались к дворцу; они разглядывали их со всех сторон так, что по спине шел холод. И когда мидяне все-таки вошли в ворота дворца, эти каменные — Астиаг клялся в этом! — сразу шагнули вперед.

Но ничто не остановило мидян. Они разрушали, жгли, убивали!

— Неужели одно мидийское войско сделало это?

— Нет, не одно мидийское. С нами были и вавилоняне. Но без нас Вавилон не победил бы. А кроме того, пошел разброд в самой Ассирии. Вышли из повиновения покоренные народы. Это помогло нам. А почему так случилось? Слабые были цари. Надо было еще крепче держать рабов. Не щадить. Народ должен бояться царя! Трепетать должен перед царем! Воля царя — воля богов, а народ — прах, который он попирает ногой! Вот как надо!

«Вот как не надо, — думал Кир, слушая это, — только безумные в своей жестокости правители поступают так. Страхом и ненавистью не укрепить царства».

О жестокости ассирийских царей Кир слышался довольно. Даже просвещенный царь Ашшурбанипал своей рукой выкалывал пленным

глаза и сажал людей на кол... «Нет, — думал Кир, — не о казнях надо думать, а о том, чтобы покоренному народу жилось хорошо и спокойно под твоей рукой. Тогда не будет у царя врагов в тылу. Надо, чтобы нивы были засеяны и сады наполнялись плодами. Только безумные правители разоряют землю, принадлежащую им».

«...Поднимается на тебя, Ниневия, разрушительный молот... — писал о конце города Ниневии древний автор, — по улицам несутся всадники, стук копыт их коней по площадям. Блеск от них, как от огня, они сверкают как молнии. Врата речные отворяются, и рушится дворец... Захватывайте серебро, захватывайте золото, нет предела искусным изделиям и множеству драгоценной утвари!

Ниневия опустошена, разорена и разграблена... Горе кровавому городу, он весь полон обмана и убийств, в нем не прекращается разбой.

Слышится хлопанье бича, стук вертящихся колес, ржание коней и грохот скачущих колесниц...»

Так же, упиваясь воспоминаниями о разгромах и разрушениях, рассказывал о походе в Ассирию и Астиаг.

— Теперь там тишина. Песок заносит развалины. Только смерчи гуляют там, где было проклятое «логово львов» — Ниневия. Но еще шумит Вавилон! Киаксар, мой отец, разрушил Ниневию. Я, Астиаг, его сын, — мне предстояло разрушить Вавилон! А ты, глупейший, бессовестнейший, разве можешь ты сделать то, что сделал бы я?

«Я сделаю то, что сделал бы ты, — думал Кир, — но не так, как ты. Кому польза от развалин и заросших бурьяном полей? Не себе ли самому враг тот властитель, который опустошает покоренную им страну?»

И каждый раз при этом он вспоминал разговор с Крезом:

«— Эти воины — что они делают?» — «Грабят твой город!» — «Нет. Не мой город разоряют они... Расхищают они твое достояние!»

«Ты прав, старый мудрый Крез. Ты прав!»

Кир обдумывал поход в Вавилонию. И готовил войска.

Вавилон — «Ворота бога»

Уходя от Армении, горный хребет Тавр поднимается все выше и выше. Здесь, в горной стране, возникают могучие реки Тигр и Евфрат. То сближаясь, то отходя друг от друга, мчат они свои глубокие бурные воды через всю равнину Месопотамии до самого Персидского залива.

Горный хребет с вершиной Загрос стоит над обширной равниной Междуречья, отделяя Мидию от Вавилона. Равнина эта жаркая, сухая. Дождей почти нет. Солнце палит свирепо и неотвратимо. И если бы не эти две реки — Тигр и Евфрат, широко несущие свои воды, — если бы не эти реки, спасающие равнину разливами и плодородным илом, здесь была бы пустыня, гибель и смерть...

Реки разливались широко, удобряя поля. Вода поднималась на двадцать локтей до уровня

высоких берегов и на двадцать локтей сверх берегов. Каналы, которыми была изрезана равнина, наполнялись водой и потом долго светились ярко-синими бороздами на красной земле. Землю засевали, не давая ей высохнуть. Особой обработки эта земля не требовала, а урожаи давала богатые. Древнегреческий географ и историк Страбон рассказывает, что рис там «стоял в воде до четырех локтей высоты с множеством колосьев и зерен».

Сеяли пшеницу, ячмень, босмор — хлебный злак, помельче пшеницы, которым вавилоняне очень дорожили. После обмолота они поджаривали зерно, а прежде давали клятву, что не вынесут с тока неподжаренного зерна, — они не хотели вывозить семена босмора в другие страны.

Во время разлива воду накапливали в больших цистернах, специально для этого устроенных. А потом, когда наступала засуха, спускали ее на поля.

Урожаи были такие обильные, такие богатые, что хватало зерна и людям, и скоту, и на продажу, и на обмен. Хлеб меняли на металлы, на камень, на дерево, потому что ни металлов, ни камня, ни дерева в Междуречье не было.

В Вавилонии разводили скот: овец, ослов, коров. Стада их бродили по склонам гор, по болотам и низинам, где земля не засевалась. Пастушьи поселки давали стране молоко, масло, творог. Искусные мастера выделявали кожи.

По берегам рек селились рыбаки. Улов рыбы был обильным. Рыбу сушили, перемалывали в муку, кормили ею скот, продавали... Рыбаки на

своих связанных из тростника и обмазанных смолой суденышках уходили по рекам далеко вниз, до самого Персидского залива...

Высокий густой тростник, щедро растущий по берегам рек, был незаменим в жизни народа, живущего в Вавилонии. Тростник был и топливом, и подстилкой скоту. Из тростника плели корзины. Делали горшки для варки пищи; плели из тростника и покрывали глиной. Тростником, мелко нарубленным, кормили скот. Даже дома строили из тростниковых вязанок — складывали стены и обмазывали глиной для прочности. Покрывали дома тоже тростником. Или просто строили тростниковые шалаши.

На этой широкой равнине, на реке Евфрат, стоял древний город Вавилон, или «Ворота бога», как называли его вавилоняне.

Вавилон окружали крепкая высокая стена и большой ров, наполненный водой.

«...Копая ров, рабочие в то же время выделывали кирпичи из вынимаемой земли; приготовив достаточное количество кирпичей, обжигали их в печках. Цементом служил им горячий асфальт, а через каждые тридцать рядов кирпича они закладывали в стене ряд тростниковых плетенок; укрепляли сначала края рва, а потом таким же способом возводили и самую стену. На стене, по обоим краям ее, поставлены были башни — одна против другой, в середине между башнями оставался проезд для четверки лошадей. Стена имеет кругом сто ворот, сделанных целиком из меди, с медными косяками и перекладинами», —

так рассказывает Геродот о постройке вавилонской стены.

Вавилон стоял по обоим берегам Евфрата.

Город был богат. Трехэтажные и четырехэтажные дома теснились на его улицах. Это был старый город, стоявший много веков. Его не раз захватывали, разрушали и сжигали враги. Но Вавилон восставал, сбрасывал иго покорителей и вновь отстраивался, упорно защищая свою независимость.

Очень много строил вавилонский царь Навуходоносор II. Он вообще любил строить, но особенно ему хотелось украсить и возвеличить свой Вавилон, который он считал столицей всего мира.

Навуходоносор оставил такую надпись: «...С давних дней, до царствования Набопаласара, моего родителя, многие цари — мои предшественники — строили дворцы в других городах, которые они избирали; там они устраивали себе место жительства, собирали сокровища, складывали дары и только в день праздника Вагвук* являлись к выходу бога Мардúка. Когда же Мардук призвал меня к царскому сану, а Набу, его истинный сын, поручил мне свой народ, возлюбил я, как свою драгоценную жизнь, сооружение их чертогов. Кроме Вавилона и Борсиппы, у меня не было резиденции. В Вавилоне, который я ставлю выше всего и который люблю, я заложил дворец — удивление людей...»

* Вагвук — вавилонский Новый год.

Навуходоносор строил храмы и дворцы. Он восстановил разрушенную ассирийцами священную дорогу — дорогу религиозных процессий — и поставил по ее сторонам невысокие красивые стены, облицованные глазурованным кирпичом, на которых были изображены белые и желтые львы — сто двадцать львов, идущих по голубому полю.

Он задумал восстановить разрушенную ассирийцами огромную башню — зиккурат, как назывались эти квадратные ступенчатые, похожие на пирамиды башни. Этот зиккурат должен был, по его выражению, «встать на груди преисподней так, чтобы его вершина достигла неба». Начиная эту работу, сам царь и его сыновья принесли на головах золоченые корзины с кирпичом и положили этот кирпич в основание башни.

Навуходоносор II много заботился о защите города от врагов. Ассирийская Ниневия всегда угрожала ему. Но пришел мидянин Киаксар, и от Ниневии остались развалины. В то время вавилоняне вместе с Киаксаром громили Ассирию. Но можно ли доверять этой дружбе? Кто поручится, что мидяне не придут снова и не поступят с Вавилоном так же, как с Ниневией?

Вот он и строил вокруг Вавилона стены «вышиной с гору». Чтобы защитить подступы к городу, Навуходоносор велел насыпать валы и укрепил их кирпичом. Валы тянулись от Евфрата до Тигра. Кроме того, вдали от города он устроил огромный, выложенный камнем водоем, до краев наполненный водой. Теперь он мог, в случае вражеского нашествия, спустить воду и

затопить всю равнину, среди которой Вавилонская область поднялась бы подобно острову.

«...Собрать воды, подобные волнам моря, вокруг города», — говорил царь.

Весной, в месяце нисане*, персидский царь Кир со своим войском перешел Тигр.

В это время Навуходоносора уже давно не было на свете. В Вавилоне царствовал слабый, подслеповатый, страстно приверженный богам царь Набонид.

Набонид не любил никаких новшеств. Восстанавливая древние храмы богов, он гордился тем, что ничего не изменял в них «даже на толщину пальца». Его жизнь проходила в чадур курений ладана перед алтарями, в дыму жертвоприношений. Даже свою дочь он сделал жрицей в храме бога луны — Сина.

Однако Набонид понимал, какая опасность надвигается на Вавилон. Он, как умел, готовился к войне, пытался объединить подвластные ему племена для защиты Вавилона.

Но народы, поработанные Вавилоном, уже давно изнемогали от непосильных налогов и поборов. Скот, хлеб, изделия ремесел — все шло в кладовые царя и жрецов. Услышав о приближении Кира, подвластные Вавилону племена заволаговались: они ждали его как избавителя и готовы были помогать ему.

Власть Вавилона зашаталась.

Набонид молился Мардуку: «...Защити меня, Набонида, царя Вавилонского, от преступлений

* Нисан — март-апрель.

против твоего божества и подай мне долголетнюю жизнь...»

А Кир в это время уже вступил в Междуречье.

Набонид бросился защищать Вавилон. Он велел разрушить плотину и окружить город водой.

Но самой главной защитой он считал богов. В ужасе перед надвигающимися персидскими полчищами он приказал всех идолов из старых вавилонских городов — из Марáда, из Кита, из Хурсагкаламы и вообще из всей страны Аккада — перевезти к себе в Вавилон. Боги спасут его от Кира!

Это возмутило не только народ, но и жрецов. Жители городов, из которых были взяты боги, негодовали, что их святыни так унизили: их везли в повозках, запряженных скотом — волами и мулами. Плакали, что храмы их оставили пустыми...

А жрецы Вавилона были оскорблены. У них есть свой бог Мардук, которого они называли всемогущим. Мардук здесь, в Вавилоне, — для чего же другие боги?

Но бедный, перепуганный Набонид не слушал ничьих жалоб. Боги должны спасти его и спасти Вавилон. Чем больше богов, тем крепче защита!

Кир наказывает реку

Кир вступил в Междуречье.

Это уже был не юноша, горячий, запальчивый, жадно рвущийся к победам, деливший со своими лучниками и копыеносцами пищу у костра и ложе на земле. Это был царь великой державы,

покоривший всю Азию, Лидию и все эллинские города Азиатского побережья.

Роскошно одетый, с короткой, красной от хны бородой, завитой в мелкие колечки, с кудрями, падающими до плеч из-под высокой шапки — тиары, в украшенном золотом панцире, Кир, окруженный свитой, ехал на белом коне впереди своего войска.

Армия Кира стала огромной. Тут были и персы, и мидяне, и лидийцы, и карийцы, и эллины. У Кира были опытные в военных делах полководцы.

Рядом с ним ехал навсегда преданный ему мидянин Гарпаг. Целую страну — богатую Лидию — отдал Кир Гарпагу в наследственное управление. Кир не забывал ни зла, ни добра.

На пути к Вавилону Кира остановила река Гинда, или, как ее еще называют, Дийála. Эта большая бурная река преградила ему дорогу. Солдаты пытались перейти ее то в одном месте, то в другом, но никак не удавалось. А уж о том, чтобы переправить обоз, и думать не приходилось.

У персов был обычай держать при войске особой красоты и благородства коней, которые считались священными; по их поступи, по их ржанию маги-жрецы предсказывали грядущие события. Такие вот священные кони следовали и за Киrom.

Когда войско стояло на берегу Гинды, один из этих коней вдруг отважно кинулся в реку, стремясь переплыть ее. Но река тотчас подхва-

тила коня, закружила и, захлестнув волной, утащила на дно.

Кир вознегодовал.

— За это насилие, — пригрозил он Гинде, — я сделаю тебя такой незначительной, такой мелководной, что женщины будут переходить вброд и колен не замочат!

Кир приостановил поход.

Он приказал раскинуть лагерь. Скоро по всей долине загорелись костры, задымились котлы. Люди и лошади были рады отдохнуть от долгого пути.

Наутро Кир разделил свое войско на две части. Одна половина войска осталась на этом берегу. Другая переправилась на тростниковых плотах на тот берег. Кир наметил на обоих берегах Гинды по сто восемьдесят канав и приказал копать.

Это была тяжелая работа. Солнце палило свирепо. Откуда-то из пустыни приносило горячий красный песок, и он, словно дым, висел в воздухе, не давая дышать. Тучи песчаных мух мучили людей, от укусов их зудило всю кожу, возникала лихорадка с высокой температурой и болью в суставах. Ночью появлялись полчища комаров, от которых ничем нельзя было укрыться. Воспалялись и болели глаза...

Неожиданно, откуда-то из «страны демонов», налетали черные смерчи, и там, где они проносились, оставалась пустыня. В самую страшную жару, когда раскаленный воздух словно кипел от зноя, небо заволакивали черные тучи и начинались неистовые грозы, все небо полыхало

молниями, как будто чужая земля старалась уничтожить пришельцев, испепелить их, сжечь.

Но люди работали. Целое лето копали они эти триста шестьдесят каналов, чтобы наказать Гинду мелководьем, как пригрозил Кир.

Наказать реку!

Люди, поклонявшиеся солнцу, ветрам и воде, не видели в этом ничего необыкновенного; река поступила вероломно, она погубила лучшую лошадь Кира, хотя этой реке никто не нанес ни обиды, ни оскорбления. Значит, надо отомстить ей, наказать ее.

А Кир молчал. И, когда слышал проклятия, посылаемые Гинде, глаза его светились усмешкой. Но он прятал эту усмешку. Никто не должен знать его планов, его военных замыслов. Ему было известно, что в любом войске всегда найдется перебежчик и шпион, готовый предать своего полководца. Пускай так и думают, что он наказывает реку, а вовсе не готовит путь своему войску для продвижения в глубь месопотамской земли.

О замыслах его знали только старые военачальники, с которыми он советовался. Знал это и старый царь Крез, которого Кир всюду возил с собой. Когда река была наказана и обмелела, как угрожал ей Кир, его войска и обозы свободно перешли ее.

Войска Набонида встретили Кира недалеко от Вавилона и преградили путь. Набонид, богомольный царь, много молился перед походом и был уверен, что боги помогут ему победить и прогнать врага. Поэтому он не очень тревожился

о том, как вооружены его воины, как они обеспечены провиантом. Но сам он не отказался ни от удобств, к которым привык, ни от роскоши, в которой жил. За ним всюду следовал обоз со всякими припасами, гнали стадо скота для жертвоприношений богам и для того, чтобы у царя было всегда свежее мясо.

Войска встретились. И у стен самой столицы Вавилонии Кир разбил Набонида.

Набонид бежал и закрылся в Вавилоне, захлопнув за собой все сто медных вавилонских ворот.

Кир в Вавилоне

Кир начинал гневаться. Время шло, а осажденный Вавилон не сдавался. Стены были так крепки, что пробить их не хватало ни умения, ни сил. И так они были высоки, что никакой насыпи, чтобы подняться выше их, сделать было невозможно.

Вавилонские правители всегда опасались врагов — сначала Ассирии, потом Мидии, а теперь персидского царя Кира. Они видели, как он идет по азиатским землям, подчиняя один народ за другим, они были готовы к тому, что рано или поздно Кир появится у стен Вавилона. И поэтому заготовили съестных припасов на многие годы.

Однако сидеть всю жизнь среди заболоченной долины за «Мидийской стеной», как называли персидскую осаду, вавилоняне не могли. Их положение было безвыходным. У них не было сильных союзников, которые пришли бы на помощь.

Народы, платившие Вавилону дань, отложились. Порабощенные восстали и освободились от вавилонского ига. А те, которые не могли освободиться сами, ждали Кира как освободителя, как избавителя от неволи. По всей Азии уже шли слухи о том, что Кир не притесняет покоренные народы, не разрушает городов, не оскорбляет религии...

В эти томительные дни осады Кир часто собирал своих военачальников. Их было семь; среди них неизменно присутствовал и Гарпаг. Советовались. Думали. Искали путей, как взять этот неприступный город.

Иногда, оставшись один, Кир с возмущением вспоминал все те годы, сквозь которые он шел к Вавилону. Однажды он уже отправился на Вавилон. Но вернулся, потому что начались волнения и неурядицы в его азиатских владениях. Надо было покорить и привести к повиновению еще не покоренные племена, которые своими набегами и грабежами мешали ему. Как злорадно тогда подшучивал над ним его дед Астиаг, как злобно он веселился! «Что, сын перса? Не дотянулся до Вавилона? Глупейший! Отнял у меня власть, а сделал ли больше, чем сделал бы я? Я бы уже давно взял Вавилон, уже давно он лежал бы в развалинах и дымился, как Ниневия! И еще считаешь себя великим царем!»

И как долго потом Кир добирался до Вавилона! Вот уже скоро семь лет этот недостижимый город занимает его время, его думы, его расчеты, его помыслы...

Он победит Набонида. Он уже давно победил бы этого робкого, нерешительного царя. Набонид

пытался сражаться с Киром. Но каждый раз, побежденный, поспешно отступал за высокие стены города-крепости. А теперь закрылся там и сидит среди своих храмов и богов.

Как одолеть его?

И вот однажды, в трудную минуту раздумий, Кир вдруг понял, что ему нужно сделать.

Тотчас по его приказу войска персов пришли в движение. Одна часть войска подошла к тому месту реки, где она вливается в город. А другая часть встала там, где река вытекает из города. Прежде чем разделить войско, Кир сказал:

— Как только река станет удобна для перехода, вступайте по руслу в город.

Приказ был краткий, точный и повторения не требовал. Персы стояли по обе стороны города у самых берегов Евфрата.

Кир тем временем собрал воинов, не способных более к сражению — раненых, заболевших, уставших, — и вместе с ними ушел к озеру, к тому водоему, который сделан был Навуходоносором для запаса воды.

Сейчас водоем был пуст, вода разлилась по долине, защищая Вавилон. Вместо озера здесь лежало болото.

И тогда Кир сделал то, что сделал когда-то Навуходоносор, запасаясь водой на засушливое время. Он открыл плотину, и Евфрат хлынул в этот водоем.

Военачальники Кира и сами воины, стоявшие под Вавилоном, напряженно следили за тем, как незаметно, но неудержимо убывает в реке вода, как все глубже обнажается ее русло.

Пора!

Командовал Гóбрий, один из военачальников Кира.

Пора!

По его знаку воины спустились в русло. Вода не доходила до пояса, и персы тихо, стараясь не шуметь, вошли с двух сторон в город.

Если бы вавилоняне увидели их в это время, персы погибли бы. Вавилоняне, как писал Геродот, «захватили бы персов как рыбу в верше». Набережные Евфрата внутри города были защищены стенами, улицы, ведущие к реке, запирались медными воротами. Вавилоняне могли бы закрыть эти ворота и, заняв набережные, истребить персидское войско.

Но в Вавилоне в это время справляли какой-то праздник. На всех улицах слышались песни, на площадях звенела музыка, всюду пели и танцевали.

А в городе уже было полно персов. Персы предстали с ошеломляющей неожиданностью. В средней части города еще продолжали танцевать, а окраины уже были в плену у врага. Вавилоняне глазам своим не верили. Персы, гремя оружием, заполняли город.

Так, по свидетельству Геродота, был взят Вавилон.

Может быть, так. А может, и не так.

Вавилонские жрецы были недовольны Набонидом за то, что он, по их мнению, недостаточно почитал их бога Мардука, а значит, и их самих.

Богатые вавилонские купцы не могли долго терпеть осады, не могли согласиться с потерей

торговых путей, занятых персами. Им нужны были эти пути для перевозки товаров по всей Азии, и только Персидская держава открывала им свободные дороги.

И вернее всего, что вот эти влиятельные люди, договорившись между собой, изменили своему царю и сами открыли персам вавилонские ворота.

И Кир без боя полновластным владыкой вошел в Вавилон.

Царь Набонид отсиживался в древнем городе Борсинне, в храме, окруженном крепкими стенами. Однако это длилось недолго. Набонид понял, что дело его безнадежно, и сдался.

Он вышел навстречу Киру с опущенной головой. Какие муки готовит ему Кир? Какой смертью заставит умереть?

Но Кир не мучал и не убивал тех, кто сдается. Не убил он и Набонида.

— Уезжай в Карманию, — сказал Кир. — Возьми себе эту область и живи там. Но Вавилон покинь навсегда.

Набонид, не ожидавший такой милости, тотчас уехал в Карманию. Там он и жил до конца своих дней.

Кир с детства был наслышан о богатствах Вавилона.

Своим войскам он еще заранее отдал строжайший приказ: не грабить, не убивать, не осквернять храмов. Кир был убежден, что ничем нельзя так скоро и так прочно завоевать доверие побежденных народов, как уважением их религии. И войска Кира знали, что послушаться нель-

зя. За много лет, проведенных в походах и завоеваниях, они уже твердо усвоили эти необычные правила их необычного царя.

Кир, окруженный свитой, шел по красивым прямым улицам Вавилона. Все удивляло его. Трехэтажные и четырехэтажные дома — он еще никогда не видел таких домов; тяжелые медные ворота, пламенеющие под солнцем; ворота богини Иштар...

У этих ворот, куда привела его широкая, вымощенная плитами дорога процессий, Кир остановился. Нельзя было пройти мимо их величавой красоты. Ворота были двойные: внутреннее в два раза выше наружных. Они светились голубой глазурью, фантастические существа глядели на Кира с их стен — не то быки, не то носороги, и еще кто-то таинственный, соединивший в себе и орла, и змею, и скорпиона «Сирруш»...

Кир увидел, что Вавилон полон храмов. Он захотел узнать, сколько их. Жрецы Вавилона тотчас сообщили ему, что храмов великих богов у них пятьдесят три, да пятьдесят святилищ царя богов Мардука, да триста святилищ земных божеств, да шестьсот святилищ небесных божеств, да сто восемьдесят алтарей Нергал и Адада и двенадцать других алтарей... «Сколько понадобилось труда, чтобы построить эти храмы! — думал Кир. — Сколько жрецов занято служением богам, а ведь всех их надо кормить. Им всем нужен не только хлеб, но и золото нужно. Но не тронем жрецов. Они сильны. Они

сильнее царя. Пусть берегут свои храмы и приносят жертвы своим богам».

Перед храмом божественного владыки Вавилона, владыки богов Бел-Мардука, как называли его жрецы, Кир остановился в изумлении. Этот храм был огромен. Кир пожелал войти — жрецы угодливо открыли украшенные бронзовыми пластинками двери. Прохлада, тишина, дымка ладана...

Здесь, среди мраморных, с золотом и лазурным камнем стен, Кир увидел огромную, в шесть метров высотой, статую Бел-Мардука. Мардук сидел в длинном, осыпанном звездами одеянии. На голове его светилась золотая тиара. Отсвет покрытого чистым золотом потолка озарял Мардука, словно сиянием солнца. На шее блистало драгоценное ожерелье.

— Почему у владыки богов такие огромные уши? — удивился Кир.

— Жрецы говорят, — ответил переводчик, — что уши являютсяместилищем разума и духа!

Кир, не противореча, кивнул головой.

Вблизи храма Эсагила Кир увидел необыкновенно прекрасную башню — зиккурат. А так как вавилонский народ особенно чтил этот храм, Кир поставил здесь свою охрану.

Зиккурат в Эсагиле неожиданно напомнил ему далекие Экбатаны. Башня была почти так же раскрашена, как дворец Деиока: нижняя ступень — черная, выше — белая, дальше — фиолетовая. Потом — синяя, красная, серебряная. И самая верхняя — золотая. Значит, Деиок знал об этих вавилонских зиккуратах!

Кир любовался городом: Вавилон нравился ему. Нравились эти прямые улицы, крепкие высокие жилища горожан, площади с неожиданной зеленью финиковых рощ, золотящиеся гроздьями сладких плодов... Он любовался богатыми дворцами, которые построил Навуходоносор.

Нравилась Киру и одежда вавилонян — спускающаяся до пят льняная туника, поверх которой надевалась другая, из шерсти, и непринужденно накинутый на плечи белый плащ... Может быть, такая одежда подошла бы и персам?

Волосы у вавилонян длинные, на голове они носят повязку. Такие волосы будут мешать в походах. Но обычай носить перстень с печатью и палку, украшенную то искусно сделанным яблоком, то розой, то орлом, — это, пожалуй, красиво...

— Этот город будет моей столицей, — решил Кир. — Столицей всего моего царства!

И с этого дня он стал так писать свой титул: «Я, Кир, царь народов, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь четырех стран света».

Царство его теперь уже простиралось от Средней Азии до Средиземного моря.

Манифест Кира

Кир не тронул города. Но он приказал немедленно разрушить внешние стены Вавилона. Еще могут быть смуты, и вавилоняне захотят освободиться и закрыть от персов все свои мед-

ные ворота. А тогда снова трудная осада, снова война...

Неприступные стены Вавилона рушились в ров. Страну Междуречья охватило смятение. Жители древнего города Ура, что стоял к югу от Вавилона, решили, что и для них все кончено — погибнет их город, их свобода... Ни укрепления, ни рвы, ни стены не защитили Вавилон, враг победил. Будет побежден и Ур. У победителей свои боги, — так разве они пощадят богов, стоящих в храмах Ура?

А это казалось самым страшным: погибнут боги — погибнет и Ур!

Но Кир никогда не испытывал вражды к людям другой веры. Он не разорил Ура, не тронул богов. Но, к изумлению жителей, восстановил их разоренное святилище Эннунмах. И даже отремонтировал лицевую сторону храма Сина — бога Луны.

Иудеев, которых Навуходоносор когда-то увел в плен, Кир отпустил на родину и приказал вернуть им священные сосуды, которые отнял Навуходоносор. Пять тысяч четыреста драгоценных чаш собрали освобожденные из плена вавилонского иудеи и повезли в свою страну.

Кир приказал вернуть всем городам и землям их богов, которых в страхе увез Набонид и собрал у себя в Вавилоне. И народ принял свои святыни, благословляя имя персидского царя.

Бел-Мардук снова возвысился. Вавилонские жрецы не находили слов для восхваления Кира и для поношения своего незадачливого царя Набонида.

«...Слабый был поставлен властвовать над своей страной...

Он... отменил ежедневные жертвы... Почитание Мардука, царя богов... и постоянно делал то, что было ко злу для его града... его жителей довел до гибели, наложив на них тяжкое иго. Владыка богов разгневался грозно из-за стены их; он оставил их область; боги, жившие в них, оставили свои жилища из-за гнева за их перенесение в Вавилон...

Мардук, великий владыка, защитник людей своих, радостно воззрел на его (Кира) благословенные деяния и его праведное сердце и повелел ему шествовать к своему граду Вавилону... сопутствуя ему, как друг и товарищ. Его широко растянувшиеся войска, неисчислимые, подобно воде, шли вооруженные с ним... Набонида, царя, не почитавшего его, Мардука, он предал в его (Кира) руки...»

Так писали о нем жрецы.

Кир слушал это с непроницаемым лицом. В глубине глаз, под длинными ресницами таилась насмешка. Он был слишком умен, чтобы поддаваться лести.

Но в манифесте своем он выдержал тот же тон, те же высокопарные речи, те же титулы: «Я, Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран, сын Камбиса, великого царя, царя города Аншана...»

«Если это и не совсем так, — добавлял про себя Кир, диктуя свой манифест, — нужно, чтобы они видели во мне потомка великих царей.

Разве лестно покориться сыну перса Камбиса, который никогда не был настоящим царем? Поощадим их самолюбие, их тщеславие...» И диктовал дальше: «...потомок Теиспа, великого царя, царя города Аншана, отрасль вечного царства, которого династия любезна Белу и Набу, которого владычество приятно их сердцу. Когда я мирно вошел в Вавилон и при ликованиях и веселье во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне благодарное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании...»

Кир повторил почти все, что сказали о его деяниях жрецы, принял все почести и титулы, которыми его награждали, восхвалил Мардука, как того хотели, не забыл и других богов.

Но главным для него были не титулы и не почести. Главным для него было умиротворить покоренные народы, чтобы его власть не тяготила их, чтобы не искали они других царей и не стремились свергнуть его, Кира. Кир понимал, что угнетением и жестокостью не многого достигнешь. Он видел это на примере многих великих царей и царств. Пала всемогущая Ниневия. Пал Вавилон. И его дед Астиаг разве не из-за собственной свирепости утратил царскую власть?

Иногда странные, не подобающие царю мысли посещали его. «Митридат был пастух, — думал Кир, — Спако — жена пастуха. А разве не достойнее были они, простые пастухи, чем великий царь Астиаг?»

Этими мыслями Кир ни с кем не делился, даже с Крезом и Гарпагом.

Но в эти минуты раздумья перед его глазами зеленело горное пастбище, над головой смыкались ветви дубов и платанов, пронизанные солнцем. И милый далекий голос, ласковый голос звал его.

Царица Томирис

В таинственных бескрайних просторах закаспийских степей жили племена, которые еще беспокоили Кира. В повозках, крытых шкурами, кочевали эти опасные скифские племена со своими бесчисленными стадами по берегам рек, по раздольям равнин, то приближаясь к подножию Кавказских гор, то скрываясь где-то в неизвестной дали пустынных северных земель.

Разные племена скифов жили за Каспием. Были и оседлые. Они жили в горах, пасли свои стада, питаясь дикорастущими плодами, мясом и молоком. Их узнавали по яркой, пестрой раскраске одежды.

Жили скифские племена и на островах. Они не знали хлеба — каменистая земля островов не годилась для посевов. Коренья, дикие плоды деревьев и кустарников были им пищей, а одежду делали из лыка, которое они мяли и обрабатывали как могли.

Жили и в заболоченных устьях рек, питаясь рыбой.

Кое-где на равнинах жили скифы-земледельцы. Сеяли хлеб, пасли стада. Черноземная земля давала обильные урожаи.

Племя скифов, которое Геродот называет массагетами и с которым пришлось встретиться Кирру, владело безграничными просторами земли, но никогда ничего не сеяло. Огромные стада были богатством массагетов. У них всегда было в изобилии мясо, молоко, рыба, которую они ловили в реках.

Отважные наездники, вооруженные бронзовыми мечами, секирами, копьями с железными наконечниками и тугими луками, массагеты никому не подчинялись, никому не платили дани. Они славились мужеством в боях и дерзостью в грабительских набегах. Косматые, с длинными бородами, в широких кожаных штанах, в стеганых кафтанах и острых колпаках, они, как хищники, налетали на соседние племена; и это всегда было тяжелым бедствием для незащищенного населения.

«...Свирепый враг, вооруженный луком и напитанный ядом стрелами, осматривает стены на тяжело дышащем коне, — писал о скифах древний поэт, — и как хищный волк овечку, не успевшую укрыться в овчарне, несет и тащит по пажитям и лесам, так и враждебный варвар захватывает всякого, кого найдет в полях еще не принятого оградой ворот: он или уводится в плен с колодкой на шее, или гибнет от ядовитой стрелы».

Пылали поселения, огнем полыхали несжатые хлеба. Ревел скот, который угоняли захватчики к себе, в бескрайнюю степь...

Вот против этих опасных воинственных племен, которые когда-то приходили в Мидию, и задумал Кир свой новый поход.

Кир был не только талантливым полководцем, он также отличался большим политическим умом и мудрой дальновидностью. Он понимал: чтобы удержать в своих руках завоеванные племена и государства, надо обеспечить спокойствие, безопасность и благополучие их городов, их сел, садов и пашен, их каналов, проведенных для орошения засушливых земель, сохраняющих жизнь на этих землях.

Спокойствию границ его огромной державы по-прежнему грозили скифы-массагеты. И, чтобы не повторилось то, что произошло при царе Киаксаре, Киру необходимо было покорить этих опасных соседей своего государства. Верные полководцы Кира были готовы отправиться с ним и в этот поход.

Киру было уже не так легко, как в молодости, выдерживать военную страду. Хна скрывала густую седину в его короткой кудрявой бороде; глаза его, окруженные морщинами, глядели устало, в них уже не было прежнего огня. Но массагеты — сильный и опасный враг, которого трудно победить, и Кир никому не мог доверить этого дела, он должен был сам вести войска.

Царицей массагетов была Томирис, вдова массагетского царя.

Велико было ее удивление, когда перед ней предстали послы великого царя «всех стран» Кира. Уже не молодая, широкоплечая, кругло-

лица и светлоглазая, она не сразу поняла, о чем говорят персидские послы.

— Великий царь, царь царей, царь всех стран Кир хочет, чтобы ты была его женой.

— Я? Его женой?

Томирис еле удержалась от смеха. Это она, скифянка, которая не хуже любого мужчины может скакать на диком коне, метать стрелы и рубить мечом, — жена персидского царя! Может, он еще захочет, чтобы она, накрывшись покрывалом, следовала в обозе за его войском?

— Идите с миром, — ответила послам Томирис. — Кир умный и хитрый человек. Но я разгадала его хитрость. Не я ему нужна, а мое царство.

Да, она разгадала. Не она была нужна Киру. Киру хотелось покорить массагетов, но избежать войны. Он знал, что эта война будет долгой и изнурительной, а оставить положение дел так, как оно есть сейчас, нельзя. Массагетов надо подчинить, иначе они никогда не дадут покоя его стране.

«Хотел сделать это дело миром, — подумал Кир, — не получилось. Надо воевать».

И он приказал строить мосты через реку, чтобы переправить войско на землю массагетов.

Мосты росли на реке один за другим. С зари до зари слышался стук топоров: войско было огромно, и мостов понадобилось много.

Одни строили мосты, другие сколачивали плоты и устанавливали на них военные деревянные башни...

В степи иногда показывались всадники и тут же исчезали, как полуденное наваждение. Персы знали, что массагеты следят за их работой.

В разгар этих работ к царю явился вестник от царицы Томирис. Она прислала Киру устное письмо, потому что царица писать не умела. Вестник слово в слово передал ее речь.

«Перестань, царь мидян, хлопотать над тем, чем ты занят теперь; ведь ты не можешь знать, благополучно ли кончатся твои начинания. Остановись, царствуй над своим и не мешай нам царствовать над тем, над чем мы царствуем. Но если не желаешь последовать этим советам и ни за что не хочешь оставаться в покое, если, напротив, у тебя есть сильная охота помериться с массагетами, изволь, но не трудись над соединением речных берегов, на три дня пути мы отойдем от реки, тогда переходи на нашу землю. Если же предпочитаешь допустить нас на твою землю, то сделай то же самое».

Кир внимательно выслушал вестника. Потом созвал своих полководцев:

— Как быть? Перейти ли нам через реку? Пустить ли Томирис на нашу землю?

Полководцы решили дело единодушно:

— Зачем идти в чужую, не известную нам землю?.. Мы не знаем, что ожидает нас там. Пускай Томирис идет сюда, давайте допустим к нам ее войско и встретимся на нашей земле!

И только лидиец Крез, который и сюда последовал за Киrom, был не согласен с этим решением.

— Так как бог отдал меня во власть тебе, царь, — сказал он, — то с самого начала я обещал отвращать, по возможности, всякую беду от твоего дома. Если ты думаешь, что ты бессмертен и что твое войско бессмертно, тогда мне вовсе нет нужды высказывать свое мнение. Но если сознаешь, что ты только человек и что твои подданные только люди, то знай, что одни и те же люди не могут быть счастливы постоянно. Мое мнение противоположно совету твоих полководцев. Если ты допустишь неприятеля на свою землю, то погубишь все свое царство. Ибо ясно, что если массагеты победят, они не убегут назад, но устремятся дальше в твои владения. У них уже не будет преграды. Если же ты одержишь победу над врагом, то двинешься во владения Томирис. И будет нестерпимым позором, если Кир, сын Камбиса, побежденный женщиной, уступит ей страну! Поэтому я полагаю, что нам следует перейти реку и подвинуться вперед на столько, на сколько отступит враг, и лишь на их земле начинать сражение. Массагеты не вкусили благ персидской жизни, и им не знакомы большие удовольствия. Поэтому советую зарезать множество скота и приготовить для этого народа угощение в нашем лагере. Кроме того, налить в изобилии чаши чистого вина. Потом советую оставить в лагере часть нашего войска, уже не способную к битве, а остальным возвратиться к реке. Если я не ошибаюсь, неприятель при виде стольких благ кинется на них, а нам останется прославить себя победой.

Кир надолго задумался. Он привык побеждать в открытом бою...

Но ожили в памяти рассказы деда его, Астиага. Дикие полчища скифов на мидийской земле, произвол, разбой, разорение... Снова красные костры пылали перед ним в черном ночном поле, снова слышал он хриплые голоса скифской орды и конский топот, вопли и женский плач и крики детей...

— Я предпочитаю мнение Креза, — сказал Кир.

И велел сообщить царице Томирис, что он сам вступает в ее владения.

Прежде чем выступить, Кир позвал к себе в шатер своего сына Камбиса и попросил Креза тоже прийти к нему.

— Я оставляю тебе царство, — сказал Кир Камбису, — царствуй, пока я буду в походе. Нельзя оставлять народ без правителя, как дом без хозяина. Передаю тебе в твои руки и моего друга Креза. И если поход мой... — Кир вздохнул, сердце его сжалось от необъяснимой тоски тяжелого предчувствия, но он тут же овладел собой. — Если поход мой окончится несчастливо, береги Креза, почитай его, следуй его советам. Я прошу тебя об этом, Камбис, я тебе это приказываю!

Кир был печален. Он не помнил времени, когда бы на душе у него лежала такая печаль. Он еще и еще раз настойчиво наказывал Камбису беречь Креза.

Крез стоял, низко склонив голову. Ему было тяжело оставлять Кира; ему казалось, что, рас-

ставшись, они оба погибли. Но Кир, предвидя тяжелые сражения, не хотел подвергать опасности своего старого мудрого друга.

Простившись, Кир приказал Камбису и Крезу немедленно покинуть лагерь и возвратиться в Персию.

В тот же день Камбис и Крез уехали.

Зловещий сон

Огромное войско Кира перешло реку. Шли по мостам, переплывали на плотах. Были смельчаки, которые верхом на конях бросались вплавь.

С недобрим чувством вступил Кир на чужую ему равнинную землю.

Они шли весь день, а равнина уходила все дальше и дальше, однообразная, шелестящая травой и ковылем. Ни холмов, ни горных вершин. Солнце было нежаркое. А к ночи подул северный ветер, пригибая травы к земле. И закатное небо, малиновое и лиловое, показалось Киру угнетающе печальным.

Ночью Кир долго не спал. Он вышел из шатра, что-то тревожило его. Он ходил по лагерю, проверяя посты. Нельзя быть спокойным на опасной скифской земле. Враги, как змеи, могли подползти неслышно к лагерю...

Но все было тихо. Только храпели иногда кони, шелестела трава да потрескивали в кострах ветки сухого саксаула. Крупные звезды, спустившись до самого горизонта, мерцали, словно покачиваясь на своих тонких серебряных лучах. Киру казалось, что он слышит их призрачный

серебряный звон, и это пугало его, как предвестие беды.

Кир уснул с тяжелым сердцем. И тяжелый приснился ему сон.

Он увидел юного Дáрия, старшего из сыновей своего родственника и вельможи Гистáспа. Дарию было всего двадцать лет. Гистасп оставил его дома; он считал, что Дарий еще молод для тяжелых походов.

Проснувшись, Кир долго обдумывал свой сон. И, обдумав, счел этот сон пророческим.

И, едва небо на востоке засветилось зеленоватым отсветом наступающего утра, Кир приказал позвать к себе Гистаспа.

Кир и Гистасп были одни в шатре. Кир не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом разговоре.

Кир сказал:

— Сын твой, Гистасп, виновен в заговоре против меня, против моей власти. Я знаю это достоверно. Боги заботятся обо мне и предупреждают меня обо всем, что мне предстоит.

Гистасп глядел на него с тревогой и страхом. Ему показалось, что он слышит голос старого Астиага, давно ушедшего из жизни...

— Сегодня ночью, во сне, — продолжал Кир, — я видел твоего сына Дария с крыльями на плечах: одним крылом он осенял Азию, другим Европу. Это сновидение свидетельствует, что он злоумышляет против меня. Поэтому как можно скорее возвращайся в Персию и постарайся представить сына твоего на суд к тому времени, когда я покорю эту страну и возвращусь домой.

После, когда Кира не стало, маги так толковали его сон:

— Кир думал, что Дарий злоумышляет на него. Но ведь это было не так. Божество давало ему заранее знать, что он сам умрет здесь, в земле массагетов, и что царство его перейдет к Дарию.

Ни сам Кир, ни Гистасп не усомнились в том, что это не просто сон приснился усталому, озабоченному огромными военными и государственными заботами человеку. Оба они были совершенно уверены, что божество посетило царя и предупредило его.

— Не родиться бы лучше, царь, тому персу, который злоумышляет на тебя, — ответил преданный Киру Гистасп, — а если такой есть, то пусть он погибнет тотчас! Злоумышлять на того, кто из рабов сделал персов свободными и вместо подчинения дал им владычество над всеми народами! Если сновидение знаменует, что юный сын мой замышляет против тебя восстание, я отдам его тебе: делай с ним что хочешь!

Разгневанный и несчастный, Гистасп, встретив, как обычно, молитвой восходящее солнце, потребовал своего коня и отправился обратно в Персию. Он спешил домой. Он боялся, что Дарий что-нибудь предпримет против Кира. Надо было немедленно заключить сына в темницу, чтобы он ничего не успел предпринять. Гистаспу и в голову не приходило, что его юный Дарий может оказаться ни в чем не виновным!

Совет Креза выполнен

Изо дня в день шло вперед по равнине Кирова войско. Широкий след, вытоптанный конями, оставался после него. Высокая трава ложилась, прибитая к земле там, где проходили его тяжелые колесницы.

Удивительным казалось, что солнце здесь не палило, не обжигало кожу, не слепило глаза. После месопотамского пекла закаспийские степи казались персам прохладными. Говорили о том, что если идти все дальше и дальше, то можно совсем замерзнуть. И что там часто вьюгой поднимаются холодные белые перья и заслоняют небо — так говорили они о снеге.

Жадно всматривались они в ясную днем и лиловую вечером даль. День идут, два идут, три... Ведь должно же наконец что-то появиться перед ними — море, гора, город! Ничего. Все та же степь, все тот же серебряный разлив ковылей.

Ночью звезды висели так низко над горизонтом, что, казалось, их можно достать рукой. Но шли вперед, а горизонт уходил все дальше и дальше, и звезды медленным, торжественным хороводом передвигались на запад, а с востока поднимались другие. Степь молчала. Днем трещали цикады, пели птицы. Массагеты не показывались, исчезли, растворились где-то в солнечном степном мареве. И уж начинало мерещиться, что никаких массагетов нет и не было и что степь пуста и безлюдна до самых тех северных стран, где кончается всякая жизнь.

На восьмой день Кир остановил войско.

Как воевать с массагетами, если они налетают откуда-то из неведомых далей и потом снова исчезают без следа в этих далях, в этом шелесте трав и солнечном молчании степи?

Сделали так, как советовал Крез. Войско разделилось. Слабые, больные, уже не способные к битве воины остались на месте. А остальные — сильные боевые отряды — вместе с царем и военачальниками отступили обратно, к реке.

Оставшиеся недоумевали. Что задумал Кир? Почему он оставил их здесь?

Но долго раздумывать об этом они не стали. У них было столько всякой еды и столько вина, что целое войско могло бы пировать до утра. Скоро запылали костры, потянулись вокруг запахи жареного мяса, заплескалось виноградное, ионийских виноградников, вино.

И, словно почуяв запахи пира или услышав песни у костров, на персов налетели массагеты. Со свистом, с боевыми воплями на полудиких конях ворвались они в лагерь.

Персы пробовали сопротивляться. Но массагеты с яростью топтали их копытами коней, наносили удары, убивали. И скоро персы все полегли у своих приготовленных для пира костров.

Массагеты ликовали. Они тут же бросились сдирать с убитых скальпы. Они делали это ловко и проворно, и каждый спешил добыть как можно больше скальпов, чтобы потом, связав их за

волосы, повесить на узду своего коня. У кого больше скальпов, тот больше убил врагов. Вождь похвалит и поблагодарит их за храбрость и отвагу.

Труд битвы всегда тяжел. Усталые, с окровавленными руками, массагеты хотели было, вскочив на коней, исчезнуть в степи. Но запах жареного мяса остановил и привлек их. С радостными криками, с возгласами ликования они окружили костры, на которых жарились туши быков и баранов. И еще выше поднялись их радостные вопли, когда они увидели бурдюки с вином.

Массагеты сложили свои луки и щиты и уселись к кострам. Они резали мясо кинжалами, захватывая куски побольше. Они хватали чаши и жадно пили вино, пели и смеялись. Силой волшебства этого янтарного вина весь мир для них преобразился, луна смеялась на небе, огонь в кострах плясал веселую пляску, кругом были друзья, каждый готов был клясться в дружбе каждому... Они пели, хохотали, кричали что-то друг другу. И кони откликались им из темноты веселым ржанием, будто смеялись вместе с ними.

Отведав радость виноградного сока, они не знали его коварства. Казалось, что от такого вина даже голова закружиться не может. Но голова закружилась, отнялись руки и ноги, и победители крепко уснули на залитой вином и кровью земле, потерявшие силы, потерявшие разум.

Вот тут и вернулся Кир со своим войском. Боя не было. Много скифов убили, но гораздо больше взяли в плен. Взяли в плен и сына царицы Томирис, их молодого вождя Спаргаписа.

Смерть Кира

Царица Томирис вскоре узнала, что сделал Кир с ее войском. Сразу постаревшая, задыхаясь от горя и ярости, но не теряя рассудка, она послала Киру вестника.

Кир погубил третью часть ее войска — обманом, хитростью погубил!

И он взял ее сына. Только бы вызволить ей сына из рук персов, только бы вернуть его!

Но если Кир не захочет вернуть ей сына, тогда уже не будет места разговорам.

Кир молча, нахмурясь, слушал вестника Томирис.

«...Ненасытно жадный до крови, Кир, не гордись случившимся, тем, что с помощью виноградного плода, которым вы напиваетесь сами и от которого неистовствуете так, что по мере наполнения вином все больше сквернословите, не гордись, что столь коварно, такими средствами овладел ты моим сыном, а не в сражении и не воинской доблестью. Теперь послушай меня, потому что советую тебе благое: возврати мне моего сына и удаляйся из нашей страны, свободный от наказания за то, что так нагло поступил с моим войском. Если же не сделаешь этого, клянусь Солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду в крови, хоть ты и ненасытен».

Кир выслушал речь царицы и отпустил вестника, ничего не сказав. «Мне грозит женщина! — думал он. — Мне, владыке стольких стран! Я прошел столько дорог, покорил столько городов и племен, и я должен уйти, испугавшись угрозы женщины!»

Усмехнувшись, он удивился ее самонадеянности. «Я не верну тебе сына, — думал Кир. — И я не сделаю ему зла. Но, пока он будет у меня в руках, ты, Томирис, тоже нам зла не сделаешь. Я не могу уйти из этой земли, не покорив массагетов, иначе кочевники никогда не дадут нам покоя».

Молодой массагет Спаргапис, с растрепанной гривой белокурых волос, плачущий от стыда, что так бесславно попал в руки врагов, постиг всю меру своего несчастья и позора. Его взяли, как щенка, сорвали с него золотой пояс и драгоценный кинжал... Он, сын царя, как последний раб стоит в оковах перед чужим царем, перед чужими воинами.

— Сними с меня цепи! — в ярости кричал он Киру и громыхал оковами. — Сними с меня цепи, прошу тебя! Только сними с меня цепи!

— Освободите его от оков, — приказал Кир. — Я не убиваю пленных.

Оковы тотчас сняли. Все ждали — что теперь скажет массагет? Что будет делать дальше?

Все произошло так быстро, что никто не успел помешать Спаргапису. Он выхватил кинжал из-за пояса стоявшего рядом воина и с размаху ударил себя в сердце.

Кир видел много смертей на своем веку. Но этой смерти он не хотел. Дрожь прошла по его лицу, он отвернулся и ушел, чтобы не видеть у своих ног этого юного вражеского вождя.

Может быть, Кир стал слишком старым, может, он вспомнил о своем беззащитном детстве, но сердце его дрожало. Он не хотел этой смерти.

Спаргапис умер. Царице Томирис больше нечего было ждать и больше незачем щадить Кира. Она собрала все войско, которое у нее было, и, яростная, беспощадная, безудержная в своем горе и в своей ненависти, напала на Кира.

Еще с вечера разведчики принесли весть, что скифы недалеко. Они готовы к бою, но, видно, ждут утра.

Кир не спал. Почему-то вспоминалась молодость, далекие походы, трудные осады, бои... Крепостные стены лидийских Сард, которые казались неприступными. Башни Вавилона и их медные ворота, которые казались несокрушимыми... Крепости ионийских городов... Но тогда все было ясно: осада, бой. Город, который нужно взять. Войско, которое нужно разбить...

А здесь? Враг, уходящий куда-то, исчезающий. И ни городов, ни крепостных стен. Как воевать? Что осаждать, побеждать, захватывать?

А войско Кира все больше устает, все больше изматывается в этой войне без боев, в войне без противника, всегда настороженное, в постоянном ожидании неведомых опасностей...

Кир встал и поднял свои войска до рассвета. По обычаю персов, они молитвой встретили вос-

ходящее солнце — их божество, совершили возлияние. И стали готовиться к битве.

«Мне кажется, сражение это было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары», — говорит Геродот.

Кир, когда увидел надвигающееся на него с дикими криками войско массагетов, собрал все свое мужество закаленного в боях воина и хладнокровие опытного полководца. Но все же при виде этой конницы, поднявшейся словно туча на горизонте, ему мгновенно вспомнилась страшная песчаная буря в пустыне Деште-Кевир, которая надвигалась вот так же зловеще и неотвратно.

Два войска сошлись и встали друг против друга. Полетели стрелы. Кир заметил, что массагеты стреляют не хуже, а лучше, чем его стрелки, и что они натягивают лук иначе, чем персы и другие народы. Персы притягивают тетиву к груди. А массагеты становятся к неприятелю боком, притягивают тетиву к плечу, стрела у них летит с большей силой. Они проворны в бою, стреляют и правой и левой рукой, и воины Кира, пораженные стрелами, падают чаще, чем у массагетов... «Надо будет научить наших лучников тому же», — думал Кир.

Бой нарастал. Стрелы с гудением густо летели и с той, и с другой стороны. Но вот колчаны опустели, и воины двинулись друг на друга с копьями и мечами.

Бились долго, упорно, беспощадно. Персы не привыкли отступать и к тому же знали, что если не победят, то погибнут. А Томирис в своем

неистовом гневе и ярости готова была погибнуть, но отомстить Киру за своего сына. И они дрались насмерть.

Ни один воин не отступил, не попытался бежать. Или победа — или смерть. Или смерть — или победа.

Победили массагеты. Почти все войско Кира полегло на этом роковом поле битвы, а те, кто остались в живых, напрасно искали своего царя и полководца Кира.

Поверженный Кир лежал среди своих убитых солдат.

Сражение кончилось.

Светлые жестокие глаза Томирис сверкали на коричневом от плотного загара лице.

— Найдите мне Кира! — приказала она.

Вскоре убитый царь, раскинув руки, беззащитно лежал перед ней на земле.

Томирис велела наполнить кровью кожаный мешок.

— Хотя, я вижу, и победила тебя в сражении, но ты причинил мне тяжкое горе, коварством отнявши у меня сына, и я насыщу тебя кровью, как угрожала!

Сказав это, Томирис своими руками приподняла тело Кира и погрузила его голову в мешок, полный крови.

«Относительно смерти Кира существует много рассказов, — заключает Геродот свое повествование о царе Кире, — я привел наиболее правдоподобный».

Так погиб Кир, «царь народов, великий царь, могучий царь», как тогда именовали его.

Персы называли его отцом, а греки считали образцом государя и законодателя.

Он царствовал двадцать восемь лет.

В городе Пасаргады поставили персы Киру гробницу. Это была небольшая массивная башня, окруженная колоннами. Густые деревья окружали гробницу и охраняли от жгучего солнца, — тому, кто лежит здесь, нужны тишина и покой, потому что в жизни его не было ни покоя, ни тишины.

Наверху гробницы устроен склеп с очень узким входом. Там стояло золотое ложе и на нем золотой саркофаг, стол с золотыми кубками, множество царских одеяний и украшений с драгоценными камнями хранилось там. Там же лежало и оружие царя — его лук, щит и меч. Над всем этим была надпись:

«Человек! Я, Кир — создатель державы персов, и я был царем Азии. Поэтому не завидуй мне за этот памятник».

Потом гробницу разграбили, ложе и саркофаг разбили на куски. Хотя маги сторожили ее и получали за это каждый день овцу и каждый месяц — лошадь.

Все это было очень давно. Прошли тысячелетия, и в долине Мургаб, где шумел богатый город Пасаргады, нет ничего. Лишь несколько обло-

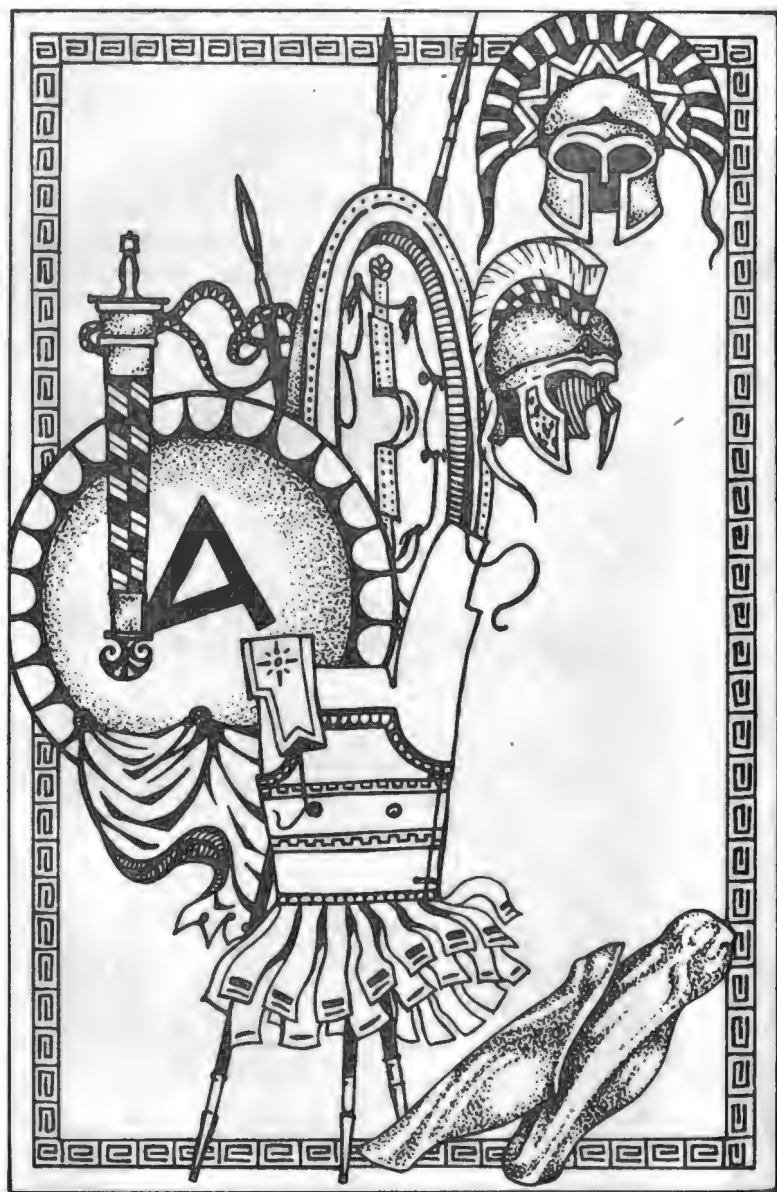
манных колонн, кое-где цоколи, на которых стояли колонны, каменные косяки от ворот — вот и все, что осталось от столицы древних персидских царей...

Но гробница Кира стоит и сейчас. Только ни зелени, ни прохлады нет около нее. Солнце палит древние камни, и степной ветер обвевает их жарким дыханием. И никаких пышных надписей, о которых говорит Геродот, нет на ней. Лишь одна строка доносит нам из давних времен голос великого полководца:

«Я, Кир, царь Ахеменид».

Победители сильных

I

Велико и могущественно было в древности персидское государство. Оно охватывало Азию, часть Африки и начинало уже протягивать руки к Европе. Царь этого огромного государства назывался «Великим царем». «Долгорукий» было также одним из его прозвищ, потому что рука его протягивалась по всей земле, и ни единый народ не был от него в безопасности. Его зимняя столица город Сусы, построенный в виде сокола с распростертыми крыльями, выражал собой это могущество.

Войска персидского царя были бесчисленны, целые народы составляли отдельные части этого

войска. Богатства всего мира стекались в царскую сокровищницу так же быстро и неуклонно, как реки стекают в море. Подвластные народы платили ему дань золотом, а те, у которых не было золота, — дорогими предметами и рабами. Эфиопы давали слоновьи клыки и черное дерево; арабы, как евангельские волхвы, приносили ладан; кавказские племена присылали сто юношей и сто молодых девушек. Кроме того, само персидское государство снабжало пищей и всем нужным царя и его двор. Один город поставлял хлеб, другой — мясо; этот — вино, а тот — охотничьих собак. Один Вавилон содержал табун для царской службы более чем в шестнадцать тысяч лошадиных голов. Кроме того, никто не мог испросить свидания с монархом, не сложив к его ногам дара, более или менее ценного, смотря по состоянию просителя.

Царь брал у рыбака рыбу и у пастуха овцу, так же точно как сундук с золотом у целой провинции или какую-нибудь драгоценность у своего вельможи. Эти вельможи назывались в Персии сатрапами. В городах Сусы, Экбатаны и Персеполисе у Великого царя были сокровищницы, наполненные золотом. Металлические монеты, расплавленные в горниле, выливались там в жидком виде в глиняные вместилища, сделанные в земле. Когда металл остывал, разбивали глину и, по мере надобности, резали золото, превратившееся в сплошные слитки.

Удивительная роскошь окружала грозного царя.

В мраморных дворцах его, украшенных пурпуром, стояли золотые лежа на порфириковых помостах.

Двор царя состоял из стражи, бесчисленных сановников, ловчих, мальчиков-прислужников и рабов. В садах, окружавших дворец, росли кедры, розы, прыгали антилопы, пели соловьи. Пятнадцать тысяч гостей пиروвали каждый день за царским столом.

В один день уничтожались тысяча быков, четыреста баранов, пятьсот откормленных гусей, триста голубей, шестьсот редких птиц, грома муки, потоки масла, море вина и столько пряностей, что ими можно было нагрузить целый корабль. «Царские уста», как называли впоследствии эти трапезы, были бездной, поглощавшей ежедневно пропитание большого города.

Среди всего этого блеска и роскоши Великий царь был скрыт, как таинственное божество, невидимое и недоступное. Народ знал его только в образе крылатых быков с человеческим лицом, выставленных у дверей его дворца и изображавших собою его силу и могущество.

Пурпурная завеса скрывала, как облако, это земное солнце от тех, кто был допущен на свидание с ним. Всякий приближавшийся к царю должен был прежде всего расprostереться у его ног. Смерть поражала дерзкого, осмелившегося явиться к царю без зова.

Царь мог делать все что хотел. Законы уничтожались по его прихоти. Всякое повеление, вышедшее из его уст, было роковым и неотменным.

Он мог в нем раскаяться, но взять его назад не мог, как лук не может вернуть стрелу, спущенную его тетивой. Подданные Великого царя

принадлежали ему телом и душою: все были одинаково рабами. Самовластный владыка относился к заслуженному сановнику так же, как к зрителю за конюшнями или носителю опахала.

Персидский царь Камбис, желая однажды доказать свою ловкость одному вельможе, выстрелил из лука в его сына и, в присутствии отца, попал стрелою между глаз. В другой раз он велел зарыть в землю по горло двенадцать юношей из знатных семейств, без всякого повода, без гнева, под влиянием минутной прихоти.

Таков был Великий царь, воплощенное могущество и чудовищность Востока. Земля, как сказано в Библии, «трепетала и безмолвовала перед ним».

II

На крайней границе его государства, на тощем и сухом полуострове, перерезанном горами с каменистыми скатами, копошился народец, у которого, по словам одного его поэта, «бедность была молочной сестрой». Но судьба дала этому народу божественные дары, для того чтобы он передал их всему миру. Народ этот был греки, а дары эти были — светлый ум, способность к наукам и искусствам. Ни один народ не строил таких храмов и не высекал из мрамора таких статуй, как греки. У них было врожденное благородство, стремление к красоте и совершенству, благодаря которому преображалось все, к чему они прикасались.

Греки, как и большинство древних народов, обожествляли природу. В природе и во всех ее явлениях они чувствовали живую душу, и эта душа представлялась им в виде разных божеств. Но у других народов, менее развитых и слабее чувствовавших глубокую красоту природы, чем греки, эти божества часто бывали грубы, безобразны и жестоки, а рассказы об их происхождении и деяниях иногда совсем бессмысленны.

У греков же все рассказы об их богах и полубогах-героях всегда полны глубокого смысла, а сами эти боги и герои так величественны и прекрасны, что до сих пор все народы помнят их имена и подвиги. Греческие трагедии, в которых изображена печальная и страшная судьба целых поколений людей, полны таких мудрых мыслей и высоких чувств, что до сих пор их изучают и ставят на сценах наших театров. Язык греков был сверкающий и звучный, всякий другой казался после него грубым говором. Несмотря на свою бедность и скудость своего края, греки сознавали свое врожденное благородство. Любовь к славе побуждала их к труду и подвигам.

В этом уголке земли вставала заря вечного просвещения; незаметный народец чувствовал, что в нем трепещет душа мира.

Но все дары греков еще не проявились вполне. Нужно было, чтобы меч расшевелил этот тлевающий огонь и превратил его в огромное пламя, освещающее и до сих пор весь мир.

Лет за пятьсот до Рождества Христова Персия объявила Греции войну. Тяжелый нескладный гигант Азии выступил против гордого человечка. Этот человечек один держался прямо среди покоренных племен, и это оскорбляло даже издали гордость гиганта.

III

У персидского царя Дария было несколько причин начать войну с Грецией. Во-первых, когда две покоренные Персией провинции возмутились против власти сатрапов, греческий город Афины пришел на помощь восставшим и сжег город Сарды, принадлежавший Персии. Во-вторых, Дария подговаривал к войне правитель одной страны, завоеванной Грецией, и, в-третьих, у Атоссы, жены Дария, явилось фантастическое и неотвязное желание, чтобы ей прислуживали молодые афинские девушки.

Узнав о сожжении Сард, Дарий сначала спросил только: «А что такое Афины?» — с удивлением человека, которого укусило в пятку невидимое по своей малости насекомое. Но потом на него нашел гнев; он пустил в небо стрелу, как гонца, и воскликнул: «Дай мне, боже, отомстить афинянам!» Рабу было приказано стоять сзади царя за столом и трижды повторять ему во время еды: «Господин, помни об афинянах!»

Первым действием Дария было отправить в греческие города послов с требованием горсти земли и чаши воды, что служило знаком покорности и вступления в подданство. Страх перед

персидским могуществом был так велик, что большинство городов греческих согласилось исполнить требование, но Спарта и Афины дали жестокий и гордый ответ на дерзкое требование.

Спартанцы бросили в колодец посла Дария, крича ему, чтобы он сам достал себе оттуда землю и воду для своего царя. Афиняне были глубоко оскорблены, когда переводчик, находившийся при после, передал им на их родном языке дерзкое и унижительное требование Дария. Им казалось, что оскверняют их святыню, так как они верили, что сами боги говорили по-гречески. В гневе сбросили они персидского посла в реку.

IV

Дарий послал против афинян армию в двести тысяч человек, с приказанием взять в плен живыми мятежных рабов и в цепях отослать их в его дворец, в Сусы. Ему интересно было посмотреть на существа, у которых хватило безумия сопротивляться ему.

Греция разделялась на несколько небольших государств. В каждом было свое особое правление, но религия и язык — у всех одни. Главными государствами были Аттика с городом Афинами, управлявшаяся народным собранием, и Лакедемония с городом Спартою, имевшая царя.

Персидская армия выступила в поход морем на шестистах триерах. Триерами назывались суда, в которых гребцы гребли в три ряда весел.

Приближение такого огромного войска навело ужас на всю Грецию. Грекам казалось, что персы

могут окружить город, соединив руки, и все жители будут пойманы, как мухи, попавшие в чудовищную паутину.

Под угрозой страшной опасности, Афины обратились за помощью к Спарте. Послом был отправлен самый быстроногий гонец. Он мчался так, будто бог Гермес дал ему свою шляпу и сандалии. Гермес был сыном главного греческого бога Зевса и считался вестником богов и путеводителем странников. Его изображали с крыльями на круглой шляпе и на пятках. В два дня гонец прошел огромное пространство, отделявшее Афины от Спарты. Но напрасен был этот подвиг: Спарта отказалась немедленно идти на помощь и отвечала, что древний обычай не позволяет ей выступать в поход до полнолуния. А в то время как раз была последняя четверть. Но вместе с отказом Спарты гонец принес Афинам предсказание одного божества. Он рассказал, что, когда он шел по лесистой горе и прилег отдохнуть, ему явился Пан, бог лесов, рощ, покровитель стад и всей природы. Иногда своим внезапным появлением он наводил ужас на людей, и они испытывали страх, который называли «паническим».

Но афинскому гонцу таинственный бог лесов явился радостный и лучезарный, при кротком свете звезд. Он назвал его по имени и шумным голосом, в котором слышалось дыхание леса, предсказал грекам победу.

Афиняне могли выставить только одиннадцать тысяч воинов против двухсоттысячного не-

приятельского войска. Нужно было явиться герою, чтобы решиться на борьбу и победить.

И герой явился. Его звали Мильтиад.

Посреди Афин находилась священная скала, на которой был построен храм богини мудрости Афины, покровительницы города.

Вокруг священной скалы и храма предполагали полководцы стянуть все свое небольшое войско. Но Мильтиад стал утверждать, что все спасение было в нападении, что нужно было идти на неприятеля, вместо того чтобы дожидаться его, и произвести нападение на самом берегу моря. Решено было поступить так, как говорил Мильтиад.

V

В одно утро маленькое афинское войско, стоявшее лагерем на вершинах, окружавших город Марафон, запело гимн в честь богов и героев и беглым шагом ринулось на персов. Построением своим оно напоминало огромную птицу. Перед сражением Мильтиад разделил фалангу на три части, но так как полководец опасался, что персидские всадники атакуют фланги афинского войска, на левом и правом крыле он поставил воинов гораздо плотнее, чем в центре. Когда была прорвана середина, два крыла с щетиной копий, как птичьи крылья с поднявшимися дыбом перьями, окружили неприятеля и погнали его обратно. Персы бежали в полном расстройстве к своим кораблям. В ту минуту, как эти корабли стали выходить в море, вдруг на одной из гор, со

стороны Афин, поднялся огромной величины гладкий и блестящий щит, как зловещая звезда, предвещающая беду. Мильтиад сразу сообразил, что это было предательство, условный сигнал, подаваемый сторонниками персов, чтобы показать, что Афины остались без защиты и что их можно было взять до возвращения греческого войска. И в самом деле, как только появился зловещий щит, персидский флот пошел на веслах по направлению к Афинам. Тогда Мильтиад страшным усилием собрал и привел в порядок свое измученное битвою войско и двинул его ускоренным шагом от Марафона к Афинам. Оно явилось туда раньше персов. Персы пришли в полное замешательство, найдя перед Афинами то самое войско, которое только что разбило их километров за тридцать отсюда. Персидские корабли повернули к берегам Азии, и Афины были спасены во второй раз.

Как всегда в подобных случаях, по всей стране стали ходить рассказы о разных чудесах.

Передавали, будто видели призрак легендарного героя, Тезея, нападавшего на вражеский стан. Рядом с ним сражался неизвестный крестьянин, поражавший неприятеля рукояткой плуга.

После битвы этот крестьянин исчез. В образе этого крестьянина грекам представлялось земледелие, оставлявшее свои нивы и отправлявшееся на битву, как только родина нуждалась в защите. По ночам на Марафонском поле был слышен лязг копий и лошадиный хrap: это продол-

жали сражаться между собою души павших воинов и героев. Случайных прохожих они щадили, но тот, кто приходил нарочно, чтобы подсмотреть ночную битву, был немедленно поражаем невидимым копьем.

Афины наградили победителей, но просто и без всякой особой пышности. Они считали, что подвиг был совершен общими усилиями, и не находили нужным особенно прославлять полководца за жертву, принесенную всем войском. На Марафонском поле был насыпан курган, окруженный десятью колоннами, в память десяти афинских общин, составлявших войско.

Кроме того, благородные Афины, относившиеся к своим рабам, добровольно принявшим участие в сражении с персами, как к младшим братьям, воздвигли этим рабам, умершим за их свободу, особую почетную могилу. В лагере персов афиняне нашли глыбу мрамора. Персы, заранее уверенные в победе, захватили эту глыбу с греческого острова Парос, славившегося своим мрамором, и собирались сделать из нее памятник на месте своей победы над греками. Но мраморная глыба скрывала в себе черты богини, унижающей тщеславных и самоуверенных. Ученица знаменитого греческого скульптора Фидия высекла из мрамора образ богини возмездия Немезиды.

От этого славного дня сохранилась память еще одного героя: это был воин, прибежавший сообщить Афинам о победе при Марафоне. Желание обрадовать свой родной город заставило

его забыть об утомлении битвы. Он бежал так скоро, что у него хватило только сил передать радостную весть, и с ее последним словом он упал мертвый перед стенами Афин.

Битва при Марафоне была только небольшой схваткой в сравнении с великими сражениями, которые за нею последовали, но эта маленькая схватка решила исход всех будущих войн. Она укрепила и наполнила восторгом души греков, закалила их для будущих подвигов. Персия была побеждена в первый раз. Когда афинское копье зазвенело, ударяясь о персидского гиганта, то слышно стало, что этот гигант глиняный, да еще и пустой внутри. Персы теперь могли приходить во второй раз; маленький, но сильный духом народ стоял на страже и готов был их встретить.

VI

Но все-таки через четыре года после этого Греция могла считать себя погибшей: на нее двинулось не войско, а целое огромное государство. Узнав про бедствие персов при Марафоне, Дарий поклялся уничтожить греков. Приготовления к мести длились четыре года. Множество судов военных и перевозочных и бесчисленное количество войск было собрано по всему обширному персидскому государству.

Смерть застала Дария в то время, когда он собирался выступить во главе огромного войска. Ему наследовал его сын Ксеркс. К большому счастью греков, сын не был похож на отца.

Дарий не родился царем. Когда умер персидский царь Камбис, сын Кира Великого, то Дарий явился одним из семерых знатных персов, хотевших занять престол. Эти семь людей решили, что тот из них будет царем, чья лошадь первая заржет на рассвете. Лошадь Дария заржала первой, и он сделался царем Персии. Но, став неограниченным владыкой, земным божеством, Дарий остался умным начальником и смелым воином, а потому управлял энергично и мудро огромным персидским государством.

Сын же его Ксеркс, напротив, чувствовал себя полубогом с самого рождения. Рабски покорные руки качали его еще в колыбели, окружая эту колыбель облаками фимиама. Детство его прошло среди роскоши и праздности, в обществе ленивых, тупых и завистливых женщин и рабов. Все это сделало из него настоящего восточного владыку, дикого и причудливого, тщеславного и пустого. Он признавал только свою волю и не знал препятствий. У него не было ни одной твердой мысли, ни одного определенного желания.

И мысли и желания менялись у него с необыкновенной быстротой. От благородного и доброго порыва он переходил к жестокости, от чрезмерного доверия — к слепой подозрительности. Если иногда его ум и сердце и озарялось светом, то это был не солнечный свет, а мгновенный блеск молнии.

Дарий завещал своему сыну поход против Греции. Ксеркс несколько времени колебался,

прежде чем приступить к исполнению завещания. При его дворе было два советчика, имевших сильное влияние на царя. Вельможа Мардоний хотел получить в управление Грецию и убеждал царя выступить в поход. Для этого он всячески унижал греков: представлял их царю разрозненным и бедным народом, не способным соединиться, чтобы дать отпор неприятелю. По его словам, ничего не стоило их победить. А за Грецией он указывал царю на туманные очертания Европы, богатой жатвами и фруктовыми деревьями. «Персидское государство, — говорил он, — останется неполным до тех пор, пока не овладеет этим садом всего мира».

Но другого рода советы давал Ксерксу старый дядя его Артабан, мудрые советы которого падают из уст, окруженных сединами, как снег, охлаждающий горячие и безрассудные порывы:

— Разве легко покорить страну, богатую прекрасными городами, и людей, искусных и в сухопутных, и в морских сражениях? Разве Марафон уже забыт? Не легко переплыть через пролив Геллеспонт, а в случае поражения еще труднее вернуться через него назад. Божество поражает своим гневом тех, которые хотят властвовать над другими. Оно бросает свои стрелы в высокие жилища и в большие деревья. Большое войско может быть побеждено маленьким.

Ксеркс внимал обоим советчикам и не знал, которого послушаться, но страшный сон решил судьбу Персии. В древности на Востоке снам придавали большое значение. Сон разжигал пла-

мя войн и опрокидывал целые государства своим легким дыханием, от которого у спящего человека волосы вставали дыбом на голове.

Выслушав противоречивые советы Мардония и Артабана, Ксеркс заснул на своем троне и увидел во сне высокого человека с величественным и суровым лицом, который велел ему привести в исполнение задуманный поход, под страхом быть наказанным богами. Испуганный Ксеркс призвал Артабана и, чтобы проверить свой сон, велел ему надеть царское одеяние, сесть на трон и ждать, пока не заснет. Артабан исполнил волю царя, и призрак появился снова. Высокий человек казался еще более грозным, не повелительным только, но и гневным. Он осыпал угрозами старца за то, что тот осмеливается отговаривать царя от его предприятия, и протянул руки с раскаленным железом, как бы собираясь выжечь ему глаза.

Артабан проснулся, крича от ужаса. Он откасался от своих прежних советов, и война была объявлена. Греки, узнав впоследствии о сне персидского царя, были уверены, что этот сон был одним из тех обманчивых видений, которые Зевс посылает тем, кого хочет погубить.

VII

Дарий расшевелил все государство, чтобы двинуть его на Грецию, Ксеркс же приподнял его до самого основания. Войско, собранное за четыре года, заключало в себе почти все известные в то время народы и племена азиатские и

африканские. Говорило это войско на всех языках и наречиях, начиная от самых звучных и кончая непонятным диким говором. Всевозможные одежды и уборы пестрили его ряды. Доспехи, украшенные тонкой чеканкой, сталкивались и двигались бок о бок с военным плащом из звериной шкуры или из древесной коры.

В рядах этого войска можно было увидеть все роды оружия, начиная с благородного меча из лучшей стали и кончая первобытной стрелой с кремневым наконечником. Шествие открывали персы и мидяне в своих войлочных шапках, называвшихся кидарами. За плечом у них висел колчан, за поясом был заткнут кинжал, а все тело их было покрыто чешуйчатым доспехом. За ними шли сирийцы в медных шлемах, потрясая палицами с тяжелыми железными набалдашниками. Стройные и тонкие индусы выступали в своих одеждах из бумажных тканей и несли бамбуковые луки, как будто собирались охотиться на газелей. Эфиопы, у которых одна половина тела была выкрашена белой краской, а другая красной, кутались в шкуры пантер, а арабы, — в свои длинные плащи, подпоясанные узким поясом. Азиатские эфиопы покрывали свои головы лошадиными шкурами так, что гривы развевались у них за плечами. Одни воины казались издали какими-то рыжими зверями в своих полусапогах из оленьей кожи и куртках из лисьих шкур, другие — фантастическими чудовищами, так как обувь у них была красная, а в уши они себе продевали напоминающие серьги рога. Вок-

руг этого бесчисленного пестрого муравейника пехоты скакали и кружились, подымая пыль, восемьдесят тысяч всадников. А за всем этим войском двигались еще бесконечные ряды племен, забытых, давно исчезнувших с лица земли, полулюдей-полузверей.

Посреди войска было оставлено пустое пространство, и в нем выступала царская стража — тысяча отборных всадников и тысяча копьеносцев. В руках у них были опущенные к земле острием копья, украшенные золотыми гранатами. Десять великолепных коней, покрытых роскошными попонами, шли перед колесницей светлого бога Ормузда, которую везли восемь белых лошадей.

Эта колесница считалась священной и недоступной: ни единый человек не смел на нее вступать. Управляющий лошадьми шел сзади, держа в руках вожжи. За священной колесницей Ормузда следовал Ксеркс, стоя на огромной, запряженной четвернею колеснице; с нее он мог обозревать все это движущееся море голов. Его окружали тысяча всадников благородного происхождения, с золотыми рукоятками мечей, и десять тысяч «бессмертных», с венками на головах. Их так называли потому, что каждый уволенный со службы или умерший человек тотчас же заменялся другим, так что отряд этот не менялся в числе и казался бессмертным. Дальше войско следовало уже беспорядочными толпами; и конец его терялся, уходя за горизонт.

Флот соперничал с сухопутным войском и силой и численностью. Ксеркс перед отплытием сделал ему смотр. Он сидел под золотым навесом своей триеры и проплывал мимо выстроившихся в ряд корабельных носов. Его писцы вели записи и насчитали тысячу двести семнадцать военных кораблей в три ряда весел, в двести гребцов и тридцать воинов и три тысячи грузовых судов с шестьюдесятью воинами каждое. Море никогда еще не поднимало такой тяжести. Нужно было производить гигантские работы, чтобы пролагать пути такому шествию. В одном перешейке, соединявшем мыс с твердой землею, был прорыт канал такой ширины, что по нему могли пройти в ряд две триеры на всех парусах. В проливе, отделяющем Азию от Европы, был сооружен мост из лодок, скрепленных канатами. Работа, казалось, была исполнена крепко и основательно: делали ее египтяне, привыкшие созидать обширные подземелья и воздвигать огромные пирамиды, но разразилась буря и опрокинула мост одним взмахом волны. Ксеркс пришел в такую ярость, как будто море ударило не по кораблям, а ему самому дало пощечину. Он велел бичевать Геллеспонт и бросить в его волны пару цепей.

— Ах ты, горькая вода! — кричали бичующие, хлеща морскую зыбь. — Вот наказание, которое налагает на тебя наш повелитель за то, что ты причинила ему вред, тогда как он не сделал тебе никакого зла. Царь Ксеркс переправится через тебя все равно, хочешь ты этого или нет, лживое море!

Вот до какого безумия может прийти человек, когда власть его не имеет границ.

Еще до Ксеркса восточные владыки наказывали иногда стихии. Один царь стал бить на жертвеннике огонь, который плохо разгорался, а про другого рассказывают следующее: он велел сделать себе трон из сандалового дерева, в который впрягли четырех голодных орлов, а над головами их повесили куски мяса. Орлы взлетели, желая схватить пищу, и поднимались все выше, унося трон и сидящего на нем царя за облака. Там царь встал во весь свой рост и пустил в небо стрелу в знак вызова. Другой царь, когда река поглотила священного коня, сопровождавшего его в походах, поклялся, что отныне женщины будут переходить эту реку по дну, не замочив своих одежд.

Целое лето все его войско работало над прорытием трехсот шестидесяти каналов; эти каналы раздробили и отвели воды реки. Она поползла по песку и не могла никогда больше собрать свои обмелевшие струи.

Мост, опрокинутый бурей, был быстро восстановлен, и Ксеркс снова двинулся со своим войском вперед.

Достигнув одного высокого мыса, он велел поставить себе на нем мраморный трон. Сидя на этом троне, он мог обозревать с одной стороны свои сухопутные войска, покрывшие весь морской берег, а с другой — движение своих судов, заполнивших весь пролив. Сначала, при виде таких сил, царь объявил, что он счастлив, но

потом вдруг лицо его омрачилось и он заплакал. Окружавшие его сатрапы были так удивлены, как будто увидали, что бриллиантовые глаза какого-нибудь божества роняют слезы.

— Я плачу, — произнес царь, — потому что сердце мое стеснилось от жалости при мысли, что из всех этих бесчисленных и могучих людей через сто лет не будет в живых ни одного.

Это была одна из светлых минут Ксеркса, когда и у него появлялись глубокие мысли и человеческие чувства.

VIII

Прежде чем вступить на исправленный мост, Ксеркс сделал возлияние морю, как бы желая уврачевать раны, нанесенные ему бичеванием, и воскурил ему фимиама из золотой курильницы, которую бросил потом в волны.

Начался переход войск. Он продолжался без перерыва семь дней и семь ночей. И во все это время бич и палка разгуливали по спинам воинов; они и шли и сражались под ударами. Такое возбуждающее средство не может вызвать восторженного увлечения и вести к победе.

Свободных, гордых греков должно было грубо возмущать подобное обращение с воинами. Один спартанский перебежчик, продавшийся Персепи, на вопрос Ксеркса: «Посмеют ли греки защищаться?» — дал прекрасный ответ. Видя персидские войска, движущиеся под ударами бичей и палок, он почувствовал себя снова гре-

ком. Греческая гордость приподняла его униженную изменой душу и прозвучала в его словах:

— О цари! Знай, что бедность — подруга Греции, но с нею сочетается добродетель, дочь мудрости и закона. Этот закон повелевает грекам не отступать перед многочисленностью и победить или умереть в рядах.

Ксеркс рассмеялся над этим ответом.

По словам перебежчика выходило, что один грек должен был противостоять тысяче персов.

Войско продолжало двигаться дальше, выпивая на своем пути, как утверждает легенда, целые реки. За год до начала похода по всему предполагавшемуся пути войск было отдано повеление готовить «трапезу царя».

С тех пор все лежавшие на пути города только и делали, что мололи муку и откармливали скот и птиц для Ксеркса. Один город израсходовал всю свою казну, чтобы накормить один раз этого всё поглощающего гостя.

Ужас и голод шли во главе персидского войска.

Во время похода, чтобы умиловить богов, Ксеркс не только принес в жертву встретившейся на пути большой реке несколько белых коней, но, узнав, что местность, где было его войско, называлось «девять путей», велел зарыть в землю живыми девять греческих юношей и девять молодых девушек. Как должна была содрогнуться греческая земля, принимая эти жертвы, — прекрасная и добрая земля, которой греки поклонялись в образе богини Деметры, что значит «мать-земля».

Предание говорит, что, дойдя до огромной равнины, Ксеркс решил сосчитать свое сухопутное войско. Считать по одному человеку было невозможно. Тогда придумали следующий способ: отсчитали десять тысяч человек, согнали их в одну тесную, плотную кучу и очертили по земле круг вокруг нее. Потом по этой черте выстроили стену, вышиною по грудь. Все войско толпами, одна за другой, входило, теснясь в эту ограду. Таким образом считали сразу десятками тысяч и насчитали миллион семьсот тысяч пехоты и восемьдесят тысяч конницы. При этом не считали ни погонщиков верблюдов, ни военные колесницы, возницы которых, в соединении с людьми на тысяче двухстах триерах, составляли войско в два миллиона триста семнадцать тысяч человек. В этот счет еще не входили народы и племена, которых вербовали по всему пути, рабы, повара и целые своры собак, бежавшие с воем за войском. Казалось, ничто человеческое не могло устоять перед этим шумным, пестрым, необъятным потоком. Он должен был все поглотить одной своей численностью.

Маленькая Греция ждала, когда на нее обрушится страшный удар. По-видимому, не могло быть никакой надежды. Сопротивление для разумных людей казалось безумием. Персы перехватили греческих лазутчиков. Им должны были отрубить головы, но Ксеркс велел провести их перед своим войском и отослать к грекам, чтобы они им рассказали обо всем, что видели. Лазутчики, увидав бесчисленное персидское войско,

вернулись в ужасе к своим, крича и предсказывая поражение. Измена и страх, как предсмертная дрожь, пробежали по всей стране. Несколько больших городов изменили родине. Один отказал в помощи, другой обещал помощь, но не исполнил обещания. Иные города послали врагам землю и воду в знак признания власти персидского царя.

Те греческие общины, которым свобода была дороже безопасного рабства, собрались на коринфском перешейке в храме Посейдона на конгресс и заключили друг с другом союз. Они поклялись не складывать оружия, пока последний варвар не покинет родную землю, и объединили свои войска и корабли, решив плечом к плечу сражаться против персидского царя. В этот союз вошел тридцать один греческий город, а возглавил его город Спарта, славившийся военным опытом и дисциплиной своих граждан.

В ужасе греки обратились к помощи богов.

Афины послали двух гонцов в Дельфы, где находился храм бога солнца Аполлона, славившийся своими прорицаниями. Принеся жертву богу, посланные вошли в подземную пещеру, где находилась жрица Аполлона, Пифия, передававшая его предсказания людям.

Гонцы ждали утешения, но из глубины пещеры раздался страшный гул, и Пифия яростным голосом стала выкрикивать им предсказания самых страшных бедствий. Как пораженные громом и молнией, упали гонцы на каменные плиты пещеры, но, придя в себя, не решились

отнести ужасного пророчества Афинам, чтобы не лишить их смелости и сил. Еще раз пришли они в храм и стали умолять Аполлона, чтобы он дал более милостивый ответ, говоря, что, не получив этого ответа, останутся и умрут в храме. На этот раз грозный бог смиловился, и ответ Пифии прозвучал надеждой:

— Зевс дарует Афинам спасение за деревянными стенами.

Нашелся человек, который мудро объяснил это неясное предсказание Пифии, звали его Фемистокл. Он был беден и невысокого происхождения, но выдвинулся вперед благодаря своей сильной воле и смелости. Он понял, что Афинам грозит опасность не только с суши, но и с моря.

Когда посланные принесли ответ Пифии, все стали толковать ее пророчества буквально. Что могли означать эти «деревянные стены», как не древнюю деревянную ограду внутренней городской крепости, Акрополя? За этой оградой и должны были спрятаться граждане и оттуда защищаться от нападения врагов.

Но часто слишком прямое толкование пророчества умерщвляет его скрытый смысл. Надо найти именно этот смысл, этот дух, оживляющий и спасающий. Фемистокл под словами пророчества увидел одухотворявшую его мысль.

— Деревянные стены, — сказал Фемистокл, — это корабли. Афиняне должны покинуть древнюю ограду Акрополя, покрытую червоточинами, и спасения искать на триерах, этих новых надежных крепостях.

Объяснение Фемистокла было принято, и греческий флот выступил в море. Перед отплытием еще раз были отправлены послы к дельфийскому оракулу, и тот дал совет молиться ветрам. Греки принесли жертву богу ветров, Борéю, — и над морем поднялся вихрь. Три дня и три ночи бушевала буря и разбила четыреста персидских военных кораблей, потопила половину находившихся на них людей и уничтожила множество судов с припасами. Персидские жрецы — маги, стоя на берегу, выпускали страшный вой и кричали заклинания, чтобы усмирить бурю, но греческие ветры не слушали варваров.

Затихнув на один день, они еще с большей силой набросились на персидские корабли и уничтожили многие из них.

Галеры греков стояли в это время в затишье и почти не пострадали.

Бури навели ужас на персов. Сквозь вздымавшиеся волны, в брызгах разбрасываемой вихрями пены им мерещились смутные лики разгневанных богов.

Путь, по которому персидское войско двигалось в среднюю Грецию, вел через Фермопильское ущелье, сжатое с одной стороны остроскалистой стеной, а с другой — болотом, недоступным для судов. Путь, пролежавший между этой естественной оградой и рвом, был так узок, что одна повозка загородила бы его. Кроме того, он был пересечен старой стеной, остатком глубочайшей древности. Местами эта стена разрушилась и обвалилась от времени, но все-таки могла слу-

жить отличным прикрытием в таком узком проходе. На защиту Фермопильского ущелья был послан спартанский царь Леонид с маленьким войском. Триста тяжеловооруженных пехотинцев, цвет спартанских воинов, составляли передовой отряд. Три тысячи союзников нерешительно следовали сзади. Персы приближались. Несколько десятков тысяч людей готовились обрушиться на триста человек. Гигантская гора катилась на песчинку.

Ксеркс отложил битву на четыре дня, не веря такой безумной храбрости, и послал всадника для разведки. Подъехав к лагерю спартанцев, разведчик увидел воинов, спокойно бродивших по лагерю. Иные из них упражнялись в борьбе, которой особенно славилась Спарта, другие расчесывали свои длинные густые волосы и украшали их анемонами. Они даже не сообразовали заметить неприятельского всадника, который рассматривал их во все глаза. Для них он был все равно что хищная птица, парящая над ареною, где происходили Олимпийские игры. Как раз это было время Олимпийских игр в Греции. Игры эти устраивались в честь богов. На них состязались в борьбе, в беге, в метании дисков. Весь народ принимал участие в играх, вот почему и было послано на защиту Фермопил такое маленькое войско. Игры, посвященные богам, были для греков важнее войны с варварами. Воины Леонида, лишенные радости участия, вспоминали их, предаваясь борьбе и другим упражнениям.

Так прощались они с мирной жизнью и украшали себя, готовясь к смерти.

На пятый день никакой перемены не произошло в спартанском лагере. Воины Леонида продолжали не обращать внимания на огромные неприятельские силы, готовые обрушиться на них.

Раздраженный Ксеркс двинул наконец мидян к ущелью. Сам он приказал воздвигнуть ему трон на холме и уселся, как в театре, ожидая скорее увидеть представление, чем битву.

Мидяне со своими круглыми ивовыми щитами и короткими копьями натолкнулись на тяжелые щиты и длинные копья спартанцев. Живая же лезная стена отодвинула их и раздавила. Этот первый отряд был уничтожен. На другой день другое нападение — и тот же конец. Целые потоки войск сменяли одни других, но, обрушиваясь на спартанцев, были разбиты, как волны, набежавшие на подводный риф. На следующий день Ксеркс двинул в ущелье свое отборное войско, но и «бессмертные» не выдержали и отступили. Греки пользовались неопытностью персов в военном деле. От времени до времени спартанцы делали вид, что отступают. Персы бросались их преследовать, а тогда греки поворачивались к ним лицом и избивали их сотнями.

У греков было мало убитых. Длинное копье удерживало на расстоянии короткое. «Бессмертные» были уничтожены практически без потерь со стороны греков. Ксеркс, видя гибель своего отборного войска, три раза соскакивал с трона в гнев и ужасе.

Но предательская тропа извивалась по горе сзади спартанского лагеря. Нашелся изменник, указавший ее Ксерксу. Персы пошли по тропе ночью, рассеяли стрелами греческих союзников, охранявших вершины, и обрушились на спартанцев с тыла. Уже с утра мрачные предсказания дали знать Леониду о близкой гибели. Стражи, расставленные по холмам, сообщили ему, что гора захвачена неприятелем. Но закон Спарты повелевал умереть на месте. Договор со смертью был немедленно заключен.

Триста спартанцев отослали своих нерешительных союзников. Скучная трапеза была раздана воинам, но больше и не надо было людям, готовившимся к смерти.

— Мы будем ужинать в царстве теней, — сказал своим товарищам Леонид.

Спартанцы не стали ждать, чтобы на них напали с тыла. Они бросились из ущелья на передовой отряд персов и вырубили в нем кровавый коридор. Резня была такая, что копья их переломались. Тогда они выхватили мечи и продолжали поражать врагов, умирая. Леонид упал мертвый — и страшная схватка началась вокруг его тела. В древних битвах тело вождя имело то же значение, что теперь знамя: было честью захватить его и позором его потерять.

Четыре раза маленькое войско, превратившееся уже в небольшую кучку воинов, выхватывало тело своего вождя у налетающего врага.

Наконец им удалось унести его в ущелье. Там они отошли на холм и построились кольцом,

плотно прижавшись друг к другу. Снизу их пронизывали стрелами, а с горы обрушивали на них град камней. Не имея больше мечей, спартанцы стали защищаться кинжалами, сломав их, пустили в ход свои могучие руки, и, когда руки наконец не в силах были наносить ударов, они продолжали защищаться зубами.

На том месте, где они погибли, был воздвигнут железный лев, напоминавший имя Леонида, а внизу была сделана надпись:

«Путник, когда ты прибудешь в Спарту, сообщи там, что ты видел нас здесь павшими, как повелевал нам закон».

IX

Проход был свободен, и персы двинулись на Афины, по дороге сжигая и опустошая селения и города.

Подойдя к Афинам, Ксеркс увидел, что город почти пуст. Народ толпами покинул его каменные стены, чтобы укрыться за деревянными стенами Фемистокла. Афиняне переправили женщин, детей, стариков на остров Саламин, в город Трезену. Там их встретили с большим радушием, как братьев, претерпевших несчастье. Трезенцы не только дали приют беглецам, но, следуя трогательному закону, повелевавшему относиться к детям беглецов с материнской нежностью, они позволили афинским детям безнаказанно рвать плоды во всех своих фруктовых садах. Они сделали еще больше: заплатили учителям за обучение детей. Маленькие афиняне могли читать по

складам «Илиаду», поэму знаменитого греческого поэта Гомера, изображающую подвиги героев, в то время как их отцы продолжали совершать эти подвиги в жизни.

В Афинах осталось только несколько древних старцев, упрямых старожил. Они продолжали утверждать, что Пифия разумела под деревянными стенами стены Акрополя, укрепили их и стали защищаться с той же смелостью и упорством, как триста спартанцев в Фермопилах. Когда персы подожгли наконец их деревянные стены, они стали бросать своими немощными руками огромные камни в осаждающих. Уничтожить этих старых героев можно было тоже только хитростью.

Как раз возле стен Акрополя возвышался острый уступ горы. Его считали неприступным и не защищали. Несколько смелых персидских воинов влезли на него, а с него на стену. Они выломали ворота, и персидское войско ринулось в Акрополь. Все защитники его были перебиты, здания ограблены, а сама крепость и храмы в ней сожжены.

Ксеркс торжествовал и послал в Сусы весть о взятии Афин, но на следующее утро победители были испуганы чудесным явлением. Оливковое дерево, посвященное богине Афине и сожженное накануне до основания, за ночь дало новый зеленый росток. Чудодейственные соки обновляли сожженный ствол афинского дерева, смерть вызывала воскресение, надежда снова зеленела среди безнадежности.

Х

Но Греция находилась в большей чем когда-либо опасности. Кроме всех бедствий, которые рушились на нее со стороны врагов, среди самих граждан начались пререкания, споры и несогласия. Особенно сильны они были во флоте, соединившемся перед островом Саламином под начальством спартанца Еврибиáда. Военачальники хотели отвести корабли к Коринфскому перешейку, потому что там — в случае поражения — можно было найти убежище для судов, а воины, сойдя на берег, превращались сразу в сухопутное войско. На Саламине же спастись было некуда: со всех сторон море.

Один Фемистокл стоял за то, чтобы остаться на Саламине. Он один понимал, что спасение Греции зависело от сплоченности всех собравшихся здесь сил. Если бы этот узел оборвался, то каждый воин поспешил бы к себе, чтобы защищать свой город, и греческий флот, представлявший весь вместе силу, раздробившись, потерял бы всякое значение. Фемистокл спорил один со всеми и в этом неистовом, как настоящая битва, споре вел себя героем.

Военный совет был уже распущен, но он настоял, чтобы совет собрали снова. Он выдержал град ругательств, которыми осыпали его разгневанные военачальники, и, когда раздраженный его упрямством Еврибиад поднял палку, чтобы его ударить, он воскликнул:

— Бей, но выслушай!

Его выслушали, и ему удалось наконец убедить всех. Но этого было недостаточно. Надо было еще ускорить битву, чтобы не утомлять воинов и моряков долгим ожиданием. Чтобы заставить обе стороны вступить немедленно в бой, Фемистокл решил притвориться изменником. Он послал раба к Ксерксу и велел ему передать, что на другой день греческие триеры решили бежать и что, сделав внезапное нападение, персы захватят всех их в плен без всякого труда.

Ксеркс попал в западню. При свете предутренних звезд греческий флот увидел, что на него медленно и зловеще надвигаются персидские корабли. В одно мгновение всякая нерешительность исчезла. На верхушку одной из греческих мачт села сова. Это была любимая птица богини Афины. Греки решили, что богиня послала свою птицу в знак того, что надо начинать битву. Со всех триер раздался гимн в честь богов и героев, и бой начался при первых лучах восходящего солнца.

Персидские суда были слишком велики и тяжелы, чтобы свободно двигаться в узких проливах; они насккивали одно на другое, не могли ни двигаться вперед, ни отступать. Подвижные и легкие триеры греков скорее летали, чем плавали. Они со всех сторон устремлялись на неприятеля, наносили ему удары клювами своих железных таранов, ломали их весла, молниеносно проходя вдоль борта.

Остальное доканчивал меч. Двести кораблей было потоплено, шестьдесят — взято в плен; почти все суда лишены начальников. Персидский флот точно огромный, неуклюжий кит был расклеван роем легких морских птиц. Персы обратились в бегство, и к вечеру их чудовищные корабли, как тени, чуть виднелись вдали.

Крайнее высокомерие Ксеркса сразу перешло в крайний страх, и он бежал с остатками своего войска, которое по пути гибло от голода и чумы.

Люди совершали утомительные переходы по опустошенной стране. Год тому назад они в один день съедали запасы целого города, а теперь им приходилось питаться древесной корою и травой. Нашествие «драконов», как персы называли сами себя, превратилось в облако голодной саранчи, гложущей тощие побеги и высохшие былинки пустыни.

XI

Бежав из Греции, Ксеркс оставил в ней Мардония с отборным войском. Мардоний обещал царю, что через полгода повергнет пленную Грецию к его ногам.

С наступлением весны, прежде чем выступить в поход, Мардоний послал к афинянам посла с предложением мира и союза.

Спартанцы испугались, что афиняне согласятся, и также отправили к ним гонца с просьбой не соглашаться и не вступать в союз с врагами.

Афины дали обоим послам гордый и прекрасный ответ.

— Ты уверяешь нас, что персидское войско сильнее нашего? — сказали они послу Мардония. — Мы знаем это сами, но мы хотим оставаться свободными и будем защищаться до смерти. Передай Мардонию, что, пока солнце будет свершать свой путь в небе, до тех пор мы будем воевать с Ксерксом и нам станут помогать герои и боги, статуи которых они разбили и храмы которых они разрушили.

Так же прозвучал и ответ Спарте:

— Страх, что мы вступим в союз с варварами, должен был бы показаться недостойным тебе, знающей душу Афин. Нет достаточно золота на земле, чтобы заставить нас соединиться с врагами против свободы Греции. Пока останется в живых хоть один афинянин, Афины будут верны своей родине.

Получив ответ афинян, Мардоний двинулся на Афины, а жители их снова бежали на Саламин.

Между тем Спарта выслала против персидского войска десять тысяч граждан; каждого из них сопровождало семь рабов.

Под предводительством Павсэния они соединились с афинянами возле города Платей. На этот раз силы обеих сторон не были так ужасно неравны, как в двух первых битвах: при Марафоне и при Саламине. Сто десять тысяч греков сражалось против трехсот пятидесяти тысяч персов и других народов, составлявших их войско.

Когда Павсоний подал знак к битве, греки бросились на стену ивовых щитов, из-за которых персы, присев на корточки, метали в них тучи стрел.

Их натиск опрокинул эту слабую преграду, и восточные воины, ничем не защищенные и вооруженные только короткими, как кинжал, мечами, очутились в схватке с тяжеловооруженными гоплитами.

Они защищались отчаянно.

Иные схватывали обеими руками копьа греков, стараясь их переломить, другие бросались в ряды врагов, как в чашу железного леса, и пролагали в нем кровавые тропы. Но для греков война была искусство, а для персов — беспорядочная бойня. Они давали убивать себя десятками, бросаясь без всякого смысла и плана на неприятельское войско, сохранявшее среди самой горячей схватки стройность и обдуманность движений.

Под ударом меча одного спартамца Мардоний упал со своего высокого белого коня. Его падение повлекло за собой панику среди персов. Они бежали в беспорядке к своему лагерю и заперлись там за деревянными стенами, но подоспевшие афиняне взяли ограду приступом. Произошла страшная резня, еще большая, чем при Саламине. Из трехсот тысяч воинов Мардония осталось в живых только триста. Победителям досталась огромная, богатая добыча: богатые шатры, чаши, кубки, браслеты, золотое оружие.

Вступив в палатку Мардония, Павсоний приказал персидским поварам приготовить пир, ка-

кой они устраивали каждый вечер своему господину. Они тотчас же поставили ложа с серебряными ножками и покрытые пурпуром столы, уставленные роскошными кушаньями и винами. Увидав все это, Павсоний стал смеяться и велел своим рабам приготовить ужин по-спартански. Рабы бросили на вышитые ковры палатки тростниковую циновку и поставили на нее темную похлебку, козий сыр и горсть фиг. Тогда Павсоний, продолжая смеяться, призвал полководцев и указал им на разницу двух приготовленных трапез.

— О мои союзники, — сказал он, — я созвал вас, чтобы вы видели безумие персов: привыкнув к такой роскоши, они думали победить нас, людей, которые так едят и живут.

Но сила греков заключалась не только в их скромных привычках и выносливости, она заключалась главным образом в величии и благородстве их души. Это великодушие и проявил Павсоний. Восточные владыки унижали себя местью даже убитым врагам. Ксеркс в Фермопилах велел распять тело Леонида и насадить на кол голову героя. Один грек явился к Павсонию и стал требовать, чтобы он отомстил за Леонида и выставил труп Мардония на посмешище всего войска. Но спартанский лев отринул этот совет шакала с гневным презрением.

— Ты меня унижаешь до самой земли, — воскликнул он, — предлагая опозорить мертвого! Смерть Леонида и его товарищей вполне искуплена гибелью бесчисленных варваров, павших под нашими мечами. Не показывайся мне больше

на глаза и будь счастлив, что я не наказал тебя за такой совет.

Последнюю победу над персами греки одержали при мысе Мика́ле. Часть битвы происходила на земле, а часть на море. Остатки последнего войска Великого царя обратились в бегство, а их покинутые корабли были торжественно сожжены победителями.

Греция была освобождена, могущество персов навсегда уничтожено.

Битвы при Марафоне, Платее, Саламине и Микале имели значение не для одной Греции. Борьба греков с персами — это была борьба жизни со смертью, свободы с рабством, права с бесправием, света с тьмою. Огромная Азия, как темное море, катила на Европу свои тяжелые волны. Крошечная песчинка, твердая и сверкающая как алмаз, остановила и обессилила это наводнение. «Деревянные стены» Саламина, как некогда Ноев ковчег, спасли все человечество. Если бы Персия победила, то мир лишился бы всего, что дала ему Греция: ее героической истории, дивных остатков ее храмов, ее удивительных статуй, равных которым никогда и никто не мог создать, трагедий ее, полных вечной мудрости, и той светлой красоты, которая рассеяна во всем, до чего только касались эти необыкновенные люди. Победы греков над персами должна была праздновать не одна Греция, их должен вечно праздновать весь мир.

Мессенские войны

Спартиат в присутствии Диогéна
восхвалил стих Гесиода:

— Если бы не был сосед твой дурен,
то и бык не погиб бы...

Диоген сказал:

— Мессенцы погибли заодно со
своими быками, а вы — их соседи.

Элиан

Праздник Лимнатиды

На границе Лаконики и Мессении, там, где бурлящий горный поток впадает в Мессенский залив, стоял храм богини Артемиды.

Артемиду, дочь Зевса и Латоны, сестру бога Аполлона, в Элладе почитали и боялись. Богиня охоты, повелительница зверей, с полным колча-

ном смертоносных стрел, окруженная псами, посылась по склонам лесистых гор. Встречи с нем были опасны — богиня стреляла без промаха. Она не любила показываться людям. Рассказывают, что однажды юный охотник Актеон случайно застал ее в прохладном гроте, у источника. Богиня страшно разгневалась, превратила Актеона в оленя. И собственные собаки охотника тут же растерзали его.

Вечно юная, вечно прекрасная богиня царила во всей Элладе, и всюду стояли ее храмы. Вот и здесь, между Лаконикой и Мессенией, в местности Лимны, был ее храм, храм Артемиды-Лимнатиды. Разветвленное русло потока, бегущего с гор, заболотило долину, вода не просыхала здесь даже в знойные летние месяцы. Поэтому Артемиду-Лимнатида называли еще и Артемидой-Болотной.

Лимнатида почитали и мессенцы и спартанцы, жители главного лаконского города Спарты. Только эти два народа из всего племени дорян допускались к жертвоприношениям Лимнатиде. Только они имели право справлять ей ежегодный праздник.

В тот день, когда произошло несчастье, которое стало причиной тяжелых страданий Мессении, ничто не предвещало беды. Лучезарной синевой светилось небо. Окрестные горы стояли затихшие и словно прислушивались к священным гимнам, к протяжным переливам флейт.

Празднично одетые, с венками на головах, спартанцы и мессенцы сошлись у храма.

Жрецы встали у жертвенника. И вскоре перед грубо отесанной деревянной статуей Лимнатиды, почерневшей от времени и болотных испарений,

задымилась жертва. На жертвеннике горели ячменные зерна. Тихо стояла толпа. Только слышались голоса жрецов, просивших Артемиду о милости.

Вдруг неясная тревога, будто ледяной ветер, прошелестела в толпе. Началось какое-то непонятное смятение, послышались крики:

— Мессенцы, защищайтесь, у них оружие!

Случилось необычайное — спартанские девушки выхватили из складок своих широких одежд мечи и бросились на мессенских царей и старейшин. С изумлением и гневом мессенцы увидели, что это вовсе не девушки, а безбородые юноши, одетые в женские одежды.

Мессенцы защищались. Они выхватывали мечи у юных спартанцев, которые путались в непривычных им девичьих одеждах. И уже нельзя было понять, кто нападает и кто защищается. Вместо праздника началась битва. Вместо гимнов и флейт слышались стоны, вопли ярости и боли.

Спартанские юноши, которым поручено было убить мессенских царей и старейшин, все до одного полегли возле храма на зеленой сырой траве. Вместе с ними пал и молодой спартанский царь Телéкл.

С плачем, с жалобами и проклятиями ушли спартанцы и мессенцы с этого праздника, унося своих раненых и убитых.

Мрачно хмурилась темнолицая богиня над угасшим алтарем, глядя на забрызганные кровью стены своего храма, на истоптанную, окровавленную траву у ступеней. Такой жертвы она не просила.

Эвэфн и Полихар

Прошли годы. Выросло новое поколение. Сменились цари. В Спарте царствовали Алкамён и Феопóмп. В Мессении — Антиóх и Андрóкл, сын Финты, того Финты, при котором произошла битва у храма Лимнатида.

Годы прошли, но вражда между Мессенией и Спартой не угасла.

— Мессенцы оскорбили наших девушек, пришедших в храм! — говорили спартанцы. — А когда мы хотели защитить их, мессенцы начали бой. Безбожники, они убили нашего царя Телекла. Можем ли мы это простить?

— Мы никого не оскорбляли, — возражали мессенцы, — и причина битвы совсем другая. Спарте не дают покоя наши тучные нивы, наша плодородная и прекрасная земля. Спартанцам надоели их камни и болота, вот они и решили захватить нашу Мессению. Они напали на наших вождей — ведь так легко было справиться с людьми, не ожидающими нападения. И, конечно, об этом подлом заговоре знали спартанские власти. Если они ничего не знали и ни в чем не виноваты, то почему же не потребовали удовлетворения за смерть своего царя?

Спарта никак не отвечала на это. Видно, упреки мессенцев были справедливы. В Лаконике, как почти и во всех этих маленьких греческих государствах, приютившихся среди горных отрогов, жилось трудно. Почва скудная, жесткая. Климат засушливый. Лишь весной бурное цветение лесов и долин. А потом наступает лето, и беспощадное солнце сжигает поля. Месяцами

в ослепительном небе не появляется ни облачка. Только цикады торжествующе трещат в пыли скалистых склонов.

Дожди начинаются осенью. Зимой хлещут страшные ливни, гремят грозы, проносятся смерчи. Ручьи превращаются в бурные потоки, которые смывают со склонов остатки плодородной земли... Эту землю крестьяне потом носят на свои горные участки в корзинах.

Хлеб на их скурых, плохо обработанных полях родился скудный: ни рожь, ни ячмень не в силах добывать воду с большой глубины. Лишь маслины и виноградники щедро приносили плоды и были главным богатством эллинов.

Войны между греческими племенами почти не прекращались. Захватить землю, поработить соседний народ, если тот не сумеет защититься, отнять жизненные припасы, которых вечно не хватало... И мессенцы не напрасно подозревали Спарту в ее замыслах захватить их землю. Они видели, что Спарта ищет предлог, чтобы начать войну.

Впрочем, люди, решившие воевать, повод к войне всегда найдут. Нашли такую причину и спартанцы.

В Мессении жил богатый и уважаемый человек, Полихár. Полихар был известен и славен во всей Элладе. На Олимпийских играх при состязании в беге он пришел первым и был награжден венком из лавровых ветвей.

У Полихара было много скота. А пастбищ у него не хватало. И он обратился к спартанцу Эвэфну с просьбой:

— У тебя много свободных пастбищ. Пусть мои коровы пасутся на твоих лугах. А ты будешь получать свою долю прибыли от моих стад.

Эвефн, человек обходительный, охотно согласился.

— Это выгодно и тебе и мне, — сказал он. — Пускай твои пастухи гонят стада хоть сегодня же.

И Полихаровы пастухи погнали коров в Лаконику на выпасы Эвефна.

Все было спокойно. Стада Полихара паслись на лугах Эвефна. Эвефн получал за это условленную плату.

Но случилось так, что через Лаконику проходили иноземные купцы. Путешествуя, купцы продавали то, что выгодно продать, покупали то, что выгодно купить. Они подошли к Спарте и расположились около города.

Вечером, стараясь идти сторонкой, чтобы его никто не видел, к ним пришел Эвефн.

— Я могу продать вам большое стадо коров, — сказал он, — и продам недорого.

— Если недорого, то мы купим, — ответили купцы, — только кто же погонит это стадо?

— Но я продам вам и пастухов!

— Это хорошо, — согласились купцы, — назови цену.

Эвефн долго торговаться не стал. Они ударили по рукам. И на заре, когда купцы тронулись в путь, они захватили и стадо, и пастухов Полихара.

Пастухи пытались сопротивляться. Они объясняли и доказывали, что Эвефн вовсе им не

хозяин, что и стада и пастухи принадлежат мессенцу Полихару и что они никуда отсюда не пойдут. Но у купцов были вооруженные слуги, да и сами они умели владеть мечом. Несчастливым пастухам пришлось покориться. Они с плачем погнали стадо в неизвестную и враждебную даль.

В пути пастухи, сговорившись, решили убежать. Это им не удалось. Их догнали, жестоко избили и заставили идти дальше.

Но один пастух все-таки остался. Он забился в колючие кусты вечнозеленого маквиса и лежал там, прижавшись к земле. Купцам было некогда задерживаться. Их вооруженные слуги проскакали взад и вперед по долине, но пастуха не нашли, и купцы вместе с Полихаровыми стадами тронулись своей дорогой. Пастух глядел им вслед до тех пор, пока облако пыли не растаяло вдали. А потом, пробираясь горными тропами, поспешил домой, в Мессению.

Тем временем Эвефи с удрученным видом пришел к Полихару.

— Случилась беда, Полихар! — сказал он чуть не плача. — Разбойники напали на твоё стадо. Угнали всех коров и пастухов захватили тоже. Приди и посмотри сам — на моих лугах тихо и пусто. Твоё стадо пропало!

В это время, падая от усталости, весь в пыли и крови, явился убежавший от купцов пастух.

— Он лжет, господин! — закричал пастух. — Он обманывает тебя! Эвефи сам продал и нас, и твоих коров проезжим купцам. Только я один бежал!..

Эвефи возмутился:

— Как смеет раб обвинять меня, гражданина Спарты?

— Он смеет обвинять тебя, — сказал Полихар, — потому что он говорит правду!

— Именно гражданин Спарты способен на такой бесчестный поступок! — не сдержавшись, вмешался в разговор юный сын Полихара. — У вас, в Спарте, ложь — это закон. Солги, укради, сделай подлость — только не попадайся. Вот ваше правило. А ты солгал — и попался! Посмотрим, что скажут на это ваши старейшины!

Эвефн понял, что отпираться бесполезно. Ведь если Полихар пойдет в Спарту, то сразу узнает, что это так и было: купцы угнали и стадо и пастухов, а он, Эвефн, получил деньги.

Тогда Эвефн смиренно склонил голову перед Полихаром.

— Прости мне это! — стал умолять он. — Корысть одолела меня, и я никак не мог удержаться — купцы дали хорошую цену. Я виноват. Но я исправлю то, что сделал, я отдам тебе эти деньги. Полихар, пускай твой сын пойдет сейчас со мной, и я верну ему все, что получил!

— Но как же ты мог сделать это? — с горечью удивлялся Полихар. — Ведь я принимал тебя в своем доме как друга, я доверял тебе... Ни одному спартанцу я так не доверял, как тебе. А ты!..

— Полихар, не гневайся! — просил Эвефн. — Я и сам не знаю, почему так все вышло. Но я прошу тебя —пусти со мной сына. Я не хочу ни одного дня больше держать у себя то, что принадлежит тебе.

— Иди с ним, — сказал Полихар сыну.

И отвернулся от Эвефна. Ему было жаль своих коров, жалко людей, угнанных в рабство на чужбину без всякой с их стороны провинности. А главное, было горько за обманутое доверие.

Но Полихар еще не ведал, до какого страшного вероломства может дойти человек, казавшийся ему другом.

Эвефн и сын Полихара, мирно разговаривая, перешли границу Лаконики. Эвефн был ласков, он проклинал свою жадность и так ругал себя, что Полихарову сыну пришлось замолчать: он бы не смог сильнее оскорбить Эвефна, чем сам Эвефн.

Всю дорогу Эвефн шел с поникшей головой и сокрушенно потряхивал кудрями. Но, как только они вступили на землю Лаконики и тень скалистого мрачного Тайгэта упала на них, Эвефн поднял голову.

— Ну, довольно, — грубо сказал он, — хватит с меня унижений. Ты пришел получить плату за своих коров — так получи.

И с размаху ударил юношу кинжалом в сердце. Сын Полихара вскрикнул и упал. А Эвефн вытер о траву кинжал и ушел своей дорогой. Юноша так и не шелохнулся. Только эхо повторило в горах его жалобный крик. Но и оно смолкло.

Полихар, когда узнал, что случилось, чуть не умер от горя и от возмущения. Он тут же пошел в Спарту просить правосудия и защиты. Он рассказал спартанским старейшинам о том, что сделал Эвефн, и просил наказать его за такое злодейство. Но старейшины не обратили на его

жалобу никакого внимания. Полихар пошел к спартанским царям и с плачем просил у них правосудия. Но цари, выслушав его, сделали вид, что ничего не слышали.

Полихар вернулся домой. Горе и ярость были так сильны, что он сошел с ума. Не помня себя он бросался на каждого спартанца, которого встречал, и тут же убивал его.

Спор царей

Вскоре в столицу Мессении Стениклár, где жили цари и эфоры, прибыло из Спарты посольство. Спартанцы резко потребовали, чтобы им немедленно выдали Полихара.

Мессенские цари Антиох и Андрокл возмутились:

— Как мы выдадим вам Полихара? Ведь вы не выдали нам Эвефна!

— Выдать вам Эвефна! — закричали спартанцы. — Мало вам, что вы убили нашего царя Телекла?!

— Мы убили его потому, что он напал на нас с оружием. С оружием на безоружных!

— За то что вы убили Телекла и за то что сделал Полихар, мы вправе начать с вами войну, — заявили спартанцы, не слушая возражений. — Да, это наше право!

Мессенцы старались убедить их:

— Зачем же сразу начинать войну и ввергать в тяжелые бедствия весь народ? Давайте судиться. Пусть нас рассудят аргивяне, они нашего, дорийского, племени. Или пойдем в Афины и

попросим рассудить нас. Как решит суд, так и поступим. А для войны никаких причин нет!

Но Спарте не нужно было ни суда, ни справедливости. У них уже было решено захватить плодородную долину Мессении. Так для чего же им идти в Афины?

— Выдайте нам Полихара, — упрямо твердили спартанские послы, — мы требуем Полихара!

После долгих споров и бесполезных призывов обратиться к разуму и решить дело миром мессенские цари ответили спартанцам:

— Сначала мы посоветуемся с народом — выдать Полихара или не выдать. Как скажет народ, так и поступим.

На этот раз спартанцы уступили. Пусть посоветуются. Спарта подождет ответа.

Спартанцы ушли. А мессенские цари послали глашатаев, чтобы собрать горожан.

Стениклар шумел. Со всех улиц народ стекался на агорú — площадь, где происходили народные собрания. Разговоры были тревожные и гневные. Снова Спарта грозит им. Боятся, что их мечи заржавеют в ножнах. Боятся, что разучатся проливать кровь. А сейчас хотят пролить кровь родного им племени!

Когда народ собрался на площади и разговоры затихли, царь Андрокл сказал:

— Спарта требует, чтобы мы выдали им Полихара.

Полихар, безучастно сидевший в стороне на каменной скамье, услышал свое имя. Он поднял голову, встал и подошел ближе — толпа молча

пропустила его. Полихар остановился против Андрокла и уставил на него воспаленные горем и безумием глаза.

— Полихар осквернил себя убийством, — продолжал Андрокл, словно не видя его, — он виновен в безбожных и непростительных поступках. Я считаю, что надо выдать его Спарте, он много бед причинил лаконцам. Пусть они поступят с ним, как найдут нужным.

Полихар продолжал смотреть на него так же пристально. Андрокла смущал его взгляд, но он владел собой.

— Считаю, что мы должны выдать Полихара, — твердо повторил он.

Но здесь выступил другой царь — Антиох.

— А я так не считаю! — пылко возразил он. — Нет! Почему мы должны поступать так, как желает Спарта? Выдать Полихара! Вспомните, что вынес этот несчастный, какое страдание и какую обиду принял он от Эвефна! А теперь мы, его сограждане, предадим его, и снова ему придется страдать, да еще на глазах того же Эвефна! Это жестоко. И это унижительно для нас. Вспомните, разве не он был награжден лавровым венком Аполлона?! И посмотрите, до чего теперь довели этого человека!

У Полихара глаза заблестели от слез, и он поник головой. Он ни о чем не просил, но весь его несчастный вид, его безвременно поседевшая голова вызвали горячую жалость и сочувствие.

— Не выдадим Полихара! — зашумела площадь. — Не выдадим Полихара!

— Выслушайте меня, — снова начал Андрокл, — выслушайте и подумайте прежде, чем решать это дело. Зачем нам навлекать опасность на всю нашу страну из-за одного человека? Спарта грозит войной. Отдадим Полихара, и у них не будет причин начинать войну. Тем более что Полихар и сам виноват во многом.

— Андрокл говорит правильно, — раздалось отдельные голоса, — из-за одного человека может пострадать вся Мессения!

— А с каких пор мы стали рабами Спарты? — закричали им в ответ. Пускай выдадут своего Эвефна, он виноват еще больше! Пускай идут судиться с нами!

Крики становились все громче, все запальчивей. Одни кричали, что нельзя рисковать, нельзя подвергать опасности Мессению. Другие кричали, что никакой причины для войны нет и что мессенцы такие же свободные граждане, как спартанцы, и что они вовсе не должны терпеть от Спарты всякие несправедливости и обиды.

Спор перешел в ссору, началось оскорбление, а потом уже пошла и драка.

Цари схватились за оружие, их сторонники тоже. Битва была внезапной и короткой.

Сторонников Антиоха, не желавших терпеть вероломство Спарты, оказалось гораздо больше. Они убили Андрокла и всех, кто его поддерживал.

В смущении и горести разошлись мессенцы по домам. Они и сами не понимали, как то случилось, что они дошли до такой ярости.

Но долго еще шумели улицы Стениклара. Плакали жены, дети и матери убитых. Стон стоял в доме Андрокла. Сторонники Антиоха, удрученные происшедшим, грозили Спарте за невольно пролитую кровь.

Сумрачным вернулся домой и царь Антиох. Он не хотел убивать Андрокла. Но душа его кипела при мысли о том, что Андрокл требовал выдать Полихара, которого бессовестные спартанцы довели до безумия и убийства.

— Как Андрокл мог требовать выдачи Полихара? — негодовал Антиох. — Как он мог требовать, чтобы мы приняли на себя такой позор? Он боялся войны! Но если Спарта решит воевать, разве она не найдет других причин?!

А когда утихло его пылкое негодование, Антиох с тоской подумал, что Андрокл уже не встанет со своего смертного ложа и что теперь Антиох остался царствовать один и все дела должен решать один.

Это пугало царя. Правда, с ним вместе попрежнему будут править государством старейшины. Но все же ему будет не хватать Андрокла — ведь в Мессении, как и в Лаконике, всегда было два царя.

Потом стало мучить сомнение. А может, Андрокл был прав? Может, надо было попробовать примириться со Спартой?

Примириться со Спартой! Иными словами, делать все так, как хочет Спарта! Нет Этого Антиох принять не мог и не хотел.

Но надо было решать судьбу Полихара.

Посовешавшись со старейшинами, Антиох послал ответ в Спарту. Мессенцы стояли на своем: дело надо передать в суд. Пусть там и решат их спор.

В Спарте приняли ответ Антиоха. Но отпустили послов, ничего не сказав. И лица и уста спартанских царей и старейшин были замкнуты.

Прошло несколько месяцев. Антиох, после всего что случилось, не находил себе места от тоски, тревоги и тяжелых предчувствий. Смерть Андрокла тяжким бременем лежала на его душе. Вскоре Антиох заболел, и эта болезнь быстро свела его в могилу.

Царем Мессении стал его сын Эвфай.

Гибель Амфеи

Спарта гудела, как растревоженное осиное гнездо. Вся лаконская холмистая долина была неспокойна. В Спарте готовились к чему-то похожему на большое празднество.

Внешне жизнь текла как всегда. Так же илоты выходили на каменистые, нелегкие для обработки поля. Так же пасли они скот и охотились за кабанами и дикими козами по лесистым склонам Тайгета, для того чтобы обеспечить мясом Спарту. Так же работали на виноградниках и в оливковых рощах, чтобы в Спарте было масло и вино.

И в самом городе Спарте как будто бы жизнь текла как всегда. Ирэны, молодые начальники мальчишечьих отрядов, яростно тренировали своих стриженных босоногих воспитанников. Гимнастические игры их так же часто, как всегда

кончались драками. Мальчишки дрались отчаянно. И старики, которые считали своим долгом следить за воспитанием будущих воинов, подзадоривали их. Они наблюдали за тем, как мальчишки дерутся, присматривались, нет ли среди них трусов, нет ли вялых, ленивых, умеет ли каждый из них постоять за себя. Ведь искусство войны — искусство битвы — было единственным ремеслом спартанцев, которое завещал им законодатель Ликург. И мальчишки из всех сил старались овладеть этим ремеслом, дрались, не щадя ни себя, ни товарищей. А потом, как всегда, по приказанию своих ирэннов бежали добывать себе еду — воровали дрова для костров, крали овощи с огородов, а некоторые даже ухитрялись утащить что-нибудь с обеденного стола взрослых... Добыть что угодно, где угодно и как угодно, но не попадаться. А кто понадался, того жестоко хлестали плетью, но не за кражу, а за неловкость, за нерасторопность. Так велел воспитывать спартанских детей законодатель Ликург.

Так же, как всегда, юноши и взрослые спартанцы проводили свои дни в гимназиях, соревновались в беге, в прыжках, в борьбе, в метании копья. Иногда отправлялись на охоту в ущелья Тайгета. Или под вечер, скрываясь и таясь в зарослях камыша и маквиса, шли на другую охоту. С короткими мечами, спрятанными в складках плаща, рыскали по полям, где работали илоты, и, выслеживая самых сильных и красивых людей, тайком убивали их. Видно, и

это предусмотрел Ликург: сильные рабы могут стать опасными для своих порабощителей!

Казалось, жизнь идет как всегда. Но это были странные дни, полные затаенной веселой тревоги. Молодые спартанцы ходили с блеском в глазах. Юноши догадывались, о чем сговариваются их цари и старейшины, что готовят. Они нетерпеливо поглядывали на акрополь своего разбросанного среди холмистых садов города. Они ждали, когда там произнесут слово, которое должны произнести. Ждали, когда наступит час и они, проверив оружие, займутся своей внешностью. Особенно волосами. Волосы у них были длинные, надо их расчесать, уложить на голове, украсить. Потому что Ликург говорил: хорошо расчесанные волосы красивых делают еще прекраснее, а безобразных — страшнее для врага.

Молодые спартанцы ждали войны, хотели войны. Походная жизнь влекла их как отдых. В походе не нужно будет так трудно, так непрерывно тренироваться, бить своих и получать от своих синяки. А, наоборот, надо будет защищать друг друга. И, защищая своих, бить и убивать врага, давая полную волю своей силе, ловкости, своему тренированному телу, своей жестокости, которую в них воспитывали с детства.

И вот час настал. Слово, которого нетерпеливо ожидала Спарта, сказано. Война!

«Войско выстраивалось в боевой порядок, — рассказывает древний писатель Плутарх о спартанцах. — Царь на глазах противника приносил в жертву богам козу. Подавал знак всем украсить головы венками. Под свист флейт, под звуки

песни воины трогались с места. Они шли на врага спокойные и радостные, твердо держа равнение, не испытывая никакого страха».

Так было всегда. Но не так было теперь.

Спартанское войско выстроилось быстро, ошетинилось копьями. Воины сомкнули щиты. Но не было ни песен, ни флейт, ни жертвы, которую перед лицом противника обычно приносили спартанские цари. На этот раз собирались в поход украдкой, тайно, без объявления войны. И не только не послали сказать мессенцам, что союз их разорван, но еще и выставили сторожевые отряды, для того чтобы никто в Мессении не проведал о том, что здесь готовится.

Так вступила Спарта, презрев старые обычаи отцов, на путь обмана и вероломства.

Ночью, под сиянием чистых звезд, когда лишь безудержный стрекот цикад заполняет долину, спартанское войско давало клятву.

— ...Не возвратимся домой, пока не завоюем Мессению. Если даже война будет очень долгой, не возвратимся, пока не завоюем Мессению. Если нам предстоят тяжкие военные бедствия, не повернем назад и не возвратимся домой, пока не завоюем Мессению. Клянемся!

Во главе войска встал Алкамас, сын убитого царя Телекла. Полководец дал знак, и колонны двинулись в Мессению. Шли молча, ни возгласа, ни бряцания меча, только мерное шарканье грубых сандалий, шум от тяжелой поступи, какой ходит горе, разрушение и смерть.

До утра было недалеко. Но еще мерцали и переливались теплые южные звезды, еще лунно

светились мокрые от росы травы и деревья, и отсвет сверкающего неба лежал на черепице храмов и на гребне каменной городской стены. Ни сторожей, ни охраны. Городок спал беззаботно и беззащитно, раскинув по холму свои крутые узкие улицы, полные мирной тишины.

И никто не слышал, как вошли в город враги. Внезапно в Амфее, где только что бродили веселые нимфы и добрые сны, послышались крики ужаса и отчаяния. Стоны и плач сразу заполнили весь город. Спартанцы умело работали беспощадными мечами и копьями. Они врывались в незапертые дома, убивали сонных людей прямо в постелях. Тех, кто успел вырваться и выбежать из дома, убивали на улицах.

Люди толпами бежали в храмы, под защиту богов. Боги были сильны в Элладе: нельзя было убивать человека, припавшего к жертвеннику или статуе божества. Нельзя было оскорбить бога и тем нарушить непреложный закон эллинской земли.

Но для спартанцев теперь уже не было никаких законов, кроме закона силы и жестокости. Они врывались в храмы, как в простые дома, и убивали всех, кто надеялся найти там защиту. К утру в городе ни одного мессенца не осталось в живых. Боги их не защитили. Очень немногим удалось бежать из Амфеи. И те, кто успел бежать, всполошили Мессению. Страшная весть обогнала их в пути и очень скоро достигла ворот Стениклара.

Спартанцы захватили Амфею. Войска вернулись в Спарту. В городке остался военный гар-

низон. Спартанцы наглухо закрыли ворота Амфея, твердо решив не отдавать его мессенцам. Амфея была удобна для ведения дальнейшей войны: она стояла высоко, в ней было много источников чистой воды, и стены ее были крепки.

Это случилось в VIII веке до нашей эры, во втором году девятой Олимпиады, когда одержал победу Ксенодок и тем прославил Мессению. Ксенодок был мессенец.

ПЕРВАЯ МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА

Битва у Свиного оврага

Война! Война!

Это зловещее слово прозвучало как набат, как угрожающий меч нависло над прекрасной Мессенией, над ее цветущими селами и городами. Со всей страны народ начал стекаться в Стениклар. Многие шли уже с оружием, с мечами и дротниками, с луком и колчанами, полными стрел. Из деревень везли разные припасы, необходимые в походе — хлеб, оливки, мясо. Каждый понимал, что нельзя сидеть дома, когда родные угрожают опасность.

Народное собрание началось в Стеникларе. Перед народом выступили старейшины: они старались успокоить и подбодрить людей. Ведь и спартанцы не боги. Ведь и мессенцы тоже доряне, у них та же кровь. Разница только в том, что мессенцы живут по законам божеским и человеческим, а спартанцы эти законы забыли.

После них выступил молодой мессенский царь Эвфай. Возмущенный вероломством Спарты, он чувствовал, что должен сейчас взять на себя всю огромную тревогу своего народа. Надо, чтобы люди поверили ему, чтобы они поверили в себя, в свою силу и смело встали на защиту родины. Он знал военное могущество Спарты, но он знал и то, что им, мессенцам, нельзя сдаваться.

— Не падайте духом! — говорил он. — Спартанцы взяли Амфею, захватили ее, как ночные воры. Но неужели взятие Амфеи — уже решение войны? Нет, война еще не решена, и еще ничто не проиграно. Не падо нам бояться военной славы спартанцев и не надо думать о том, что их военные знания выше мессенских. Они больше занимались военной наукой, и только! Спартанцы превосходят нас в искусстве войны, тем более необходимо нам превзойти их в доблести. А милость богов пребудет с нами, мессенцами, защищающими свою страну, но не с теми, кто обижает других!

Речь царя была искренней, пылкой, мужественной. И народ разошелся с площади, полный решимости встать на защиту своей страны.

Мрачные, тревожные дни наступили в Мессенской долине. Города стояли, наглухо закрыв ворота, днем и ночью их стены охраняла стража. Поселяне торопились убрать и увезти хлеб с полей. Но они часто должны были все бросать и бежать под укрытие городов или прятаться в лесах — спартанские отряды неожиданно налетали на них, отнимали собранный хлеб, увозили плоды их садов и огородов, виноград,

оливки, тащили амфоры с оливковым маслом, угоняли скот.

Но, против своего обыкновения, не вырубали садовых деревьев и не разваливали домов. Спарта уже считала Мессению своей собственностью и не хотела разорять ее.

Много раз спартанцы пытались захватить и мессенские города. Однако стены городов были неприступны и стража не дремала: участь Амфеи была у всех перед глазами. Едва заведя спартанский отряд, мессенцы тотчас появлялись на стенах своих городов. Спартанцы яростно нападали, но мессенцы так же яростно защищались. И спартанцам так сильно доставалось от мессенских горожан, что они бесславно отступали, да еще и несли потери.

Наконец, увидев, что все их попытки захватить города безуспешны, спартанцы оставили их в покое. Куда легче и веселее было грабить мессенские села, которые не могли защищаться!

Мессенцы старались мстить. Они тоже собирались в отряды и нападали на лаконское побережье. Так же грабили и разоряли лаконские села, так же опустошали поля. Но их отряды были малочисленны, и вступить в бой со Спартой они пока еще не могли.

Так, с яростью, которая все разгоралась, губили друг друга люди, вышедшие из одного племени — племени суровых дорян.

В незапамятные времена откуда-то с севера пришли доряне в Пелопоннес. Они остановились в каменистой долине Тайгета. Горный кряж в снежной короне, вековые леса на склонах, про-

зрачная река Эврот, бегущая среди холмов долины... Эта страна понравилась дорянам. Они захватили ее, а жителей, по обычаю тех времен, обратили в рабство. Здесь они построили свой первый город — Спарту.

В те времена Лаконика называлась Лелэгией, по имени царя Лелéга. После царя Лелега царствовал его старший сын Мил. А младший, Поликаон, остался простым гражданином Лелегии.

Однако жена Поликаона, гордая Мессэна, взятая из Аргоса, не согласилась на такое положение. Ее отец Триона был очень влиятельным и даже могущественным человеком не только в Аргосе, но и среди всех эллинских племен. Триона тоже не захотел мириться с тем, что его дочь так и останется простой гражданкой Спарты. Он собрал войско в Аргосе и в Лелегии и с этим войском вступил в соседнюю долину, граничащую с Лелегией.

Он захватил эту долину, и Поликаон, его зять, стал здесь царем. Страну эту называли по имени жены царя Мессены — Мессенией.

Мессения всегда была прекрасна. Еврипид, древний поэт, так говорит о ней в своих стихах:

...плодоносная,
Струей потоков орошенная бесчисленных,
Воловьим и овечьим изобильна пастбищем,
И от порыва сильных бурь не холодная,
И колесницей Феба сильно не палимая.
...Красу которой словом ты не выразишь.

Постепенно в течение многих лет мессенцы построили свои города — Анданий, Арину, Фáры, Стениклар. На горе Итоме поставили святилище Зевсу, особенно почитаемому всеми эллинами.

Так рассказал древний писатель Павсаний о том, как возникла Мессения. И как потом это племя кудрявых голубоглазых дорян забыло о своем родстве, выйдя с оружием в руках друг против друга на кровавое поле битвы.

Прошло три года взаимных обид, разорения, грабежей и побоищ. Спартанцы тешились своей военной выучкой, своей силой и ловкостью. Они ликовали, когда удавалось принести из Мессении хорошую добычу. Старики поощряли их. Но не забывали напомнить о том, что города Мессении еще не взяты и что их надо наконец взять.

Молодые радовались похвалам, гордились возрастающим счетом убитых мессенцев. И заранее ликовали, представляя себе, как войдут в мессенские города и как сделают мессенцев своими рабами.

Но жители Мессении знали, что такое быть рабом, да еще рабом Спарты. Ни один народ в Элладе не был так жесток к рабам, как были жестоки спартанцы. Лучше смерть с оружием в руках, чем жить у них в рабстве.

— А разве выбор может быть только между смертью и рабством? — стараясь подбодрить мессенцев, говорили мессенские старейшины. — Есть еще одна возможность — победить!

Все эти три года горя и лишений мессенцы старательно изучали военное дело.

На четвертом году, после того как спартанцы взяли Амфею, царь Эвфай объявил поход. Ожесточение и ярость против Спарты полыхали по всей Мессении, и Эвфай понял, что медлить больше нельзя.

Эвфай сам повел войско к лаконской долине. За войском по приказу царя рабы несли большие колья и все, что нужно для устройства укреплений.

Лаконская стража на стенах Амфреи издали увидела пыль, поднятую идущим войском. Тотчас в Спарту поскакали гонцы. И очень скоро оттуда навстречу Эвфаю двинулись спартанцы.

Эвфай остановил войско у огромного Свиного оврага, отделявшего Мессению от Лаконии. Это место было удобно для сражения.

Здесь он назначил предводителей войска. Командовать пехотой он поставил Клеониса. Легковооруженными — лучниками, прашниками и метателями дротиков — велел командовать Пифарату. А тяжеловооруженными гоплитами стал командовать Антандр. Здесь, на краю оврага, Эвфай встретил спартанцев.

Бой начался сразу, как только подошли спартанские войска, — столько ненависти и ожесточения накопело у людей!

Злым огнем засверкали наконечники дротиков, засвистели тучи смертоносных стрел и легковооруженные скоро схватились врукопашную на краю оврага. Лишь гоплиты, хоть и скрежетали зубами от ярости, не могли броситься друг на друга — овраг мешал им.

Понемногу спартанцев стало охватывать изумление. Они шли в бой с песнями и флейтами, заранее торжествуя победу. Но вот они бьются час, другой, третий... а мессенцы не уступают им! Они не уступают спартанцам ни в чем — ни в умении драться, ни в упорстве, ни в горячности, ни в численности войска!

Это казалось дурным сном. Все больше разгораясь яростью, спартанцы нападали, как дикие вепри; они каждую минуту ждали, что мессенцы дрогнут, отступят, побегут, как бежали все, с кем сражалась Спарта.

Но мессенцы дрались и стояли насмерть. Ведь за их спиной была родина и свобода.

В то время, когда кипела битва, Эвфай приказал рабам укрепить частоколом мессенский лагерь. Среди криков, топота и ржания коней, среди стонов и проклятий спартанцы не видели, что делает Эвфай.

Бились до самой ночи. Густая тьма положила конец битве: стало трудно различить, кто враг, а кто свой. Падая от усталости, и спартанцы и мессенцы ушли к своим кострам, запыхавшим в темноте. Только стоны раненых мессенцев иногда нарушали тишину. У спартанцев же даже умирающие не стонали — это считалось у них позором. Они умирали молча.

Твердо уверенные в победе, которой они обязательно добьются завтра, спартанские отряды крепко уснули на теплой, прогретой дневным зноем земле. А утром неожиданное зрелище предстало перед их глазами. На той стороне оврага стоял высокий крепкий частокол, защищая будто крепостной стеной мессенское войско. Это было невероятно. Это казалось наваждением предрассветного сумрака, уходящего в глубину оврага.

Спартанцы были так изумлены, что не знали, как им теперь сражаться. Мессенцы обстреливали их, а сами скрывались за частоколом. Надо

было осаждать их, но у спартанцев не было никаких приспособлений для осады. Разъяренные, они пытались приступом взять эту неожиданную крепость. Но гудящие тучи стрел и дротиков взлетали из-за ограды, гремели по их щитам, ранили, поражали насмерть. Сами же мессенцы оставались неуязвимыми.

Спартанцы наконец поняли, что могут бесславно и бесполезно положить здесь свое лучшее войско. И молчаливые, угрюмые, ошеломленные тем, что произошло, отступили и вернулись в Спарту.

Эвфай возвратился в Стениклар во главе своих ликующих отрядов. Правда, мессенцы не одержали крупной победы, не изгнали со своей земли спартанцев. Но эта битва у Свиного оврага открылила их, дала им веру в свои силы и укрепила решимость защищать свое отечество и свободу. Они увидели, что и спартанцы могут отступать, уходить с поля битвы без славы и без победы.

В Спарте

Молодым спартанским воинам, вернувшимся ни с чем из Мессении, не стало дома житья. Мальчишки смеялись над ними. Девушки язвили насмешками, придумывали им обидные прозвища. Старики издевались:

— Труссы! Где же ваша клятва не возвращаться домой, пока не победите Мессению? Верно, придется нам, сгорбленным старостью и болью давних ран, полученных в доблестных боях, взяться за оружие. А вы, убежавшие под-

жав хвост, садитесь за прялку, там вы больше преуспеете!

Дня не проходило без того, чтобы не слышались в Спарте брань, упреки и насмешки над воинами, испугавшимися крутого оврага и частотокола. Говорили об этом и в гимназиях, и на рынках, и вечером, когда долго сидели и беседовали после еды.

Молодые мужчины и юноши молча терпели насмешки. К этому им было не привыкать. Молчать и терпеть — это входило в их воспитание, так учили спартанцев выдержке. Правда, иногда выдержки не хватало, и юноша, бледнея от гнева и от обиды, почтительно просил у старших пощады. И старики умолкали, понимая, что всякому терпению человеческому может наступить предел.

Иногда старейшины, стараясь понять, что произошло с их доблестным войском, задумывались. Правильно ли они воспитывают молодежь? Не нарушают ли в чем-нибудь суровых законов Ликурга? «Спарта будет на вершине славы до тех пор, пока будет хранить законы Ликурга», — так ответила Пифия в Дельфийском святилище, когда Ликург спросил, хороши ли его законы.

Спартанцы, получив это изречение, поклялись выполнять их. Приняв их клятву, Ликург ушел из Спарты и покончил с собой. Это он сделал для того, чтобы спартанцы не могли заставить его освободить их от этой клятвы. Слава и военное могущество родины были для него дороже собственной жизни.

С тех пор прошло много лет. А Спарта все так же твердо держалась законов Ликурга, все так же ревниво берегла их. По-прежнему новорожденное дитя показывали старшим в роду. Те осматривали ребенка. Если убеждались, что ребенок здоров и крепок, разрешали его растить и воспитывать. Но, если ребенок рождался хилым или уродливым, они были беспощадны — относили его в горы и бросали в пропасть. Зачем жить больному калеке и отягощать военное общество Спарты? И не было никого, кто послушался бы. Может, у отца разрывалось сердце, когда он слышал последний крик своего младенца. Но спартанцев с детства учили молча терпеть и боль, и лишения, и сердечную беду.

По-прежнему в Спарте ребенок растет у матери только до семи лет. Исполнилось мальчику семь лет, и его уводят от родителей. С этого дня он уже член своего отряда, своей агелы, то есть своего стада, как называют спартанцы эти отряды малышей. Ребята живут вместе, вместе играют, вместе учатся. Впрочем, грамотой их особенно не затрудняют — зачем воину всякие ученые премудрости? Зато неуклонно и настойчиво, без какого-либо снисхождения учат главной науке: беспрекословно подчиняться старшим, стойко переносить лишения и побеждать противника. Побеждать противника, всегда побеждать, везде побеждать!

Так разве и теперь не учили старейшины Спарты свою молодежь с раннего детства мастерству побеждать? Старики честно и добросовестно делали это. И что же? Вот она, их от-

борная молодежь, со стальными мускулами и нервами, способная не спать и не есть, если надо, способная пройти без отдыха любые расстояния, — эта их спартанская молодежь нынче возвращается домой, не сумев одолеть мессенцев. Позор! Позор!

Так неустанно гудели, и ворчали, и бранились старики по всей Спарте. Молодые угрюмо отмалчивались, ожесточенно тренируясь в стрельбе из лука и метании копья. Еще сильнее и азартнее дрались в гимнасиях мальчишки, состязаясь в ловкости. Еще торжественней и беспощадней справляли в Платаністе свои страшные игры-бои юноши — эфебы.

Вот и сегодня в ночь эфебы отправились за город. Шли, разделившись на два отряда, шли походным шагом, равномерно шаркая толстыми подошвами сандалий. Темнота не мешала эфебам — в Спарте никто и никогда не ходил с факелами. Ликург говорил, что надо ночью ходить без факелов — это научит ориентироваться в темноте.

В каждом отряде один из эфебов нес щенка. Теплые сонные щенки не понимали, почему их взяли с подстилки и понесли куда-то. Они дрожали, иногда принимались скулить. Но руки, которые их несли, были жесткими, неласковыми и держали их крепко.

Кончились городские постройки и сады, широко раскинувшиеся по мягким увалам холмов. Вот уже и совсем не стало видно города, Спарта утонула во тьме долины. Только акрополь, ко-

торый стоял на самом высоком холме, смутно чернел на фоне звездного сияния неба.

Эфебы направились к жертвеннику Эни́алия-Арэя, бога войны. На этом жертвеннике они принесли богу жертву — зарезали щенков. «Мужественнейшему богу угодно самое мужественное животное!» — так считали спартанцы. Каждый отряд, принося в жертву своего щенка, надеялся, что именно ему поможет Арей в сражении при Платанисте.

Кроме щенков, эфебы приволокли сюда двух диких молодых кабанов. Они вытащили их на площадку перед жертвенником, каждый отряд своего. Раздраженные животные бросились друг на друга, свирепо обнажив клыки. Эфебы кричали, свистели, орали, топали, стараясь разъярить кабанов. Они были убеждены, что победит в Платанисте тот отряд, чей кабан победит сейчас здесь, у жертвенника бога Арэя.

Кабаны рвали клыками друг друга, визжали от боли и злобы. И, вконец измученные, окровавленные, с разодранными боками, распластались оба на истерзанной копытами траве. Юноши так и не узнали, чей кабан сильнее. Но каждый отряд считал, что одержал верх их кабан. Чтобы победить, надо быть уверенным в себе. А сражение в Платанисте — серьезное испытание их мужества и отваги, их силы и выносливости. Вся Спарта будет восхвалять победивших. Вся Спарта будет смеяться над побежденными!

Тем же мерным шагом, каким ходят военные отряды, эфебы возвращались домой. Теперь они готовы к борьбе в Платанисте, которая наступит

завтра. Ясные звезды мерцали, словно раскачиваясь на невидимых подвесках. На Тайгете слабо светилась серебряная корона снегов. Эфебы шли молча. Что-то несет каждому из них наступающий день?

Платанистом называлась площадка, окруженная роскошными платанами. Под этим зеленым укрытием резной листвы, среди красивых серых, словно отлитых из металла, стволов, лежала арена. Ее окружал глубокий ров, полный воды, в которой отражалась и синева неба, и зелень платанов. Войти на островок можно было только по двум мостам. На одном мосту возвышалась статуя могучего Герáкла. На другом — статуя законодателя Ликурга.

Утром, в назначенный час, оба отряда эфебов прошагали по мостам на арену. Один отряд — по мосту Геракла, другой — по мосту Ликурга.

Под платанами, в прохладной свежести, стояла толпа. Сюда собралось множество народа. Пришли старейшины и все важные граждане Спарты, ведающие важнейшими делами государства; пришли бидиеи — смотрители, ведающие боевыми играми и теми играми, которые происходят под платанами; пришли и цари Спарты — Феопóмп и Полидóр, внук убитого когда-то Телекла.

Про Полидора говорили, что он «муж великих добродетелей, любимый всеми сословиями Спарты, особенно простым народом. Он не допускал не только насильственного поступка, но даже дерзкого слова, а в судах соблюдал правду без всякого лицепрятия».

Теперь этот «муж великих добродетелей» явился в Платанист, чтобы строго проследить за боем эфебов. Так ли они воспитаны, так ли тренированы, так ли будут пригодны к войне, к боям, к сражениям, как это подобает воинам Спарты? И можно ли на них положиться в будущем, когда придет их черед идти на захват чужих земель? И прежде всего на захват Мессении.

Отнять у мессенцев Мессению, стать господами мессенцев, заставить их работать на Спарту, захватить все богатства плодородной мессенской земли — это решение неотступно держало в плену его мысли и его сердце.

Эфебы перешли мосты. Их голые тела играли мускулами — стройные, гибкие, красивые самой совершенной красотой. Но лица их были словно каменные, напряженные скулы, холодные, полные затаенной ярости глаза. Они глядели на противника сосредоточенно и настороженно, словно заранее прицеливаясь, куда вернее ударить и как вернее увернуться от удара.

Царь Феопомп дал знак, и сражение началось. Оба отряда бросились друг на друга; ни правил, ни порядка в этом сражении не было. Бойцы сразу потеряли облик благородной человеческой красоты. Они дрались как попало, били кулаками, лягались, кусались, старались выдрать друг другу волосы, наваливались кучей, сталкивали один другого в ров — брызги воды то и дело взлетали над головами...

Крики, свист, подбадривания, ядовитые реплики слышались из толпы под платанами. И

юные спартанцы, будто дикие кони, ужаленные плеткой, с еще большей яростью набрасывались на противников. Раны, выбитый глаз, сломанное ребро — все шло не в счет. Выбили глаз? Сам виноват, был неловок. Сломали ребро? Сам виноват, не увернулся.

Бидиеи пристально следили за сражением. Цари и старейшины не спускали глаз с арены. Но когда глаза их встречались, они без слов понимали друг друга. Они уже видели этих отчаянных юных бойцов в боевых доспехах, идущими на Мессению. Да, на Мессению. Да! На Мессению!

Снова битва

Прошел год после битвы у Свиного оврага. Спартанцы больше не могли выдерживать насмешек своих стариков, своих матерей, сестер, невест. «Труссы — клянутся, а клятвы держать не в силах!» Да мало ли было всяких унижительных и оскорбительных слов!

Теперь спартанское войско в полной боевой готовности выступило, уже не скрываясь в ночной темноте.

Мессенцы ждали нападения. Они встретили врага, плотно сомкнув боевые ряды своей фаланги.

Спартанцы выстроились для битвы. Левое крыло войска вел Полидор, правое крыло — Феопомп, центр — полководец Эврилеонт.

Перед битвой, как было всегда, цари обратились к своим войскам. Перед спартанцами вы-

ступил царь Феопомп. Он говорил кратко — лаконично, — как было принято в Лаконике:

— Помните клятву, которую вы дали: не возвращаться домой, пока не возьмем Мессению. Ваши отцы совершали великие военные подвиги. Вы должны совершить еще больший подвиг — покорить Мессению и присоединить ее к Спарте. Вы, молодые спартанцы, помните, что Спарта непобедима. Держите высоко свою честь и честь нашей несравненной Спарты. Мы победим!

Его речь была — как тяжелый звон копья о копье — отрывиста, сурова, непреклонна. Так было. Так должно быть.

Так будет.

И совсем по-другому говорил со своими воинами царь Эвфай.

— Помните, — взволнованно говорил он, обращаясь к сердцам мессенцев, — помните, что борьба будет не за одну землю или имущество. Вы знаете, какова участь побежденных. Храмы наши будут ограблены. Родные города сожжены. Жены и дети наши будут проданы в рабство, а нас всех ждет смерть, и то она еще покажется избавлением, если произойдет без истязаний. Перед нашими глазами судьба тех, кто был застигнут в Амфее. Кто там остался в живых из мессенцев? Мессенские мужчины замучены и убиты. Мессенские женщины и дети проданы и несут тяжкую участь рабов. Конечно, вместо стольких бед легче умереть славной смертью. Но мы еще не побеждены, а в отваге не уступаем противнику. Мы должны превзойти противника

мужеством. Но если мы теперь потеряем мужество, то как поправим свое падение потом?

Цари и полководцы заняли свои места и дали знак начинать битву.

Мессенцы тут же бросились навстречу врагу. Они не думали о себе, о своей жизни. Они помнили только одно, думали только об одном — не отдать врагу своей родины.

Спартанцы мерной поступью, сомкнув щиты, двинулись на мессенцев. Войска сошлись и остановились. И, перед тем как схватиться в битве, они принялись, потрясая оружием, грозить и осыпать друг друга бранью.

— Зачем вы взяли за оружие? — кричали спартанцы. — Вам впору пасти быков да пахать землю. Вы все равно будете нашими рабами. Да вы и сейчас рабы, ничуть не лучше илотов!

— Бессовестные люди! — кричали в ответ мессенцы. — Вы из-за одной только алчности пошли на родное племя! Безбожники, вы забыли всех отцовских богов и даже Геракла!

Ярость разгоралась с обеих сторон, оскорбления все больше разжигали ее. И наконец началась битва.

Сначала наступали друг на друга плотными рядами. Особенно крепко и сплоченно держали свои ряды спартанцы. И численностью спартанцев было больше — в их войсках сражались покоренные ими соседние племена. Но мессенцев держало их отчаяние, их готовность умереть за отечество. Свои мучения они не считали мучениями, если это делалось для того, чтобы защитить родину. Многие вырывались из рядов и бес-

страшно кидались на врага. Раненные не стонали и не жаловались, но дрались до последнего мгновения жизни. И, умирая, они только просили тех, кто еще сражался, не допустить, чтобы их смерть была напрасной.

Спартанцы сражались уверенно, деловито. Они сражались глубокой фалангой, как их учили всю жизнь. Они не бросались в бой с той безумной отвагой, как это делали мессенцы. Они не сомневались, что мессенцы не устоят против них в бою, что мессенцы не смогут биться так же долго, как они, что мессенцы не вынесут усталости и ран...

Никто, ни один воин ни с той, ни с другой стороны, не просил пощады, когда его убивали, не обещал выкупа. И тот, кто убивал, не хвастался победой, потому что еще неизвестно было, кто победит в этом жестоком бою.

Цари-полководцы обеих войск сражались в первых рядах, подавая пример отваги своим воинам.

Феопомп из всех сил стремился убить царя Эвфая. Он ненавидел Эвфая за все: и за сражение у Свиного оврага, когда, устроив крепость из частокола, заставил Спарту потерпеть поражение, и за то, что теперь сопротивляется так отчаянно и так упорно защищает Мессению, которую Спарта решила захватить и все равно захватит. Ненавидел и за его упреки, за напоминание о родстве племен, за обвинения в бесчестности, потому что упреки Эвфая были справедливы и Феопомпу нечего было возразить на это. Убить Эвфая — вот что нужно было Феопомпу. Тогда Эвфай замолчит навеки, и Феопомп

больше не услышит речей, которых он не хочет слушать.

Выждав удобный момент, Феопомп ринулся на Эвфая и уже занес копье для удара. Но мессенцы заслонили своего царя-полководца и отбили удар.

— Не с радостью ты уйдешь из этого сражения! — крикнул Эвфай.

С этими словами он яростно взмахнул мечом и бросился на Феопомпа.

Мессенцы, видя это, ринулись за своим царем.

И битва закипела с новой силой. Оба войска забыли об усталости, забыли об опасности, о смерти. Одни дрались с бешенством, стремясь во что бы то ни стало победить, отстоять свою военную славу и захватить богатую добычу. Другие — с отчаянием, стремясь уничтожить врага, чтобы спасти от гибели свое отечество.

И, видно, любовь к отечеству была сильнее всех других чувств и помыслов. Эвфай начал теснить спартанцев. Еще удар, еще натиск, и — пробил час! — Феопомп, царь спартанский, отступил, правый фланг спартанцев дрогнул и стал отступать.

Эвфай уже поверил было в победу, душа его вспыхнула ликованием.

Но это ликование тотчас и погасло. Он с горестью увидел, что предводитель правого крыла его войска Пифарат пал под вражескими копьями. Полководец убит, и отряды его заколебались, расстроились, отступили... Хоть и не пали они духом, но растерялись и побежали так же, как бежал от Эвфая Феопомп.

Спартанский царь Полидор, стоявший против Пифарата, не стал преследовать бегущих мес-

сенцев. Он строго держался правила: не преследовать бегущего врага, а заботиться о том, чтобы сохранить строй своего войска. Этому научил спартанцев опыт их бесконечных войн. Увлечшись преследованием отступающих и жаждой истребления побежденных, потерявшее военный строй войско само могло стать добычей противника.

Эвфай тоже перестал теснить Феопомпа. Надо было оказать помощь раненым, лежащим на поле битвы, тем более что ночная тьма уже заволокла долину. А бойцы, хоть и не опустили оружия, были измучены до потери сил.

На другой день на поле сражения стояла тишина. Утро наступило грустное, солнце затянулось дымкой, ясноликий бог Аполлон не хотел смотреть на то, что сделали люди.

И спартанцы, и мессенцы были в замешательстве. Ни те ни другие не решались вступить в новую битву — не знали, кто из них победит сегодня. Ни те ни другие не ставили трофея — не знали, кто из них победил вчера.

К концу дня послали друг к другу глашатаев. Договорились не начинать сегодня боя, потому что тела убитых еще лежали на земле непогребенные. В этот вечер они уносили своих убитых воинов и хоронили их.

Предсказание богов

По горным дорогам Парнаса по направлению к Дельфам шел знатный мессенский гражданин Тйсис. Он слыл в Мессении человеком, сведущим в гаданиях. Поэтому именно его послали мессен-

ские власти к дельфийскому оракулу спросить у божества: как им поступить и что сделать, чтобы спасти Мессению?

В Мессении наступила пора несчастий. Поборы на содержание войска, набеги спартанских отрядов — все это расстроило хозяйство и ослабило страну. Жить стало трудно.

А тут еще началась какая-то страшная эпидемия: по стране пошла болезнь, похожая на чуму... Цветущая долина, озаренная синим сиянием неба и моря, стала безысходно печальной. Даже рабы не хотели больше жить здесь и тайком уходили в Лаконику.

Города Мессении застывали в безмолвии. Большая часть их жителей переселилась на гору Ито́му, где еще не было болезней и куда еще не добрались враги. Там стоял маленький городок, названный по имени горы Итомой. Мессенцы расширили его стены, сделали новые укрепления, хотя Итома, стоящая на неприступной высоте, уже сама по себе была крепостью.

Что делать дальше? Ни царь Эвфай, ни старейшины, ни народное собрание не могли решить. Пусть это решит Аполлон. Пусть он откроет их судьбу.

После многих дней пути Тисис вступил на узкую тропу, сжатую отвесными темно-серыми и рыжими скалами, которая вела к святилищу Аполлона. Было раннее утро, хрустальные звезды потихоньку гасли над вершинами Парнаса.

Вместе с Тесисом к Дельфам поднимались и посланцы других царей и стран — спросить о грядущем у светлого бога. Шли люди, застигну-

тые бедой. Шли посланные с дарами. Шли желающие принести жертву богу и попросить для себя его милости. Мычали украшенные лентами и цветами предназначенные для жертвы быки...

Узкое ущелье раздвинулось, серые скалы отошли в стороны. Открылась долина с холмистыми склонами, на которых кудрявились серебристо-зеленые оливковые рощи. В глубине долины острым блеском сверкал ручей. Еще один поворот дороги — и перед глазами идущих среди грозных утесов встали Дельфы, святилище Аполлона.

Храм бога, с мощными колоннами, стоял на площадке как бы вырубленный в отвесной скале. Когда-то в давние времена Аполлон убил здесь страшного Пифона. Бог мстил за свою мать Латону, которую преследовало это покрытое чешуей чудовище. Когда Аполлон, златокудрый и лучезарный, явился сюда с серебряным луком и колчаном, полным золотых стрел, в ущелье было темно и мрачно. Пифон, извиваясь, выполз из ущелья, и скалы сдвинулись со своего места — такой он был тяжелый. Увидев Аполлона, Пифон раскрыл свою адскую пасть и хотел проглотить его. Но Аполлон натянул тетиву своего серебряного лука, и смертоносные золотые стрелы сразили Пифона. Чудовище рухнуло мертвым. Аполлон зарыл его здесь же, в ущелье. Он и сейчас лежит там без жизни, без движения. Но смрадное дыхание его все еще поднимается из ущелья. Здесь, где зарыто чудовище, Аполлон поставил храм и основал оракул, чтобы люди могли узнать волю его отца — Зевса.

Тесис совершил все положенные обряды, омылся в хрустально-сверкающем ручье, принес богу жертву, передал жрецам свои вопросы к божеству. И стал ждать ответа.

В храме, в тайном закрытом помещении, зияла расщелина скалы. Из этой расщелины поднимались одуряющие испарения — те самые испарения гниющего тела Пифона, как думали греки.

Над расщелиной стоял золотой треножник, на котором было устроено сиденье для жрицы-прорицательницы.

Совершив все необходимые обряды, жрица скрылась в святилище. Она села на треножник, смрадное дыхание скалы охватило ее.

Одурманенная испарениями, которые поднимались из расщелины скалы, Пифия пробормотала ответ бога. Жрецы записали на табличку то, что сказала Пифия — а вернее, то, что они считали нужным сказать мессенскому послу, — и отдали табличку Тисису.

Тисис спрятал ее под плащом и не медля отправился в обратный путь. Он знал, с каким нетерпением ждут его в Мессении. Да и самому хотелось поскорее уйти отсюда. Отвесные суровые скалы пугали и давили здесь человека, внушая уверенность в близком и опасном присутствии бога. Жрецы всех религий во все времена хорошо знали, где ставить храмы своих богов.

Когда, пройдя долгий и трудный путь, Тисис вступил наконец на родную землю, плечи его расправились и лицо прояснилось. Он выполнил волю царя и народа. Теперь с ним уже ничего

не случится. На всей эллинской земле никто никогда не тронет посланца, идущего в Дельфы или несущего ответ бога.

Но Тисис успокоился слишком рано. Когда он проходил мимо Амфеи, захваченной спартанцами, стража, стоявшая у ворот города, увидела его. Спартанские воины догнали Тисиса. Вопреки законам, священным для всех эллинов, они решили отнять у него табличку и узнать, что ответила мессенцам Пифия.

Но Тисис, хоть был немолод, вступил с ними в борьбу. Спартанцы тотчас схватились за мечи. Тисис тоже выхватил кинжал. Борьба была неравной, плащ Тисиса уже во многих местах пропитан кровью. Но он продолжал отбиваться: он решил биться, пока рука его держит оружие. Лучше умереть, чем отдать врагу священные таблички, которых ждет Мессения. И, когда Тисис почувствовал, что силы его кончаются, вдруг раздался неведомый голос:

— Оставь несущего ответ божий!

Спартанцы дрогнули и опустили оружие. В страхе оглядывались они по сторонам. Но кругом было тихо, и колючий маквис со своей густой жесткой зеленью неподвижно стоял по сторонам дороги. Кто прятался там, в зарослях? Не иначе какое-нибудь божество, возмущенное таким беззаконием.

Тисис, несмотря на раны и потерю сил, все-таки добрался до Итомы. Он шел шатаясь, не видя света. Хотелось лечь на землю и лежать неподвижно. Но мысль, что он может умереть здесь и Мессения не получит ответа бога на свой вопрос, от которого зависит его судьба, заставляла Тисиса идти вперед. У него еще хватило

сил подняться на Итому. Он пришел к Эвфаю и положил перед ним табличку.

Эвфай ужаснулся, увидев Тисиса в крови. Но, когда узнал, кто напал на него, только покачал головой. Спартанцы теперь способны на любое вероломство — не остановились и перед этим.

Тисиса отвели домой, обмыли ему раны, перевязали, уложили в постель. Но его уже ничто не могло спасти — он потерял много крови и вскоре умер.

Царь Эвфай в тот же день собрал на площади мессенян.

— Вот ответ божества! — сказал он, подняв кверху табличку.

В толпе прошло волнение:

— Читай! Читай!

И Эвфай громким голосом прочел:

— «Чистую деву от крови Эпита, взявшую жребий,

Принесите в жертве ночной мрачным богам;

Если не будет такой, взять у другого отца,

Добровольно на заклятие дочь отдающего».

В напряженном безмолвии выслушали мессенцы это прорицание. А потом громко заговорили:

— Все девушки из рода Эпита должны быть призваны к жребию! Боги требуют жертвы — это спасет Мессению!

И вот настал роковой час. Дрожащие девушки подходили одна за другой за своим жребием. Их матери и отцы стояли в стороне и с замирающим сердцем следили за ними. Те, что вытаскивали пустой жребий, отходили, изо всех сил скрывая радость. Если бы пришлось умереть, они умерли бы без слов. Но если смерть миновала

и ты богам не угодна, то ведь так хочется еще пожить на свете!

Девушки берут жребий и отходят одна за другой. Но вот протянула руку прекрасная златокудрая дочь мессенца Люкиска, взяла жребий. И рука ее упала. Жребий жертвы достался ей.

Вздых облегчения прошел по толпе. Жертва известна, Мессения спасена! Девушка стояла неподвижно, опустив голову и закрыв лицо концом покрывала.

Но в это время неожиданно выступил вперед старый жрец Эпобол, который должен был совершить жертву

— Я не допущу этой жертвы! — сказал он. — Она не дочь Люкиску. У покойной жены Люкиска никогда не было детей, а этого ребенка им подкинули. Эта девушка не Эпитовой крови. Нельзя обманывать богов!

Снова поднялся шум, начались крики и споры. Решили отложить жертвоприношение, пока не расследуют это дело. А, пока шло расследование, Люкиск и его дочь ночью бежали в Спарту

Тяжелое уныние легло на Итому и отсюда — на всю страну. Та, кого боги выбрали для жертвы, ушла. И теперь мессенцы не смогут спасти родину. Все кончено — Мессения обречена на гибель.

Жертва

В это тяжелое время, когда у мессенцев пропала надежда спасти свою родину, к народу обратился Аристоклём, славный гражданин и полководец Мессении.

— Для каждого из нас родина превыше всего, — сказал он. — В такие горькие дни нельзя думать о своем благополучии и радости. Но если ценой этого благополучия и радости можно добыть благополучие родины, надо это сделать. Так думаю я и так поступаю. Я отдаю для жертвы свою дочь, как велело божество: она Эпитовой крови.

Все в Итоме вздохнули свободнее. Жалко молодую дочь Аристодема... Но, если божество так велело, что делать? Теперь есть надежда на то, что Мессения будет спасена, Зевс заступится за нее и беспощадный враг уйдет с мессенской земли. И тогда мессенцы снова займут в городах и селах свои жилища, и снова земледельцы выйдут пахать землю, а пастухи выгонят стада на пастбища... Как стосковались все по мирной жизни, когда можно спокойно ночью спать, а днем работать и справлять положенные праздники и торжества.

Каждый думал, что тяжело отцу отдавать на смерть свою дочь, отдавать своей рукой... А как сильно болело сердце Аристодема, не знал никто. Ему легче было бы отдать собственную жизнь. Но его жизнь не требовалась богам.

Все было решено. Дочь Аристодема готовилась к смерти. Если ее смерть спасет Мессению, девушка умрет.

Но не так думал ее жених, молодой мессенец. Он любил дочь Аристодема, он был уже обручен с нею. Услышав, что решил Аристодем, юноша как безумный бросился к нему.

— Ты распорядился жизнью своей дочери? — кричал он. — Но как ты мог это сделать? Ты обручил ее со мной, и ты над ней больше не господин, а господин ее — я!

Аристодем не хотел его слушать. Ему и без того нелегко было принять это решение. Но он принял его, и говорить теперь больше не о чем.

...Если не будет такой, взять у другого отца,
Добровольно на заклятие дочь отдающего.

Но кто же еще другой добровольно отдаст свою дочь? Так пусть и жених его дочери принесет жертву отечеству, как приносит эту жертву отец. И пусть он не думает, что отцу это легче.

Но юноша никак не мог примириться с этим. И в отчаянии, не зная, как спасти любимую девушку, он крикнул:

— Так знай же, что мы уже поженились! Она замужняя женщина, боги эту жертву не примут!

У Аристодема от гнева потемнело в глазах. Как могла она поступить так коварно? Как посмела предать и отца, и Мессению! Не помня себя он выхватил меч и тут же убил свою дочь.

Площадь охнула и замерла.

Аристодем стоял молча перед людьми с окровавленным мечом в руках.

Молодой мессенец с плачем упал на колени перед убитой девушкой:

— Я сказал неправду! Мы не были мужем и женой, я сказал неправду! Я хотел спасти ее!

Эти слова поразили народ:

— Слышите? Он сказал неправду! Девушка погибла напрасно, он не спас ее, он ее погубил!

— Это не жертва, это преступление!

— Он навлек на Аристодема проклятие де-
тоубийства!

— Он погубил Мессению! Смерть ему!

Крики становились все громче, все яростней. Возмущенная толпа готова была растерзать юношу. И растерзала бы, если бы за него не вступился царь Эвфай. Он этого юношу очень любил.

— Со смертью девы предсказание исполнилось, — сказал он. — Аристомем поступил так, как потребовало божество, — жертва принесена!

Но тут опять вмешался мрачный жрец Эпобол.

— Нам нет никакого дела до убитой дочери Аристодема, — сказал он, — ее убил отец, а боги остались без жертвы. Надо, чтобы кто-либо другой пожертвовал свою дочь.

Тогда все, кто происходил из рода Эпита, горячо запротестовали:

— Царь сказал дело! Дева крови Эпита принесена богам!

Все они боялись за своих дочерей. Но и у кого не было дочерей, тоже согласились с царем. Зачем же убивать еще одну девушку? Жертва принесена! Пророчество исполнилось!

Собрание разошлось. Люди успокоились. Жертва принесена, боги пощадят Мессению. На радостях все пошли устраивать празднество: принесли бескровные жертвы богам — зерна ячменя и зеленые ветки лавра.

Смерть Эвфая

В Лаконике уже знали о прорицании Аполлона. А когда стало известно, что прорицание исполнено и дева Эпитовой крови принесена в жертву, сразу пали духом. Их военная сила, военное искусство, дисциплина, тренировка — все это теперь не имело никакого значения. Будет так, как сказал Зевс. Мессенцев победить нельзя, хоть спартанцы и дали клятву победить их во что бы то ни стало. Бог сильнее Спарты.

Затихли не только спартанские воины, но примолкли и старейшины и цари. Трудно было отказаться от своего замысла захватить Мессению. Однако начинать новую битву боялись. Боги на стороне мессенцев. А боги разят без промедления и без жалости.

Так шло время. Набеги и грабежи изнуряли и тех и других. Пошел шестой год с того дня, как была принесена в жертву дочь Аристодема.

Наконец спартанцам наскучило сидеть в бездействии. Жизнь без больших настоящих битв скучна и недостойна настоящего воина. А тут каждый день тренировка, побоище между собой, строгости: шагу не шагнуть как тебе хочется. Даже одежду нельзя надеть другого цвета, чем у всех. А каково эфебам? Каждые десять дней являйся к старейшинам, раздевайся догола и стой перед ними. А они смотрят, осматривают тебя со всех сторон. Хорошо, если ты строен и крепок. Но, если окажешься немножко полнее, чем требуется, нещадно высекут плетью: не будь ленивым, не будь вялым, не обрастай жиром!

А еда? На войне можешь и поесть как следует. А здесь, в Спарте, даже и поваров держат только таких, которые умеют готовить лишь простую, грубую пищу. Но попробуй повар проявить свое искусство да приготовить что-нибудь лакомое, его тут же немедленно изгонят из Спарты.

Так не лучше ли война — походы, битвы, грабежи, привольная жизнь, чем мирное существование у себя в Спарте?

Так думала молодежь, мечтавшая о настоящей большой войне.

Старейшины и цари тоже не были спокойны. Прекрасна их Спарта, стоящая среди скалистых гор, неприступная для врагов. Но скудны и каменны их пашни, много болот, на которых ничего не посеешь... А рядом цветет и зеленеет и дает обильные плоды по-прежнему недоступная мессенская земля!

Может быть, за то время, что прошло в ожидании, что-нибудь изменилось в решении богов? Может быть, теперь они иначе отнесутся к Спарте, если она все-таки постарается захватить Мессению?

Цари и жрецы стали советоваться с богами. Жрецы приносили в жертву животных. Заколов над жертвенником быка или барана, они раскладывали на алтаре окровавленные внутренности и разглядывали, как лежит печенька, как выглядят легкие, сердце. Если печенька с каким-нибудь пороком, будет неудача, несчастье. Если есть какой-то порок в легких, задуманное надо отложить, успеха не будет. Если есть порок в

сердце или сердца совсем нет (жрецы уверяли, что так тоже бывает!), то жди большой беды.

На этот раз все жертвы сулили спартамцам успех и удачу. И печень такая, как нужно, и легкие здоровы, и сердце без изъянов. Ответы богов были благоприятны. Надо начинать войну.

И спартанское войско стало снова готовиться к походу. Царей и старейшин смущало одно: войско их уменьшилось, на помощь других народов Пелопоннеса надеяться нельзя. Стараясь захватить Мессению во что бы то ни стало, спартанцы своими беззакониями и вероломством посеяли к себе всеобщую ненависть. Особенно ненавидели Спарту соседи — Аргос и Аркадия. Спартамцам уже стало известно, что из Аргоса тайно сообщили в Мессению:

— Если начнете войну, мы придем и поможем вам.

Аркадия же объявила мессенцам открыто:

— Если начнете войну против Спарты, мы идем к вам на помощь.

Несмотря на все это, Спарта все-таки решила снова начать войну. И вот опять загрелись копья и щиты, зазвенели мечи у пояса. Снова тяжкий шаг военных отрядов глухо загудел на каменистых, опаленных солнцем дорогах. Снова спартанцы надели пурпурные одежды, на которых меньше видна кровь от раны... Спартамцы говорили, что кровь, выступая на пурпуре, кажется темнее и тем устрашает врага. Но старые люди знали, что кровь на белых одеждах бросается в глаза и пугает своих же товарищей, а кровь на пурпуре малозаметна.

Когда спартанцы вступили в Мессению, мессенских союзников еще не было: они не успели прийти. Мессенцы не знали, как быть: принимать сражение или подождать союзников?

Эвфай и старейшины посоветовались между собой.

— Прорицание обещало нам победу, — решили они, — не будем ждать помощи. Примем сражение!

Было все так же, как шесть лет назад. Дралась отчаянно, не уступая друг другу. То одни брали верх, то другие. Бились строї против строя. Бились один на один. Лучшие бойцы врывались в ряды врагов и бились насмерть.

С особенной отвагой сражался сам мессенский царь Эвфай. Ему снова пришлось стоять против спартанского царя Феопомпа. Еще в прошлую битву эти два царя стремились убить друг друга. Ненависть их осталась такой же сильной и до сего дня этой злосчастной войны.

Феопомп приходил в ярость оттого, что спартанцы до сих пор не могут победить мессенцев, хотя казалось, что сделать это не так уж трудно. Он не мог забыть, что Эвфай в прошлый раз заставил его бежать. Сердце его сгорало от стыда, и он рвался расплатиться с Эвфаем за свой позор.

А Эвфай бросался в битву, не помня себя от обиды и горя. Снова они здесь! Снова пришли разорять и грабить Мессению!

В запальчивости Эвфай, не оглянувшись, есть ли у него защита, кинулся в бой со спартанским отрядом, который окружал Феопомпа. К Феопомпу он пробиться не смог. Он получил сразу не-

сколько тяжелых ран и упал. Он уже терял сознание, истекая кровью. Но еще дышал. Спартанцы бросились к мессенскому царю, чтобы унести его тело. Однако мессенцы были слишком преданы Эвфаю, а кроме того, дорожили своей воинской честью. С новым мужеством они ринулись в битву — умереть, но не допустить такого позора: отдать врагу тело своего царя!

И вот опять загремели мечи, яростные крики поднялись над полем битвы. Только ночь развела врагов.

Мессенцы унесли Эвфая в свой лагерь. Он был еще жив.

— Как сражались мессенцы? — теряя силы и свет в глазах, спросил Эвфай.

— Мессенцы были в битве не ниже, чем спартанцы, — ответили ему окружавшие его воины. — Мы ни в чем не уступили врагу!

Но о том, что в сражении за Эвфая спартанцы убили Антáндра — лучшего друга царя и лучшего полководца Мессении, они ему не сказали.

Спартанцы и на этот раз, ничего не добившись, вернулись домой.

А через несколько дней после битвы мессенский царь Эвфай умер. Он царствовал тринадцать лет. И все тринадцать лет воевал со Спартой, отстаивая свободу своей родной Мессении.

Царь Аристодем

В Мессении не стало царя.

Если бы у Эвфая был сын, он стал бы теперь царем. Но у Эвфая не было сыновей.

Надо было выбрать на царство достойного человека. И когда мессенцы собрались, чтобы выбрать царя, то первым прозвучало имя Аристодема.

Пусть будет царем Аристодем! Аристодем — лучший наш военачальник! Аристодем, как никто, доказал свою любовь к Мессении — он отдал для жертвы родную дочь!

Но тут заявили свои права полководцы Клеонис и Дамис. Они не хуже Аристодема сражались со Спартой, а может быть, даже и лучше. Сам Эвфай назначил Клеониса командовать пехотой. А всем известно, что именно пехота решила победу у Свиного оврага. Дамис тоже знатный мессенец и хороший полководец!

Так почему же царем должен быть Аристодем?

Оба жреца Мессении — Эпобол и Офионей — дружно подали голос против Аристодема, на котором лежит проклятие за убийство дочери.

Злопамятный Эпобол не мог простить Аристодему того, что царь Эвфай в свое время заступился за него и признал, вопреки Эпоболу, его убитую дочь жертвой.

А другой жрец, Офионей, был слепым с детства. Он гадал и предсказывал будущее не только отдельным людям, но и целым народам. Сначала он выпрашивал о том, что происходит сегодня в жизни человека или в общественной жизни народа. А из этого делал выводы, предсказывая, что случится в будущем. В споры с Эпоболом он никогда не вступал и всегда повторял то, что скажет Эпобол.

Но как ни кипел злостью Эпебоя и как ни спорили полководцы, доказывая свое право на царство, народ все-таки избрал Аристодема.

Аристодем, став царем, не утратил обычной скромности. Он старался заслужить доброе отношение народа, защищая его требования, если они были справедливы. С большим уважением он относился и к старейшинам Мессении, и к полководцам. Особенно старался он расположить к себе Клеониса и Дамиса, чтобы у них не затаилось вражды к нему, чтобы не начался разлад, который может повредить родине в дни опасности.

О союзниках Мессении Аристодем тоже не забывал. В Аркадию и в Аргос он послал дары. Он выражал им теплую признательность за то, что они были готовы помочь Мессении в борьбе со Спартой.

Аристодем правил мудро, осмотрительно. Он не добивался ни богатства, ни почестей. С тех пор как умерла его дочь, личные радости жизни навсегда покинули его.

Снова потекло время год за годом. Сражений со Спартой не было. Но и мира не наступало. По-прежнему отряды спартанцев налетали на мессенскую землю, грабили поселян, увозили урожай, угоняли скот... Мессенцы платили тем же. Аркадцы тоже часто присоединялись к мессенцам и как могли разоряли Лаконику. И никому в этой солнечной, омытой теплым морем стране не было ни счастья, ни довольства, ни спокойствия. И больше всего, тяжелее всего, конечно, страдал от этих неурядиц народ, который пахал

землю, выращивал виноград, ухаживал за скотом. Все их труды зачастую пропадали даром, враги непрестанно разоряли их.

Наконец ни Спарте, ни Мессении не стало сил терпеть эту изнуряющую жизнь. Снова была объявлена война.

Теперь заволновались не только Спарта и Мессения. Заволновался весь Пелопоннес, и особенно те страны, что лежали по соседству с Лаконикой и Мессенией.

К мессенцам на помощь спустились со своих гор аркадцы.

Когда-то горная страна Аркадия называлась Пеласгией, по имени Пеласга, которого выбрали царем за мудрость, силу и красоту. Поэт Древней Эллады писал о нем:

Равного богу Пеласга земля на лесистых вершинах
Гор сей страны родила, чтобы смертный народ появился.

По преданию, Пеласг научил людей строить дома с крепкими крышами, чтобы укрываться от дождя, холода и зноя. Пеласг научил делать хитоны из свиных кож: аркадские поселяне в то время еще не носили их. Говорят, что прежде жители гор питались зелеными листьями, травами и кореньями и часто не разбирали, что полезно, а что вредно. Пеласг научил их употреблять в пищу сладкие желуди бука, и люди питались ими, когда не хватало мяса или охота была неудачной.

Аркадией эта страна стала называться позже, по имени правнука Пеласга царя Аркада. В этом высоком нагорье, окруженном серыми скалами и лесистыми склонами гор, долины не-

велики и земли для пашни мало. Но и эту землю люди не умели обрабатывать. Они не знали, как пашут, как сеют и как пекут хлеб. Всему этому их научил царь Аркад. Аркад научил их также прясть овечью шерсть и ткать из нее одежду. Из благодарности к царю Аркаду люди назвали свою страну Пеласгию — Аркадией.

Вот из этой-то подоблачной скалистой страны и явилось большое аркадское войско помогать мессенцам в их войне со Спартой. Аркадия была почти неприступна для врагов. Но Спарта грозила и ей. Поэтому аркадцы так дружно поднялись против общего с Мессенией врага.

Пришли хорошо вооруженные воины — в панцирях, с копьями, со щитами. Пришли поселяне и пастухи, у которых ничего не было, кроме пращи. Пришли охотники, живущие в горах, где водится много зверей. У этих на плечах были медвежьи и волчьи шкуры, и у каждого был запас дротиков. Не слишком сильное было вооружение у аркадцев, но зато сильна была ненависть к Спарте: они устали от вечного страха перед этим жестоким племенем, устали от вечной опасности этого соседства. Пришли к мессенцам и сильнейшие отряды Аргоса и города Сикиона. У них тоже были свои старые счеты со Спартой, свои неотмщенные и незабытые обиды.

К спартамцам на помощь пришли только коринфяне. Только они одни вступили в союз со Спартой и согласились помочь ей.

Настал день сражения. Враги стали друг против друга. Эта битва должна была решить их судьбу, судьбу их народа.

Спартанцы в середину своего войска поставили коринфян вместе с илотами и поработанными племенами. На правом и на левом крыле войска встали цари. Спартанцы стояли глубоким и тесным строем, таким глубоким и тесным, как еще не бывало. Так они собрали все свои силы против родственного племени, будто против какого-нибудь варвара-завоевателя, пришедшего разорить Пелопоннес.

Аристомед тоже приготовился к бою. Всех, у кого не было настоящего оружия, он как следует вооружил. Лучшую часть войска — крепких мужественных аркадцев и мессенцев — он разместил между аргивянами и сикионцами. Если наступит тяжелая минута, они не побегут и помогут аргивянам и сикионцам удержать строй.

Аристомед расположил свое войско с таким расчетом, чтобы враги не могли окружить его. Он поставил отряды спиной к горе Итоме. А на горе, в лесных зарослях, спрятал аркадских пастухов и охотников, привычных к быстрому нападению, умеющих хорошо бегать. Вооруженные дротиками, они притаились на склонах горы, выжидая момент, когда понадобится их помощь.

Команду основным войском Аристомед поручил полководцу Клеонису, который еще с царем Эвфаем не раз ходил в сражения. А прашниками и отрядами стрелков командовал он сам и с ним Дамис.

Однако мессенцев, даже вместе с их союзниками, было меньше, чем спартапцев. Выдержат ли они натиск огромного спартанского войска?

Спартанцы, сомкнув щиты и выставив копья, железной стеной двинулись на мессенцев. Сейчас они сомнут, растопчут и уничтожат этих пастухов и хлебопашцев.

Натиск был грозный, спартанские фаланги всей своей силой обрушились на мессенцев. Конеч! Не жить Мессенин!

Но что это? Спартанцы в изумлении отхлынули назад. Мессенские войска выдержали их натиск, не отступили. Не поколебались!

Спарта не учла, что за эти несчастные годы, когда Мессенин все время приходилось защищать свои города и пашни, мессенцы тоже научились воевать. Не учла она и того, что мессенцы защищают свою родину от гибели и рабства и сознание этого придает им необыкновенную силу.

А мессенцы, увидев, что строй их не разорван и не смят, что они стоят крепко, готовые отразить новый натиск, и сами удивились. И обрадовались. Это придало им еще больше мужества.

Спартанские ряды дрогнули. Мессенцы сразу почувствовали это и начали нападать с еще большей дерзостью и отвагой. А тут еще неожиданно для Спарты из ущелья выбежало аркадское войско и с копьями в руках бросилось с двух сторон на спартанскую фалангу. Аркадцы издали метали в них дротики, осыпали камнями. Те, что посмелее, подходили к спартамцам вплотную и, как говорит Павсаний, «били с руки».

Спартанцев, привыкших к боям, было трудно смутить. Нападение аркадцев было неожиданным и стремительным, однако спартанцы удерж-

жали строй. Они всей фалангой поворачивались к врагам, старались разбить и уничтожить их. Но те легко убегали, а потом нападали снова. Тяжелая, плотная фаланга ничего не могла с ними поделать, и это приводило спартанцев в ярость. Они начали терять терпение. Первые ряды падали, как скошенная трава, раненые и убитые лежали под ногами, мешая двигаться... В бешенстве, забыв свои военные правила, спартанцы выбегали из строя и гнались за легковооруженными врагами, которым ничего не стоило убежать и скрыться в зарослях. Спартанцы с досадой и проклятиями снова становились в строй. А те снова возвращались и тотчас начинали их бить дротиками со всех сторон.

Тяжеловооруженные мессенцы, в медных шлемах и панцирях, с поднятыми копьями шли стеной на спартанцев, бились с ними лицом к лицу. Чувствуя, что побеждают, они напирали, теснили врага все смелее, все отважнее.

И вот случилось то, чего никак не ожидали спартанские полководцы: их тяжеловооруженная фаланга не выдержала, расстроила ряды — и побежала!

Спартанцы бежали с поля боя как безумные, так, что земля гудела под их ногами. Пораженные ужасом и позором того, что случилось, вместе с простыми воинами бежали их военачальники и цари. И мессенцы били спартанцев, уже не встречая сопротивления.

В этот день в спартанском войске были очень большие потери. Может быть, если бы мессенцы и аркадцы гнались за ними до самой Спарты,

они могли бы захватить и разорить ненавистный город. Но добивать бегущего врага было не в их обычае. И спартанцы, разбитые, измученные, беспрепятственно добрались до Спарты.

Их союзникам-коринфянам вернуться домой оказалось тяжелее. Им пришлось пробиваться в Коринф через земли враждебных стран — Аркадии и Сикиона, с воинами которых они только что сражались. И здесь их тоже не щадили.

Совет Пифии

Мессенцы ликовали. Похоронив с почестями убитых, они приносили богам благодарственные жертвы, праздновали, прославляли своего полководца царя Аристодема.

Теперь можно жить спокойно. Спарту так проучили, что она не посмеет больше вступить на мессенскую землю. Мессенцы снова могут пахать и сеять и убирать урожай. Их дети снова могут играть на улицах, не боясь быть убитыми. Девушки и юноши могут снова справлять праздники, не опасаясь нападения и кровопролития.

Так думал мессенский народ, сразу ободрившийся и повеселевший.

Люди вспомнили о том, что есть на свете беспечная радость, цветущие сады, песни, солнце, красота гор и лазурного моря, проклада сверкающих рек... Пока царь Аристодем с ними, пока он твердо держит в руках оружие, Мессения может жить счастливо и спокойно.

Но царь Аристодем слишком хорошо знал Спарту и спартанских правителей. Может, и оставят они Мессению в покое, но ненадолго. Они

не успокоятся, пока не достигнут своего. Они не смогут примириться со своим позором. Мессенцы победили, но победа эта не прочна. Спартакское войско сильнее, а сила свое возьмет.

Так думал царь Аристодем. Но он скрывал свои тревожные думы. Только зорко следил за тем, что делается там, в долине Тайгета, в стане их коварного врага.

А в Спарте поселилась мрачная печаль. Принесли на щитах с поля боя и похоронили многих своих полководцев, отважных и прославленных в битвах... Много цветущей молодежи легло в этом несчастном бою. Думали закончить на этом войну и окончательно захватить и поработить Мессению. И не смогли. И клятва спартакцев вернуться домой, лишь победив Мессению, не выполнена.

Молодые спартакцы ходили, не глядя в глаза старикам и женщинам. Сердца их кипели от ненависти к мессенцам, кровь бросалась в лицо от стыда при воспоминании о том, как мессенские пахари и аркадские пастухи преследовали их и гнали с мессенской земли...

Военачальники, старейшины и цари без конца обсуждали эту битву, перебирали события этого дня, искали, где они сделали ошибку, чего не предусмотрели. И — Аристодем знал их! — вовсе не собирались положить конец этому делу. Они думали и передумывали и советовались, как поступить теперь, что предпринять.

И, по обычаю всех эллинов — когда возникало затруднение в решении какого-нибудь важ-

ного вопроса, — снова послали в Дельфы дары с просьбой дать им совет.

Пифия дала такой совет: «Обманом держит народ мессенскую землю; тою же хитростью она будет взята, с какой ему досталась».

Такой вот лукавый совет дали Спарте дельфийские жрецы: не можешь взять силой — возьми обманом. Они припомнили древнее предание о Кресфóнте — об одном из древних царей Мессении. Рассказывают, что Мессению добывали по жребию. Налили в сосуд воды, и те, кто спорил из-за Мессении, опустили в воду глиняные шарики: чей шарик раньше всплывет на поверхность, тот и получит Мессению. Тут Кресфонт схитрил. Шарик его противников был сделан из глины и высушен на солнце. А шарик Кресфонта — тоже из глины, но был обожжен на огне. Необожженный шарик в воде распустился. А шарик Кресфонта всплыл на поверхность, и Кресфонт получил Мессению.

Вот об этом обмане и припомнили теперь дельфийские жрецы. Их ответ ясно подсказал Спарте, что нужно делать. Кресфонт схитрил в свое время, действуйте хитростью и вы. Бороться можно не только мечом, но изворотливостью ума тоже.

Спартанские правители обсудили это изречение. И стали думать: какой бы хитростью обмануть мессенцев?

Прикидывали одно, другое... Не годится.

Наконец придумали. Пошлем в Итому сто человек, — будто бы они перебежчики. Пускай

посмотрят, что там предпринимается. А мы для вида присудим их к изгнанию.

Так и сделали. Отобрали сто человек смельчаков и отправили их в Мессению. А здесь, в Спарте, подняли большой шум. Они-де уличили изменников и теперь изгоняют их. Пусть идут куда хотят!

«Изгнанные» явились к Аристодему.

— Нас изгнали из Спарты за сочувствие к вам, — сказали они. — Прими нас, пусть ваша земля станет нам родиной. Больше нам некуда идти!

Аристодем молча посмотрел на них, на их лица с опущенными глазами, на их горестные мины... И ответил:

— Выдумка эта старая. А обида со стороны Спарты новая. Идите домой и несите обратно свою ложь!

Спартанцы принялись уверять, что Аристодем ошибается и только напрасно причиняет им лишнее горе. Но Аристодем больше не стал их слушать. И спартанцы в досаде вернулись домой.

Тогда Спарта придумала новую уловку:

— Надо поссорить с Мессенией ее союзников — Аркадию и Аргос. Если бы не они, мы бы не проиграли бой.

И вот идут посланцы Спарты в Аркадию. Карабкаются по крутым тропам в горную, под-облачную страну.

Что они говорили там, как старались очернить и уронить мессенцев в глазах аркадцев, неизвестно. Но известно, что они вернулись оттуда с позором. И в Аргос уже не пошли.

Аристодем скоро узнал о происках Спарты. Что еще придумают там? Какую гибель готовят? Он отправил послов в Дельфы. Боги знают все. Боги видят будущее. Пусть помогут советом, как избавиться Мессении от ее неотступного врага?

Послы принесли странный ответ: «Бог подаст тебе славу войны, но думай: да не проведет тебя обманом коварно враждебная хитрость Спарты. Ибо Арей понесет славные их доспехи, и венец стен обнимет горьких обитателей, когда двое судьбою разверзнут темный покров и вновь сокроются; но прежде конец тот узрит священный день, как изменившее природу должного достигнет».

Аристодем и жрецы много размышляли над этим изречением. Но понять ничего не могли. И поняли смысл его только спустя несколько лет.

Снова потекли год за годом. По-прежнему не было покоя. Тревога, опасения, обманчивость тишины и ненадежность радостей — все это изводило и утомляло народ.

Однажды аркадские всадники неожиданно привезли в Мессению пленника. Это был Люкиск, когда-то убежавший со своей дочерью в Спарту. Оказалось, что дочь его умерла. Люкиск сильно горевал по ней. Страдая от одиночества, он часто уходил из города на ее могилу. Там аркадцы подстерегли его, схватили и привезли в Итому.

Люкиску пришлось предстать перед народным судом и ответить за свой проступок. Он стоял на площади перед народом, перед старейшинами, перед Аристодемом смущенный и печальный. Трудно ему было слышать, как стыдят и оскорб-

ляют его, трудно было принимать брань. Но еще труднее было выдержать грустный взгляд Аристодема. Ведь из-за Люкиска Аристодему пришлось убить свою дочь. Он стоял, опустив глаза, и молчал.

Однако, когда его называли предателем родины, Люкиск поднял голову.

— Я не предатель, — сказал он, — но я оставил отечество только потому, что поверил словам жреца. А жрец сказал, что это не моя дочь. Но если эта девушка не крови Эпита, то зачем же было приносить ее в жертву? Эта жертва не спасла бы Мессенни!

Но собрание ответило грозным шумом упреков и недоверия:

— Это ложь! Это выдумка, чтобы спасти свою дочь! Ты спасал ее, а другой отдал свою дочь для жертвы вместо твоей!

— Не старайся оправдать предательство, это была твоя родная дочь!

В это время толпа расступилась, раздалась на две стороны. На площади неожиданно появилась жрица из храма богини Геры, матери бога. Она шла, накинув на голову белое покрывало. Кругом стало так тихо, что слышно было, как ступали по земле ее легкие сандалии. Жрица подошла к царю, склонилась перед ним голову и сказала.

— Люкиск говорит правду. Это была не его дочь. Это была моя дочь. Я подкинула ее жене Люкиска. А у Люкиска никогда не было детей. Теперь моя дочь умерла. И я пришла, чтобы открыть эту тайну и сложить с себя жречество.

В Мессении был такой обычай: если у жреца или у жрицы умирал кто-нибудь из детей, они должны были сложить с себя звание и уступить его другому.

Услышав, что говорит жрица, собрание успокоилось. Сан с нее сложили, на ее место избрали другую женщину. А Люкиска простили.

Глиняные треножники

Шел уже двадцатый год с того времени, как началась война со Спартой. Двадцатый год, как спартанцы начали терзать Мессению, добиваясь ее порабощения.

Занятая этой упорной борьбой, Спарта окончательно превратилась в настоящий военный лагерь.

До начала этой изнурительной войны Спарта мало отличалась от остальных эллинских государств. Здесь любили стихи, любили музыку и, кроме спортивных состязаний, устраивали веселые состязания плясунов. Спартанские девушки могли выходить замуж за неспартанцев, и права их мужей приравнивались к правам граждан Спарты...

Теперь же Спарта словно стеной отгородилась от всего мира. Жесткая дисциплина, повседневная военная тренировка — этим была наполнена суровая жизнь Спарты. Спартанцы жили неугасающим стремлением — победить Мессению, захватить Мессению, поработить Мессению!

Мессения устала от войны. Аристомед мучительно искал выход из этого положения. Все, что от него зависело, он сделал. Он привлек союзни-

ков. Он водил войска в битвы. Он отдавал все силы, чтобы отстоять родину. Он отдал жизнь своей юной дочери за свободу Мессении...

Никто не знает, что боль этой утраты до сих пор живет в его сердце, что, возвращаясь домой, он каждый раз остро чувствует, как опустел его дом с того дня, когда ее не стало, когда замолк навсегда ее голос. Никто не знает, как стонет он по ночам — он видит ее залитое кровью, беспомощное тело у своих ног...

А враг не побежден. Враг по-прежнему грозит Мессении. Что же еще сделать Аристодему?

На это никто не мог ответить. Ни старейшины, ни близкие царскому дому люди. Народное собрание тоже не решило ничего. Решило только об одном — еще раз посоветоваться с божеством.

Аристодем больше не верил Дельфам. Божество потребовало леву крови Эпита. Дочь Аристодема мертва. А разве спасена Мессения?

Но этих мыслей и чувств своих Аристодем не открывал никому. Снова еще раз отправили послов в Дельфы — спросить, надо ли им воевать и будет ли победа? И как добыть победу?

Пифия ответила: «Первым поставившим вокруг жертвенника Зевса Итомского дважды пять десятириц треножников свыше дается земля Мессенская со славой войны. Таково мановение Зевса. Обман поставил тебя высоко, но за ним воздаяние: не обмануть тебе бога. Совершай, что суждено: беда у одних раньше других».

Мессенцы обрадовались.

— Прорицание дает нам славу войны! Невозможно, чтобы спартанцы раньше нас поставили

треножники: ведь святилище Зевса Итомского я в нашем городе!

И они принялись готовить треножники. Делали их из дерева, потому что на медные не было денег.

Так, успокоенные, мессенцы готовились к празднеству посвящения Зевсу треножников.

Спартанцы тем временем всеми силами добивались узнать: что ответила мессенцам Пифия? Но мессенцы хранили это в крепкой тайне.

Тогда спартанцы обратились к дельфийским жрецам. И нашелся один дельфиец, который, как видно, за хорошие деньги выдал Спарте мессенскую тайну.

Однако и раскрыв эту тайну, цари и вельможи Спарты не знали, что же можно сделать? Зевс Итомский — в Итоме, за крепкими городскими стенами. Как могут спартанцы поставить треножники в его святилище, да к тому же раньше мессенцев?

Дело казалось безнадежным.

Но тут пришел к царям некий человек, гордый на выдумки. Его звали Эвóл.

— Я знаю, что сделать! — сказал он.

Он замесил глину и принялся из нее делать треножники. Делал и ставил их на солнце. Пока он сделал сотый треножник, остальные уже высохли.

Когда все сто треножников были готовы, Эвóл положил их в мешок. Вскинул мешок на спину, взял охотничьи тенета и будто бы пошел охотиться.

Эвола никто не знал. Даже в Спарте он был мало кому известен. Он незаметно прошел в Мессению. А потом, с мешком за плечами и с тенетами в руках, он вышел из леса и пошел в сторону Итомы. Все, кто видел его, думали, что человек удачно поохотился и теперь несет добычу в мешке.

Эвол не спеша шел через поля и рощи. А вечером, когда мессенцы, закончив работу на полях и виноградниках, направлялись домой, в Итому, Эвол незаметно присоединился к ним и вместе с ними вошел в город.

Наступила ночь. Мессенцы спокойно погасили огни. Всем уже было известно, что завтра жрецы поставят Зевсу треножники. Воля бога будет исполнена, и Мессения защищена. Треножники эти, гладко обструганные и украшенные, были уже готовы.

Утро наступило ясное, праздничное. Прозрачное небо лучилось над Итомой. Оливковые рощи на склонах горы серебрились под солнцем. Внизу, в долине, ярко зеленели луга. И далеко на горизонте сквозь перламутровую дымку утра густо синело прекрасное море, глубокий Мессенский залив...

Жрецы Эпобол и слепой Офионей — в белых одеждах, с зелеными венками на голове — торжественно направились в храм Зевса Итомского. Их помощники несли следом жертвенные треножники, сто деревянных треножников, наилучших, какие смогли и успели сделать.

Вслед за жрецами шли знатные люди Мессении — царь Аристодем, полководцы, старейшины... Веселая толпа народа окружала храм.

Жрецы вступили на порог храма. И, словно окаменев, остановились. Аристодем, почуввав недоброе, нетерпеливо отстранил их, вошел в храм.

На алтаре Зевса Итомского лежали глиняные треножники. Сто глиняных треножников, сделанных в Спарте, лежало на алтаре Зевса Итомского. Помощники жрецов, увидев это, в растерянности уронили на пол свои деревянные треножники. Стук дерева глухо отозвался в гулких стенах храма.

Ужас и отчаяние охватили мессенцев. Женщины кричали и плакали. Мужчины мрачно молчали. Теперь все кончено. Спартанцы отняли у Мессении покровительство бога, и теперь им уже не победить Спарты! Зевс отступился от Мессении!

Аристодем, тотчас овладев собой, начал успокаивать народ:

— Никогда еще не кончалось победой дело, начатое обманом и хитростью. Как может божество принять дар предательства, принесенный тайком, ночью, без жрецов и обряда?

Он успокаивал мессенцев как мог. Велел поставить деревянные треножники вокруг жертвенника. И сказал жрецам, чтобы они делали свое дело.

— Будем считать, что ничего не случилось.

Но тут произошло что-то непостижимое. Жрец Офионей, который был слепым с детства, вдруг прозрел. Говорят, что перед этим у него сильно болела голова.

Жрец Эпобол напомнил о давнем пророчестве:

— Бог подаст тебе славу войны, но думай: да не превзойдет тебя обманом коварно враждебная хитрость Спарты...

Все слушали, не переводя дыхания, когда Эпекбол начал читать старую дельфийскую табличку.

Да. Хитрость Спарты превзошла их обманом!

«Ибо Арей понесет славные их доспехи...»

Арей, бог войны, будет помогать Спарте. Значит, теперь Спарта обязательно победит!

«...и венец стен обнимет горьких обитателей...»

Это они, мессенцы, горькие обитатели итомских стен!

«...когда двое судьбою разверзли темный покров» — прозревшие глаза Офионея!

Предсказание сбылось. Теперь надо ждать гибели. Боги не ошибаются.

Это так. В Дельфах ошибались редко. Ведь там знали все, что происходит в стране, — все народы Эллады несли им свои горести и радости и свои тайны.

А когда у дельфийских жрецов не было уверенности в том, какой дать совет, они давали его с двойным смыслом: можешь так толковать прорицание, а можешь иначе. А если прорицание не сбудется, сам виноват. Значит, неправильно истолковал божье слово.

Поэтому в Дельфах обманывать не боялись.

Смерть Аристодема

Вскоре еще одно зловещее предзнаменование поразило мессенцев. В Итоме стояла медная статуя богини Артемиды со щитом в руке. И слу

чилось так, что этот щит отвалился и упал на землю.

— Артемида бросила щит! — в ужасе повторяли мессенцы. — Она больше не защищает нас! Близится наша судьба, предсказанная богами...

Аристодем, глубоко опечаленный, решил умилостивить богов, принести жертву Зевсу. Зевс — громовержец, могучий бог. Пусть он заступится за Мессению, пусть поможет отстоять свободу!

Жрецы совершили обряд жертвоприношения, зажгли на жертвеннике огонь. Бараны, приведенные для жертвы, смиренно стояли рядом.

Но, когда их хотели подвести к жертвеннику, чтобы пролить в огонь их кровь, бараны словно взбесились. Они начали биться рогами о жертвенник и до тех пор бились, пока не упали мертвыми.

В глубоком и тяжелом молчании разошлись мессенцы по домам.

Бог не принял жертвы. Защиты нет. Бороться бесполезно — Зевс на стороне Спарты: ведь они первыми положили треножники!..

Однажды ночью по всей Итоме вдруг завyli собаки. Пораженные мессенцы вышли из домов. Они увидели, что собаки собрались в стаю и воют на залитой лунным светом площади. К утру они умолкли и ушли из города. Пастухи, пасшие стада на склонах горы, следили за ними — куда пойдут собаки?

Собаки ушли по дороге в Лаконику. Они покинули Мессению.

Это странное, тяжелое предзнаменование лишило мессенцев последних надежд. Они забыли

о том, как побеждали спартанцев в боях, как гнали их до самой лаконской границы... Уже ничто не могло вернуть им отвагу. Бог против них — значит, всякая борьба напрасна.

И Аристодем не выдержал, мужество его сломилось. Он больше не мог успокаивать и ободрять народ, потому что пал духом и почувствовал себя бессильным. Поддержать его было некому. Жрец Эпобол, так и оставшийся до конца враждебным ему, словно радовался, что такие страшные, угнетающие дух приметы одна за другой являлись в Мессении. И кто знает, не с его ли помощью вошел в храм Зевса-Итомата спартанец со своими глиняными треножниками?

Аристодем, как и все древние греки, верил в сны, верил, что это боги предупреждают о чем-нибудь человека или предсказывают его участь. Он жил в эти дни с глубоко омраченной душой. И неудивительно, что ему приснился тяжелый, зловещий сон.

Аристодему снилось, что он собирается на войну. Он надел свой медный шлем с красным султаном, надел панцирь, пристегнул меч, взял копье и щит... Царь готовился принести жертву...

Вдруг явилась его дочь. Она распахнула черные одежды и молча указала на свою рассеченную его мечом грудь. Потом сбросила со стола то, что было приготовлено для жертвы, отняла у Аристодема оружие... Вместо шлема надела ему на голову золотой венец, а вместо панциря накинула ему на плечи белый плащ.

Аристодем проснулся в ужасе и тоске. Смерть его близка — в белых одеждах и золотом венце погребают мессенских царей.

Вскоре ему сообщили, что жрец Офионей снова ослеп. Эпестол тотчас напомнил мессенцам предсказание Пифии: «...двое судьбою разверзнут темный покров и вновь сокроются...»

— Предсказание исполнилось! — зловещим голосом повторил жрец. — Теперь, мессенцы, ждите гибели!

Аристодем уже не мог бороться ни с Эпестолом, отнимающим у мессенцев последнее мужество, ни с безнадежностью, которая охватила Мессению.

Аристодем не мог больше жить. После этого сна, когда дочь молча упрекнула его в своей смерти, Аристодем уже не находил покоя.

Как-то ночью, когда его никто не видел, он пошел на могилу своей дочери. Он ударил себя кинжалом в сердце и умер на ее могиле.

Аристодем царствовал шесть лет и несколько месяцев. И, так же как царь Эвфай, во время всего своего царствования боролся со Спартой, защищая отечество.

Изгнание

Народ мессенский, узнав о смерти Аристодема, пришел в отчаяние. Самый лучший их военачальник умер. Что делать? Как жить?

Собрались на совет. Собрание было тихим, печальным. Многие так пали духом, что готовы были сдаться на милость врагов.

— Мы не сможем противостоять Спарте. Принимать новые бои — только напрасно губить людей. Все равно нам не спасти Мессении, если боги этого не хотят...

Но еще больше было тех, которые не могли представить, что они будут рабами Спарты.

— Это невозможно. Лучше смерть, чем рабство. Лучше смерть, чем торжество над нами ненавистного врага!

На этом совете мессенцы выбрали уже не царя, а полководца, военачальника. Военачальником выбрали Дамиса и дали ему неограниченную власть. Дамис взял себе в помощники Клеониса и Филея, людей отважных и сведущих в военном деле.

Тем временем к Итоме подошли спартанские войска и осадили город. Дамис велел запереть ворота.

— Сдавайтесь! — кричали им спартанцы. — Все равно вы рабы! Сдавайтесь, илоты!

Дамис собрал всех, кто еще мог воевать. Но силы мессенские были невелики, и надежды на победу не оставалось. К тому же кончались хлебные запасы, и мессенцам грозил голод.

Несмотря на всю эту безысходность и безнадеежность, у мессенцев еще хватило мужества выдерживать осаду почти пять месяцев. К концу года, чтобы не умереть голодной смертью, они сдались и оставили Итому. Мессенского государства не стало. У мессенцев больше не было отечества.

Спартанцы, победив, прежде всего разорили Итому, раскидали ее стены и дома до основания.

Мессенский народ уходил из Мессении. Мессенцы пахали и возделывали свою землю, когда были свободными. Но пахать и возделывать ее, будучи в рабстве у Спарты, они не хотели. Уходили в Сикион, в Аргос, в Аркадию, где могли их принять друзья или родственники. Мессенские жрецы Эпобол и Офионей ушли в Элевсйн.

Спартанцы тем временем заняли все мессенские города. Разграбив Мессению, они захватили большую, богатую добычу. В Лаконике, недалеко от Спарты, в местечке Амйклы у них было святилище Аполлона Амиклейского. В знак благодарности они поставили своему Аполлону три больших медных треножника.

Теперь спартанцы хозяйничали на всей мессенской земле. Тех мессенцев, которые остались в Мессении, Спарта принудила принести клятву, что они никогда не отпадут от Лаконики и никакой войны не предпримут. Пашни и сады им оставили. Но половину урожая их полей и садов было приказано отправлять в Спарту. А если умирали спартанские цари или полководцы, мессенцы должны были надевать черную одежду и оплакивать своих господ... А это было для мессенцев тяжелым унижением.

ВТОРАЯ МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА

Аристомен — герой Эллады

Снова открываю старые книги, и с их пожелтевших страниц сквозь строчки старинного шрифта встает образ Аристомена, героя Древней

Эллады, озаренный легендами, увенчанный славой побед и страданиями за родину. Вот он стоит передо мной, подняв копье и заслонившись щитом, на котором от края до края раскинул широкие крылья орел.

Прошло около сорока лет. Печаль и рабство царили на мессенской земле. Мессенцы терпели нужду, когда, отдав Спарте половину всего урожая, не знали, как дожить до следующей жатвы. Долина Мессении могла дать хлеба и олив только для тех, кто живет здесь. Она не могла кормить еще и соседнее государство. Значит, тем, кто подчинен и поработен, приходится голодать, чтобы накормить своих порабощенных.

Но еще тяжелее было гордым потомкам дорийцев бремя обид, бремя унижений. Мессенцы ненавидели Спарту, и ненависть эта не утихала, но все больше росла. Однако рабству не предвиделось конца, и никакого исхода из этого тяжелого положения не было. А кроме того, мессенцев держала клятва не отпадать от Спарты и не замысливать новых войн. Значит, надо молча терпеть, молча ненавидеть и умирать в рабстве.

Так думали старые мессенцы, когда-то проигравшие свою последнюю битву на Итоме.

Совсем иначе думала подросшая за эти годы мессенская молодежь.

То в одном месте страны, то в другом собирались молодые мессенцы и вели строптивые речи.

— Неужели мы всю жизнь должны быть, как ослы, под ярмом? Разве не лучше умереть в сражении за свободу, чем жить в бесславном рабстве? Мы клятвы Спарте не давали!

Особенно гордой и воинственной была молодежь в городе Андáнии.

И самым отважным, самым решительным среди них был светлокудрый, синеглазый Аристомен.

Разговоры привели к делу. Аристомен, а с ним и вся молодежь Андании задумали поднять восстание против Спарты. Постепенно к ним присоединились и молодые мессенцы из других городов. Опасаясь неудачи, они действовали осторожно, соблюдая строгую тайну.

Сначала Аристомен тайно отправил послание в Аргос и в Аркадию.

— Будете ли вы помогать нам так же решительно и неизменно, как помогали нашим отцам в первой войне?

И аргивяне и аркадцы живо отозвались на это. Да, они будут помогать мессенцам, насколько хватит их сил. Аргос и Аркадия в это время были в открытой вражде со Спартой.

И Мессения восстала.

Это было на тридцать девятом году после гибели Итомы. А по нашему летоисчислению — в 685 году до новой эры. Так началась вторая Мессенская война.

В Спарте тогда были царями Анаксáндр, внук Полидора, и Анаксидáм, правнук Феопомпа.

Пока союзники мессенцев собирали войска, Аристомен со своим отрядом уже сразился со спартанцами. Битва произошла на мессенской земле, возле местечка Деры.

В этом сражении победа не досталась ни тем ни другим. Спартанцы, захваченные врасплох, растерялись. Их ошеломил Аристомен своей боевой стремительностью, своей безудержной отвагой, дерзостью нападения и силой удара.

«Об Аристомене рассказывают, что он совершил подвиги бóльшие, чем возможно одному человеку...» — говорил Павсаний в истории о второй Мессенской войне.

Отряд Аристомена не победил в бою. Но ведь и Спарта отступила. Это сразу придало мужество мессенцам. Несбыточная надежда на освобождение вдруг показалась осуществимой. Мессенский народ почувствовал свое единство, свою сплоченность. Чтобы теснее объединиться, им нужен был вождь — царь. И мессенцы решили сделать царем Аристомена.

Но Аристомен отказался: ему не нужно было царской власти. Он хотел только одного — освободить отечество. Тогда его избрали полководцем и дали полную власть военачальника.

Скоро стало известно, что имя Аристомена в Лаконике произносят с ужасом. Этого и хотел Аристомен. Пусть знают, что и в Мессении есть люди, с которыми сражаться опасно. Пусть имя Аристомена заставит и в будущем трепетать его врагов.

Чтобы еще больше привести в смятение спартанцев, Аристомен однажды ночью пришел в Лаконику и проник в самую Спарту. В Спарте среди других богов и храмов стоял храм Афины Халкиойкос-Меднозданной. «Меднозданной» она называлась потому, что и храм и статуя были

сделаны из меди. Вот перед этим-то храмом Афины Халкиойкос он и положил отнятый в бою спартанский щит. И оставил надпись: «Богине дар, отнятый у спартанцев».

Утром жрецы увидели щит и надпись. Это сейчас же стало известно во всей Спарте. Аристомен был здесь — и его никто не видел! Аристомен явился во вражеский лагерь — и ушел невредимым!

Это поразило и напугало спартанцев.

Что делать?

Спарта давно перестала беспокоиться из-за Мессении. Так долго, почти сорок лет, молчал этот народ, так долго подчинялся и терпел свою рабскую долю.

И вот опять война! Мессенцы встряхнулись. Они сразу перестали подчиняться Спарте. И у них уже есть войско! И у них есть полководец, каких давно не видали в Пелопоннесе!

— Что делать?

— Ничего другого, как идти в Дельфы за советом.

Прошло положенное время, и Спарта получила ответ божества: «Призвать афинянина в советники».

Спартанцы отправились в Афины:

— Дайте нам мудрого человека для советов. Божество повелело сделать это.

И показали табличку с изречением Пифии.

В Афинах задумались. Послать в Спарту какого-нибудь уважаемого гражданина афиняне не хотели. Если дать им умного, знающего толк

в военных делах и стратегии человека — только усилить и без того самое сильное в военном деле государство!

Проще всего было вообще отказать Спарте. Но повеление бога надо выполнять.

Тогда они решили послать в Спарту Тиртея, скромного афинского учителя, обучавшего грамоте детей. Человек небольшого ума, да еще и хромой, — много ли от него проку Афинам? И Спарте помощь от него будет невелика, мудрых советов спартанцы от него не дождутся!

Так думали афиняне, отправляя в Спарту Тиртея. И они очень ошиблись.

Тиртей оказался талантливым поэтом, он писал песни и сам пел их. Сначала Тиртей пел свои песни в доме спартанского царя и в домах знатных спартанцев во время вечерних бесед, после позднего обеда. Потом стал петь для всех, кто приходил его послушать.

Он сочинял элегии, солдатские песни. Он сочинял песни для празднеств, и спартанцы охотно пели их во время процессий.

Особенно нравились им солдатские песни.

«Песни спартанцев пробуждали мужество, — рассказывает древний писатель Плутарх, — звали к борьбе, прославляли счастливую участь погибших за родину и срамили трусов».

...Сладко ведь жизнь потерять, среди воинов
доблестных павши,

Храбромu мужу в бою ради отчизны своей!..

Солдатские песни Тиртея назывались «эмбатериями». Спартанцы пели их перед сражением

под звуки флейт. И слова этих песен были именно теми «пробуждающими мужество и зовущими к борьбе», которые так нужны в этот час солдатам. Он сочинял песни хвалебные при победах. При неудачах запевал песню, подбадривающую дух. И пожалуй, ни один государственный вельможа не помог бы Спарте своими советами так, как помогал песнями хромой учитель Тиртей. Тиртей всей силой таланта служил Спарте. И не только о сегодняшних делах и победах Спарты пел Тиртей. Но вспоминал и ее славное прошлое, о том, как воевала Спарта и как побеждала. Сложил он хвалебную песню и о том, как Спарта победила и унизила Мессению.

..Как ослы, согнувшиеся под великим бременем.
Несут они господам от тяжелой нужды половину
Всего, что дает земля.

Спартанцы любили, когда их восхваляли, и любили восхвалять себя сами.

Прислушайтесь — у них праздник, у них поют три хора. Поют старики, мужчины и мальчики. Прислушайтесь!

Старики. Когда-то были мы могучи и сильны.

Мужчины. А мы сильны теперь, не веришь — испытай!

Мальчики. Но скоро станем мы еще сильнее вас!

Спарта непобедима. Никто не поднимет головы, если Спарта положила на нее свою железную руку.

И вот — Аристомен!

Аристомен, мессенец, спартанский илот, поднял голову и грозит войной.

Битва при Кабаньей могиле

Решающая битва произошла в местечке около города Стениклара.

Целый год готовилось это сражение. Спартанцы ждали союзников из Коринфа. Собирали в отряды асинейцев, которые были связаны со Спартой данной ими клятвой помогать в войне.

К Аристомену собрались союзники Мессенны. Из Аркадии спускались в долину уже испытанные в битвах и в дружбе многочисленные отряды. К аркадцам присоединились илийцы.

Спешила к Аристомену помощь из Аргоса и Сикиона. Прибыли к нему сыновья и внуки тех мессенцев, которые когда-то ушли из родной страны, не желая быть рабами Спарты. Даже внуки убитого мессенцами мессенского царя Андрокла — Фінта и Андрокл — вооружились и встали в строй. Любовь к родине была сильнее, чем кровавая обида, нанесенная их семье.

Пришли к Аристомену и жрецы из Элевсина. Эпeboла и слепого Офионея уже не было в живых. Пришли те, кто по наследству совершал таинства богинь в Элевсинском святилище. Служа богам, жрецы неизменно вмешивались во все государственные дела своей страны и участвовали во всех войнах. Они не сражались с копьем в руке. Но их речи, призывающие к победе, часто делали больше, чем копье самого отважного воина.

Прошел год после битвы при Дерах. И снова спартанцы и мессенцы стояли друг против друга с оружием в руках и с ненавистью в сердце.

Прежде чем вступить в битву, оба войска принесли жертву богам. За победу Спарты принес жертву жрец Эка. За победу Мессении принес жертву жрец Феокл. Оба они со страстью молили богов о победе.

Во главе спартанских войск стоял царь Анаксандр. Во главе мессенцев стоял Аристомен, полновластный полководец. И рядом с ним — внуки царя Андрокла: Финта и Андрокл.

Вокруг Аристомена собралось восемьдесят человек. Это были самые лучшие, самые отважные и пылкие воины. Все они были молоды, одного возраста с Аристоменом. Все они хотели сражаться рядом с Аристоменом, у него на глазах, хотели, чтобы он видел их отвагу и готовность умереть за родину: пусть он знает, что они во имя родины не пожалели жизни.

Аристомен со своим отрядом сразу встал против Анаксандра и лучших воинов Спарты, которые так и рвались прославиться в этом бою.

Войско Аристомена стояло тесно, плечом к плечу. В этот час войны все дóроги были друг другу: ведь в какой-то мере от каждого из них зависела победа общего дела. И все они не сводили глаз с Аристомена, боялись пропустить момент, когда он даст знак начинать битву.

И вот знак подан. Противники бросились друг на друга.

Спартанцы, как всегда, бились отважно, уверенно, умело. Но мессенцы дрались с отчаянной

яростью. Они не щадили себя, не замечали ран, не страшились смерти.

«...Когда спартанцы бежали, Аристомен приказал преследовать их мессенскому отряду, а сам устремился на других, еще крепко стоявших спартанцев. Осилив и этих, бросился на третьих. Скоро и эти были прогнаны, и Аристомен уже беспрепятственно нападал на оставшихся, пока наконец все спартанские ряды и ряды их союзников не были совершенно рассеяны. И так как они бежали без стыда и всякий думал только о себе, то нападение Аристомена было для них ужаснее, чем можно было ожидать...» — так описал Павсаний эту славную для мессенцев битву.

Аристомен в счастливом азарте победы преследовал бегущих врагов. Он гнался за ними по широкому полю, и редко кто уходил от его копья.

Но тут опять вмешались боги.

Далеко среди поля стояла дикая груша. Аристомен, преследуя спартанцев, бежал по направлению к ней.

— Не бежать около груши! — крикнул вслед Аристомену жрец Феокл. — Там сидят Диоску́ры!

Братьев Диоскуров — Кастора и Полиде́вка — эллины чтили как богов: верили, что Диоскуры защищают людей от всех опасностей и дома и на чужбине.

Но на мессенцев Диоскуры разгневались, мессенцы оскорбили их. А было это так.

В Спарте справляли праздник Диоскурам. После положенных обрядов и жертвоприношений

спартанцы начали игры и состязания. Двое мессенских юношей из Андании — Панóрм и Гонíпп — вздумали нарядиться Диоскурами. Они нарядились в белые хитоны, накинули сверху пурпурные хламиды, на кудрявые головы надели маленькие круглые шапочки. А потом сели на коней и с копьями в руках приехали к спартамцам на праздник.

Спартанцы сразу поверили, что это сами Диоскуры явились к ним. Они бросились перед «братьями» на колени. А Панорм и Гонипп принялись их бить копьями. Перебили спартанцев сколько смогли и ускакали обратно в Анданию.

И вот теперь Феоклу показалось, что на дереве сидят братья Диоскуры, которые готовы мстить мессенцам. Поэтому он и крикнул Аристомену:

— Не подходи близко к груше!

Но Аристомен не слышал, что кричал ему Феокл. И, как утверждает легенда, мстительные Диоскуры, сидевшие на груше, вырвали у Аристомена щит.

Возможно, что Аристомен зацепился щитом за корявые ветки груши и щит вылетел у него из рук. Но Аристомен не сомневался, что щит отняли у него Диоскуры.

Потерять щит в бою было для эллинов великим позором. Поэтому Аристомен кинулся его искать. А, пока он искал щит, лаконцы, которых он преследовал, убежали.

Поражение ошеломило спартанцев. Неистовая отвага Аристомена, его необычайное геройство

напугали их до того, что они уже не решались начать новую битву. Они готовы были сложить оружие и больше не трогать Мессению.

Но тут опять поднял свой голос хромой Тиртей.

— Не теряйте мужества! — повторял он всюду, где появлялся. — Если войско ваше сильно поредело, пошлите в бой илотов, пусть они заменят тех, кто уже не встанет с поля сражения и не возьмет оружия!

Он повторял это и в солдатских песнях и элегиях:

Вражеских полчищ не бойтесь, не ведайте страха!
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов...

Песни Тиртея помогли спартамцам воспрянуть духом. Тиртей прав, надо сделать так, как он говорит: собрать отряды илотов и с новой силой напасть на Мессению. Вслед за поражением придет победа — Спарта всегда и везде побеждала!

И снова в Лаконике поднялись воинственные разговоры и забряцало оружие.

Вот какую огромную услугу оказали Спарте афиняне, послав к ним человека, у которого, по их мнению, было очень мало ума.

А в Мессении ликовали. И когда Аристомен после победы возвратился в Анданию, женщины осыпали его цветами и лентами. И всюду, по всей Мессении, неслась торжествующая песня:

Вниз — по долинам градским Стениклара,
вверх — по вершинам
Аристомен их гонил, Спарты трусливых бойцов!..

Щит Аристомена

Аристомен обошел все поле в поисках своего щита и не нашел его. Щит исчез.

Значит, щит похитили Диоскуры — Кастор и Полидевк. Что теперь делать, Аристомен не знал. Он не мог придумать, чем бы ему умиловить Диоскуров. Потеряв щит, воин терял свою честь. Без своего щита, который был известен всему войску, Аристомен не мог пойти в сражение.

И он отправился в Дельфы за советом: что ему сделать, чтобы вернуть свой щит?

Пифия приказала ему идти в Беотию и там, в святилище Трофония, отыскать щит.

О том, как эллины открыли святилище Трофония, существует такой рассказ.

Когда-то в Беотии случилась сильная засуха. Солнце палило нещадно, а дождей не было. И посевы на скудных каменистых полях Беотии сгорели дотла.

Засуха продолжалась целых два года, страна погибала. Тогда правители Беотии отправили послов в Дельфы просить спасения и помощи.

Дельфийская Пифия велела им идти в святилище Трофония и там искать помощи.

Беотийцы долго бродили по горным дорогам, поднимались на скалистые уступы, спускались в ущелья. И никак не могли найти этого святилища.

Случайно один из послов — Сабн — заметил, что, куда бы они ни шли, над ними все время жужжит пчелиный рой. Он невольно стал следить за пчелами. И вдруг увидел, что пчелы

влетели в расщелину скалы и жужжание затихло. Саон последовал за пчелами, вошел в расщелину. И там, под землей, увидел храм Трофония. Именно Саон и научился первым, как надо совершать священные обряды и как обращаться за приращением.

Так рассказывает беотийская легенда о том, как было открыто святилище у Трофония. Вот в этом-то святилище и должен был отыскать Аристомен свой щит.

Покорный воле богов, Аристомен отправился в Беотию.

Уже давно прошло то время, когда это святилище нельзя было найти. Сейчас здесь, у горы, дымились жертвенники, толпился народ, тревожно блеяли привязанные в стороне жертвенные бараны. У главного алтаря лежал только что зарезанный баран. Жрец вынул его внутренности, положил на алтарь и принялся их рассматривать, стараясь угадать волю Трофония...

Аристомен постоял в толпе, посмотрел, как приносится жертва. Потом пошел бродить вокруг святилища, присматриваясь, не лежит ли где-нибудь здесь его большой окрыленный орлом щит. Щита не было. Тогда он решил, что прежде всего ему нужно принести жертву, и пошел приглядеть барана.

Между тем зоркие глаза жрецов заметили его. Один из них подошел к Аристомену:

— О чем ты хочешь просить Трофония?

— Я пришел искать у Трофония мой щит, — ответил Аристомен, — мой щит, на котором орел с раскинутыми крыльями.

Жрец велел Аристомену отойти от баранов.
— Жертва будет потом. Сначала — очищение.

Жрец повел его в какое-то здание, стоявшее у самой горы.

— Это храм Доброго Демона и Доброй Тихи, — сказал жрец. — Здесь ты проведешь несколько дней. Отдыхай. Теплой водой не мойся, но можешь купаться в нашей речке Эркине. Голодать не придется. У нас не одному Трофонию приносятся жертвы, но и Кроносу, и Зевсу, и Гере, и Деметре... Мяса довольно. А когда отдохнешь и очистишься, будешь достоин того, чтобы войти в святилище. Там ты найдешь свой щит.

Проходили дни, непривычно тихие, однообразно спокойные. Сначала Аристомену показалось, что он попал в какой-то счастливый мир, где не нужно ни воевать, ни тревожиться, где можно отдохнуть от всяких забот. Но уже на второй день он принялся нетерпеливо ходить взад и вперед в своем безмолвном жилище. Усталость прошла быстро, как бывает всегда у молодых и сильных людей. Его уже охватывали нетерпение и тревога. А может, пока он сидит здесь и бездействует, спартанцы идут на Мессению, а мессенцы в отчаянии ждут и зовут Аристомена!

Уйти? Но как уйдешь без щита? Боги отняли его щит. У богов он должен попросить его обратно.

Дни тянулись невыносимо медленно. Аристомен вставал до зари, смотрел на небо, на вершины гор. Ждал, когда упадет на них первый солнечный луч. Ел жертвенное мясо. Ходил ку-

паться в холодной горной речке Эркине. Вечером глядел, как меркнет лучистое небо, как темнота поднимается снизу и понемногу застилает все дневные краски и отсветы. И, увидев первую звезду в черном небе, думал: «Наконец день прошел. Еще один. Может, это случится сегодня ночью?»

В эти дни тишины и одиночества опасные мысли мучили Аристомена. Если на груше сидели Диоскуры, почему он не видел их? Может, кто-то другой, просто хитрый человек, чтобы спасти бегущих спартанцев, вырвал у него щит и унес? Ведь было уже темно, а глаза Аристомена застилала ярость и жажда мести... Может, и здесь его держат дельфийцы, чтобы дать Спарте собраться с силами? Он уже и раньше замечал, что в Дельфах есть кто-то, кто помогает Спарте...

Аристомен гнал от себя эти мысли, они пугали его. Диоскуры могут угадать, о чем он думает, и наказать его еще сильнее.

Но вот наступил наконец тот ночной час, когда к Аристомену пришли два мальчика лет по тринадцати. Они молча вымыли Аристомена, натерли его тело душистым маслом. Помогли одеться. И все время служили ему как маленькие расторопные слуги.

Потом явились жрецы. Аристомен волновался, но спокойно и свободно шел за жрецами туда, куда они его вели.

Аристомен много слышал о святилище Трофония. Говорили, что тот, кто побывал в подземном храме, возвратившись на поверхность

земли, становится почти безумным. Но, что он видел там, никто не знал: рассказывать было запрещено. И вообще было опасно нарушать порядки этого святилища. Все помнят, что случилось с одним копьеносцем, который вздумал спуститься туда без всяких обрядов. Он полез под землю не для того, чтобы поклониться божеству, а просто решил наgrabить там сокровищ. Этот копьеносец спустился в святилище, а назад уже не вернулся. Его мертвое тело оказалось выброшенным оттуда. И не возле священной щели, в которую он влез, а где-то далеко за пределами святилища. Жрецы умели заставить народ почитать своих богов.

Жрецы вели Аристомена. Большие лучезарные звезды озаряли небо; казалось, они лежат и мерцают в траве на склонах гор. От их сияния еще чернее была тьма в ущельях.

Аристомен незаметно оглядывался по сторонам, стараясь отгадать, в какую из этих расщелин горы они будут спускаться. Ему было не по себе. Война, бой с врагом, которого ненавидишь, — тут нет места страху. Но подземное святилище бога, о котором люди даже рассказать не смеют, — это совсем иное... Аристомен не искал бы такого общения с богами. Но щит! Он не может выйти на поле боя без своего щита!

Аристомен ожидал увидеть щель, где таится вход к Трофонию. Но жрецы привели его к источникам. Их было два, они журчали и лунно сверкали среди камней.

Жрецы подвели Аристомена сначала к одному источнику и велели напиться из него.

— Выпей воды из Леты — Забвения. Ты забудешь все свои горести.

Аристомен наклонился и достал воды из Леты. Вода была холодная, капли с ковша падали и сверкали как хрусталь.

Потом жрецы подвели его к другому источнику.

— Выпей воды Мнемозины — Памяти, и ты запомнишь все, что увидишь под землей.

Аристомен выпил и этой воды. Сердце слегка сжималось — видно, сейчас придется лезть под землю. Но жрецы повели его в густую рощу, которая росла у подножия горы. Здесь среди черного узора листвы он увидел статую. Кто это был — божество или герой, Аристомен не разглядел. Ему велели поклониться этой статуе и помолиться перед ней. Аристомен и помолился.

После этого жрецы надели на него белоснежный льняной хитон. И наконец повели в святилище.

Аристомен шел среди них, сам похожий на молодого бога, со своей твердой поступью, величавой осанкой, с клубящимися светлыми кудрями на голове.

Жрецы шли куда-то в обход горы. Вскоре в темноте смутно забелела невысокая мраморная ограда. Свет луны теплился на остриях медных прутьев, венчающих ограду, и на переплетах медных ворот.

Они тихо вошли в эти ворота и вступили в квадрат небольшого, освещенного лунной двора. И тут Аристомен увидел в скале таинственную

черную пещеру. Пещера шла вглубь, и ступенек туда не было.

Жрецы дали Аристомену узкую лестницу. Дали несколько лепешек с медом. С этими лепешками он должен был спуститься в святилище.

Аристомен сделал все так, как его учили жрецы. Спустился по лестнице вниз, на дно пещеры. Там он увидел щель в две пяди шириной и в одну пядь высотой, которая чернела между полом и стеной пещеры. Это был вход в святилище.

Аристомен, с медовыми лепешками в руках, постоял в замешательстве перед этой щелью. Как он взлезет туда, такой высокий и широкоплечий? А потом лег на пол, всунул ноги в отверстие, протиснул колени... и вдруг, сам не зная как, прижав лепешки к груди, соскользнул вниз.

Обратно он явился тем же путем, ногами вперед. Жрецы ждали его. Они тотчас подхватили Аристомена на руки и вынесли из пещеры. Аристомен еле сознавал, что с ним происходит, еле помнил себя.

Его посадили на трон Мнемозины — в кресло, которое стояло недалеко от святилища. И тут они долго расспрашивали Аристомена о том, что он видел и что слышал в подземном святилище.

Что рассказал жрецам Аристомен, неизвестно. Он никак не мог прийти в себя. Тогда его снова отвели в дом Доброго Демона. Здесь он отдохнул, глаза его снова заблестели голубым огнем, и на устах появилась улыбка. Он опять был на земле, опять увидел солнце, рощу олив и сияние снегов на вершинах гор...

Жрецы дали ему стилос и дощечку для письма. Аристомен написал на этих дощечках все, что он видел и слышал в святилище.

Теперь он мог уйти.

— Иди с миром, — сказали жрецы.

И принесли ему его щит с орлом, распростершим крылья. Аристомен сразу выпрямился, когда щит оказался у него в руках. Снова могучая сила заиграла в его мускулах, а душа наполнилась отвагой.

Скорее в Мессению!

Опять война

Вернувшись в Мессению, Аристомен тотчас собрал свой отряд. Мессенцы, воспрянувшие духом и поверившие в освобождение родины, немедленно явились на его зов.

Прежде всего Аристомен поставил стражу у стен их мессенских городов, чтобы спартанцы не напали на мирных граждан. И когда устроил все дела в Мессении, пошел со своим отрядом на спартанский городок Фáрид.

В поход выступили вечером, когда фиолетовые сумерки уже заполняли ущелья скал и в долинах от каждого дерева вытянулись длинные тени. Густая тьма ночи их настигла у границы Лаконики.

Аристомен подошел к городу неожиданно. Однако стража тотчас подняла тревогу. Город проснулся, люди стали спешно готовиться к сопротивлению.

Но, пока они готовились, Аристомен ворвался в город. И так велико было ожесточение мессен-

цев против своих поработителей, что воины Аристомена не щадили никого, кто пытался сопротивляться. И еще не занялась заря, а битва была уже окончена. Защитники Фарида лежали убитыми, а всех остальных жителей города Аристомен забрал в плен. Мессенцы окружили толпу пленных и погнали в Анданию. Рассвет застал их в пути.

Аристомен шел впереди. Вдруг он остановился, прислушался. Ему почудилось, что звякнуло копье. Он тотчас окликнул своих воинов и велел приготовиться к бою.

Тревога была не напрасной. Из тумана, пронизанного рассветом, выступили спартанские гоплиты и бросились на мессенцев. Аристомен увидел, что с гоплитами сам царь Анаксандр, и чуть не ослеп от ярости.

Битва была жестокой и короткой. Спартанские гоплиты побежали. Бежал и царь Анаксандр.

Аристомен ринулся было преследовать их. Но почувствовал, что он ранен. Рана была не опасная, однако кровь уходила и силы иссякали. И Аристомен поспешил домой.

Пленные спартанцы напрасно надеялись на освобождение. Мессенцы не выпустили их, и они шли — как бессловесное стадо — во вражескую землю. До сих пор спартанцы только поработывали других, а теперь они сами испытали, что такое рабство. Но они молчали, как всегда, и так же молча готовы были принять любые муки.

На время все затихло. Затихло и в Спарте — царь Анаксандр и спартанские старейшины

были напуганы. Победы Аристомена поражали их, им все это казалось непостижимым. Настолько непостижимым, что они стали подозревать: не боги ли вмешались в их дела, став на сторону Мессении?

В Мессении тоже пока ничего не предпринимали. Аристомен залечивал свою рану. Это вынужденное бездействие возмущало его. Но, лежа в постели, он обдумывал планы новых походов против ненавистой Спарты.

Аристомен знал, что он не сможет уничтожить это сильное, густонаселенное государство, уничтожить для того, чтобы Мессения могла жить спокойно. Но Аристомен знал также и то, что, пока он жив, он все силы отдаст для защиты Мессении от ненавистного врага.

Наконец рана зажила. И Аристомен, снова в медноблещущем шлеме, с копьем и щитом, во главе своего отважного войска выступил в поход. На этот раз его замыслы были очень дерзкими — он задумал напасть на саму Спарту, на главный город Лаконики, который раскинулся на холмах в самой середине страны.

Мессенцы шли за Аристоменом твердым шагом — не раздумывая, не сомневаясь. Они были так устремлены к победе, что и Спарта перед ними не могла бы устоять.

Но случилось непредвиденное. Только в стране, так населенной богами, как была населена ими Древняя Греция, могло это случиться. Аристомену вдруг явилась Елена. Та самая прекрасная Елена, жена спартанского царя Менелая,

из-за которой разгорелась Троянская война и была разрушена Троя. Призрак Елены встал перед ним. Подняв руку, Елена запретила ему идти дальше. Рядом с ней Аристомен увидел ее братьев Диоскуров — Кастора и Полидевка. Аристомен остановился.

— Диоскуры встали на моем пути — жди несчастья.

Он не хотел допускать поражения и боялся погубить свой отряд. Поэтому он тотчас велел повернуть обратно. И отряд молча отступил — с богами не спорят.

Однако Аристомен не собирался спокойно сидеть дома. Ему надо было хоть чем-нибудь догонять спартанцев. В Лаконике, недалеко от Спарты, в густом дубовом лесу находился храм богини Артемиды. Статуя Артемиды стояла под открытым небом. Здесь — перед этой статуей на зеленой полянке — по праздникам собирались спартанские девушки. Здесь они пели гимны Артемиде и танцевали священный лаконский танец...

Узнав, что девушки собираются на праздник к Артемиде, Аристомен устроил в лесу засаду. И как только молодые спартанки собрались к храму и запели, Аристомен нагрянул на них со своим отрядом и захватил в плен.

Аристомен отвел девушек в мессенскую деревню. И держал там, пока за ними не пришли из Спарты. Аристомен отпустил девушек, но взял за них дорогой выкуп. А это было так кстати обнищавшей Мессении!

Вскоре Аристомен задумал еще одно дерзкое дело.

В Лаконике был храм Демэтры — богини плодородия и всего, что растет, цветет и созревает на земле. Земли в Греции мало, по всему полуострову вздыбились горные хребты. И тем полям, виноградникам и оливковым рощам, которые возделывались на малоплодородной почве, нужно было особое и щедрое покровительство богов. Поэтому Деметра, богиня урожаев, особенно почиталась в Элладе. Во всех эллинских городах стояли ее храмы, и всюду в честь ее устраивались празднества.

Аристомен узнал, что как раз сегодня ночью в Лаконике женщины собрались на праздник Деметры. Он решил, что вот и еще случай взять со Спарты хороший выкуп. Он явился туда с небольшим числом своих воинов и ворвался в храм, чтобы захватить там самых богатых и самых знатных спартанок.

Но тут его неожиданно постигла неудача. Женщины принялись так отчаянно отбиваться, что с ними никак нельзя было справиться. Они били и воинов, и Аристомена вертелами, на которых жарится мясо, били мессенцев ножами, которыми разрезают его. Аристомен запретил убивать женщин, и не для убийства он напал на них. Но спартанки, закаленные гимнастическими упражнениями, так дрались, что мессенцы отступили. Многие были изранены, но они не могли поднять меча на женщин. Отряд Аристомена разбежался. А самого Аристомена разъ-

яренные спартанки избили факелами, связали и заперли в храме.

Мессенцы, ошеломленные всем, что случилось, собрались вместе и в смущении стали советовать:

— Как же нам выручить Аристомена? Стены храма крепки, их не разрушить. Надо спешить в Мессению, звать на помощь. Иначе спартанцы придут, схватят его и увезут в плен, в Спарту!

И чем больше думали они о том, что случилось, тем страшнее представляло перед ними будущее. Захватить женщин в храме — это казалось им веселой проделкой. А проделка эта обернулась трагедией. По всем странам пойдут насмешки над мессенцами: женщины одолели Аристомена, их героя Аристомена!

Отряд Аристомена поспешно вернулся в Анданию. Тотчас тревожная весть облетела город, пригороды и оттуда всю Мессению. Со всех концов Мессении, из всех городов поспешили в Анданию вооруженные отряды. Надо скорей идти и спасать своего вождя, пока в храм не явились спартанцы. А если они уже увели Аристомена, надо отбивать его силой.

Они тут же двинулись в Лаконику, туда, где находился храм Деметры. В пути их застигла ночь: было так тихо, что, казалось, если прислушаться, то услышишь, как звезды передвигаются по небосводу и как легкой поступью ходят нимфы по берегу ручья... Но мессенцы не прислушались, они спешили. Скалистая дорога гулко

отзывалась на их шаги, отсветы факелов металась среди зарослей густого маквиса.

Вдруг отряд остановился. Кто-то шел им навстречу. Огонь факелов мешал разглядеть, кто идет.

Человек шел быстрой, твердой поступью. Вот он уже близко. Мессенцы подняли факелы и осветили его. Это был Аристомен.

Мессенцы с криками ликования окружили его. Аристомен был весь в синяках, в саже, с черными следами веревок на руках и ногах, с растрепанными кудрями. Но глаза и зубы его блестели — он смеялся.

— Как же ты ушел?

— Пережег веревки. Там стояли светильники. Подошел к огню и пережег веревки на руках. И ушел.

— А стража?

— Стражи не было. Женщины побежали в Спарту. В храме осталась одна только жрица. А разве одна девушка могла удержать меня?

Когда спартанцы примчались к храму Деметры, Аристомена там уже не было. А как они веселились всю дорогу, как предвкушали свое торжество, какие насмешки готовили Аристомену!

— Разве могла я одна удержать Аристомена? — уверяла юная жрица, когда к ней подошли с допросом. — Он пережег веревки и ушел!

Ей не верили. Говорили, что девушка сама отпустила Аристомена. Был такой слух, что она

уже давно любила его Однако жрица твердила одно и то же он пережег веревки и ушел

И спартанцы в досаде ни с чем вернулись домой

Снова предательство

Наступил третий год второй Мессенской войны Готовилась большая битва.

К мессенцам снова пришли на помощь их давние союзники — аркадцы. Военачальником аркадского войска был царь Аристократ

Противники сошлись у Большого рва. Во главе своих войск в самом опасном и трудном месте стоял Аристомен

И вот наступил час Спартанцы двинулись на мессенцев Аристомен повернул к ним свои ряды Оба войска ошетинились копьями и сомкнули щиты приготовясь к схватке

И вдруг, когда противники готовы были броситься в битву, произошло что-то непонятное царь Аристократ неожиданно объявил, что аркадцев поставили в самой невыгодной для боя местности

— В случае поражения нам будет некуда бежать, мы все погибнем здесь! А поражение может случиться, ведь жертвы перед боем были неблагоприятны для нас. Я видел это!

Эти слова тотчас разнеслись по отрядам аркадского войска. Аркадцы заволновались, встревожились. Они не знали, что царь Аристократ тайно предал Мессению — Спарта подкупила его О такой подлости никто еще не слышал н

Пелопоннесе и никому не могло прийти в голову, что можно решать войну подкупом и обманом.

А царь Аристократ только и ждал подходящей минуты.

— Я не дам вам погибнуть! — крикнул он аркадцам. — Если будет безвыходно, я подам знак, а вы спасайтесь бегством!

И когда Аристомен двинул свои отряды на спартанцев, Аристократ подал аркадцам знак бедствия. И вот вся середина фронта и левое крыло, где стояли аркадцы, — все вдруг сломалось, спуталось, отступило, еще не начав сражения. Аркадцы бежали, не зная почему, не зная куда. Повинуясь команде своего царя, они в панике сбили мессенские ряды, расстроили их...

Мессенцы были поражены.

— Куда вы бежите?! Что вы делаете?! — кричали они аркадцам. — Предатели, безбожники, будьте вы прокляты! Остановитесь, ради богов! За что вы губите нас?! Остановитесь!

Но аркадцы, ничего не понимая, бежали. Мессенцы, покинутые союзниками, остались одни.

Аристомен со своим отрядом еще долго стоял и отбивался от тяжелого натиска спартанского войска. Мессенцы почти все погибли в этой битве. Остался лежать на кровавом поле Андрокл. Остался там и Финта. И так много мессенцев было убито, что живым уже не было надежды на спасение.

Аристомен отступил в Анданию. Спарта победила. Победила не в честном бою — победила подкупом и предательством.

Вернувшись в родной город, Аристомен собрал мессенцев.

— Оставим Анданию — сказал Аристомен с тоской в сердце, — оставим все наши города мы не в силах защищать их Уйдем на гору Эйру там мы еще можем спастись от врага

И они ушли к морю, на гору Эйру

Спартанцы тотчас поспешили за ними следом и начали осаждать Эйру Они думали, что теперь-то им легко будет захватить мессенцев

Однако мессенцы укрепились в городке, стоявшем на Эйре, и не собирались сдаваться.

Озабоченные дальнейшей судьбой отечества Аристомен и мессенский жрец Феокл побывали в Дельфах Они попросили совета у божества как им спасти Мессению?

Пифия ответила «Когда трагос напьется извильисто текущих вод реки Неда Мессению я больше не покрываю гибель близка»

«Трагос» по-гречески — «козел Получив такое предсказание мессенцы стали зорко следить за тем чтобы козлы не подходили к реке Неда которая протекала через тот приморский уголок земли которая еще принадлежала мессенцам Откуда может прийти спасение? Как и сколько еще времени сможет Мессения противостоять неизмеримо сильному врагу? Этого мессенцы не знали. Но знали и верили, что, пока трагос не напьется из Неда, они не погибнут.

Аристомен в кеаде

У мессенцев снова не стало отечества Только гора Эйра и приморская полоса возле нее в мессенской долине снова хозяйничали спартанцы

В отряде Аристомена собралось триста человек. С этим отрядом он вихрем пролетал по стране, ставшей чужой, захватывал, что удавалось, — хлеб, скот, оливки, имущество жителей и самих жителей, если те не успели скрыться. Мессенцам, живущим на горе, негде было сеять свой хлеб и растить свой скот. А имущество спартанцев и людей, захваченных в плен, Аристомен отдавал за выкуп.

Спартанцы негодовали:

— Мы засеваем поля, а урожай уходит на Эйру! Мы выращиваем скот, а мясо едят на Эйре! Сколько же можно это терпеть?

В Спарте началось волнение. Владельцы земель в Мессении требовали собрать войско и разгромить Эйру.

Аристомен предпринимал все более дерзкие набеги. Однажды он поздним вечером спустился со своим отрядом с горы. Скорым шагом они прошли прямо в Лаконику. На рассвете они неслышно вошли в лаконский город Амиклы. Жители спали, никому не могло прийти в голову, что Аристомен может явиться сюда.

Но Аристомен явился. Мессенцы разграбили город и ушли, исчезли с первыми лучами зари.

Тотчас из Амиклы помчались в Спарту гонцы. Но, когда из Спарты пришли войска, Аристомен уже был далеко.

Так проходили годы. Очень трудно жилось мессенцам на Эйре. Но они терпели. Лучше терпеть невзгоды свободными, чем ходить в ярме у спартанцев.

Аристомен по-прежнему не давал покоя Спарте нападал то на один город, то на другой. Его отряд пролетал по Мессении появлялся и в Лаконике. Спартанцы старались подкараулить Аристомена, поймать. Они проклинали его всеми проклятиями, устраивали засады в густом маквисе, в рощах на дорогах.

И наконец поймали.

Спартанцы окружили отряд Аристомена. Сила их была вдвое больше, даже оба спартанских царя были здесь.

Произошла жестокая схватка. Аристомен старался пробиться из окружения. Он был весь изранен, но продолжал сражаться со всей яростью, которая кипела в его сердце...

Может, и вырвался бы. Но кто-то ударил его камнем по голове и Аристомен упал. Тотчас спартанцы бросились на него толпой, навалились, связали. Им больше всего хотелось захватить его живым, чтобы потом казнить мучительной казнью. Вместе с ним спартанцы взяли в плен еще пятьдесят человек из его отряда.

В Спарте ликовали. Война окончена навсегда, мессенцы покорены и уничтожены. Мессения захвачена, Аристомен в плену. Смерть Аристомену, немедленная смерть!

— Как же казнить его? Как его казнить, чтобы смерть его была самой мучительной?

— Бросить в кеаду. Мучительней смерти, чем эта, нет.

В Греции, как и во всякой горной стране, бывали страшные дни, когда молнии раскалывали небо и горы и земля грозно сотрясалась,

разрушая деревни и города. Тогда люди спешили умиловить Зевса-Громовержца, который бросал на землю огненные стрелы молний и сотрясал землю. Устраивали ему праздники, приносили бесчисленные жертвы.

Зевс затихал на своем Олимпе. Над Элладой снова сияло лучезарное небо, и теплое море излучало синеву у изрезанных заливами берегов. Города и деревни вновь отстраивались. И только бездонные смрадные расщелины, оставшиеся на земле после землетрясения, напоминали о гневе великого Зевса. Эллины называли их кеадами.

В Лаконике существовал такой вот древний провал в земле. Туда спартанцы бросали трупы рабов. Туда же отправляли и государственных преступников. Страшнее этой казни люди не знали. Этой казни было решено предать и Аристомена.

Сначала в кеаду бросили мессенцев, захваченных вместе с Аристоменом. И все они тотчас погибли.

Вслед за ними в кеаду бросили Аристомена.

Но тут произошло чудо — Аристомен остался жив.

«...Аристомена и прежде хранил какой-то бог, — рассказывает Павсаний, — и теперь сохранил. Прославляющие Аристомена говорят, что, когда его бросили в кеаду, пролетел орел, охватил его крыльями и опустил вниз, так что Аристомен не получил ни одной раны, ни одной царапины».

Опомнившись в этой подземной тюрьме, Аристомен понял, что выхода отсюда нет. И спасти

его некому: Эйра далеко, и она бессильна. А его товарищи и соратники лежат мертвые рядом с ним.

Значит, все равно смерть.

Аристомен завернулся в свой грубый войлочный плащ, лег и стал ждать смерти. Всю жизнь он сражался за свободу отечества — и не победил. Победили те, кто презрел правду и справедливость.

Аристомен лежал не двигаясь. Здесь в темноте и нерушимой тишине могилы он не мог понять, сколько прошло времени. День ли на земле или ночь, утро или вечер...

Три дня и три ночи Аристомен лежал неподвижно на дне кеады. Он был бы счастлив, если бы пришла внезапная смерть. Но сердце билось в его крепкой груди сильно и равномерно, и жизнь в могучем теле не угасала. Начала мучить жажда, чем дальше, тем сильнее... Умирать придется долго, мучительно, тяжело. Счастливы умершие на поле боя!

Аристомен лежал неподвижно, а мука постепенно возрастала. Он лежал, стиснув зубы, чтобы не стонать. Он засыпал и просыпался. Сны его были страшными. И еще страшнее было пробуждение.

На третий день в мертвящей тишине своей смрадной могилы он вдруг услышал шорох. Аристомен откинул плащ с головы и стал всматриваться в темноту. Глаза, привыкшие к темноте, различили какое-то живое существо. Это была лисица. Она пробиралась к мертвым телам...

Сразу прояснился ум и по всем мускулам пробежала горячая искра жизни. Аристомен весь напрягся, как тетива лука; он ждал, когда лисица подойдет ближе.

Лисица, пригнувшись, подошла. Аристомен мгновенно схватил ее. Лисица старалась вырваться, бросалась на Аристомена. Но Аристомен одной рукой держал ее, а другую руку обмотал плащом и поставил ей. И лисица яростно кусала плащ, который прокусить было невозможно.

Потом он позволил ей бежать. Однако не отпустил ее совсем, а придерживал ей хвост. Лисица бежала, а он, в темноте, следовал за ней. Иногда ущелье становилось таким тесным, что Аристомен еле мог протиснуться. Иногда ему приходилось пробираться ползком, лежа на животе... Путь был трудный, извилистый. Но лисица знала, куда идет. И вдруг Аристомен увидел впереди свет. Сквозь небольшое отверстие в кеаду падало несколько голубых лучей.

Аристомен выпустил лисицу, и она тотчас исчезла, скользнув в сияющее голубое отверстие. Аристомен в это отверстие пролезть не мог. Но теперь уже силы кипели в нем. Он руками раскидал землю и камни, расширил отверстие. И вылез из кеады.

Аристомен оказался на высоком склоне горы. Он и сам не верил тому, что случилось. Он вырвался из могилы! Конечно, это боги помогли ему спастись!

Оглядевшись и отдышавшись, Аристомен тайными тропами поспешил на Эйру. А там уже оплакивали его. И, когда он неожиданно по-

явился на Эйре, ликованию мессенцев не было конца.

Очень скоро перебежчики донесли в Спарту, что Аристомен жив и снова на Эйре. Спартанцы были поражены, они никак не могли этому поверить:

— Этого не может быть! Это невероятно! Разве может человек воскреснуть? Это ложные слухи!

Но Аристомен доказал им, что слухи эти не ложны. И в том, что он жив, спартамцам вскоре пришлось убедиться.

Волки связали льва

В Спарте решили взять Эйру приступом. Знатные спартанцы, защищая свои владения в Мессении, настояли на том, чтобы разорить и уничтожить Эйру, уничтожить всех мессенцев. И тогда уже спокойно попользоваться урожаями мессенской земли.

Но городок Эйра на горе Эйре, в котором закрылись мессенцы, был почти неприступен. Взять мессенцев будет нелегко, а мессенцы решили отбиваться до последних сил.

Поэтому Спарта снова позвала на подмогу коринфян. Аристомен — опасный враг, лучше уж заранее заручиться поддержкой.

Аристомен энергично готовился принять осаду, вооружал горожан, укреплял стены. В это время разведчики донесли ему, что коринфяне уже спустились со своих гор и направляются в Спарту.

— А идут в беспорядке, строя не держат. И стан по ночам не охраняется, стражи не ставят. Идут, как по своей собственной земле!

Аристомен тотчас собрал воинов. И в ту же ночь отправился на дорогу, по которой шли коринфяне.

Свет костров показал мессенцам, где расположились на отдых коринфские гоплиты. Коринфяне беспечно сидели у костров, сняв с себя оружие. Многие спали, завернувшись в плащи. Военачальники коринфян — Инерменид, Ахладей, Идэкта и Лисистрат — тоже спали после трудного перехода. Они чувствовали себя в безопасности. Кого же им бояться? Мессенцы далеко — сидят, закрывшись, на горе.

Аристомен со своим отрядом тихо подкрался к коринфянам, окружил их. А потом внезапно напал на врагов, и пощады им не было. Почти все коринфяне леги здесь. И военачальники их были убиты.

Грозный и гневный стоял Аристомен среди поверженного вражеского лагеря и угасающих костров.

— Пусть знает Спарта, — сказал он, указав мечом на опрокинутый шатер коринфских вождей, — что здесь был Аристомен. И сделал это Аристомен!

Снова начались набеги мессенцев на поля и города, снова не стало покоя в спартанской Мессении.

Время шло. Приближался лаконский праздник в честь Аполлона. Во время этого праздника

спартамцам нельзя было вести никаких войн — так диктовали старые обычаи. Поэтому спартамцы заключили с мессенцами перемирие на сорок дней. И ушли в Аммиклу, где стоял их уродливый Аполлон, справлять свой праздник.

Однако по Мессенской долине по-прежнему шатались критские стрелки, нанятые Спартой для войны с мессенцами. Эти стрелки пришли из критских городов; больше всего их пришло из древнего города Лйтта. Жители Литта происходили от лаконцев и так же, как спартамцы, славились своей силой.

Аристомен считал, что раз заключено перемирие, то он может свободно выйти из своей крепости и спуститься в долину.

Семеро критских стрелков внезапно выскочили из кустов и схватили Аристомена. Аристомен пробовал сопротивляться. Но он был безоружен, а критяне были крепкими и сильными, как быки. Они связали Аристомену руки ремнями от колчанов и повели за собой. Они грубо смеялись, они ликовали:

— Поймали Аристомена! Поймали, поймали Аристомена!

Двое стрелков тут же отправились в Спарту, чтобы сообщить о своей нечаянной удаче. А остальные пятеро, не спуская глаз с Аристомена, повели его в ближайший лаконский дом.

Аристомен молча повиновался. Его захватили незаконно, во время перемирия. Но что скажет на это Спарта?

«Почему же незаконно? Перемирие заключили мы, спартанцы. Критские стрелки перемирия не заключали!» — вот что она скажет!

Аристомен молчал. Неужели конец?

Конец? Ну нет, этого не может быть. Если он смог уйти из кеады, неужели у него теперь на это не хватит ловкости и ума?

Аристомен, окруженный стрелками, вошел в дом. В доме этом жила вдова со своей дочерью. Аристомен поглядел на женщин сверкающими глазами. И девушка тихонько охнула, чем-то пораженная.

— Кто это? — тихо спросила она у матери

— Это Аристомен! — шепнула мать, еле переводя дух от такой неожиданности

Аристомен подметил их взгляды и не почувствовал в них вражды. Нет, эти женщины не были ему врагами. В глазах девушки даже горело восхищение. И он понял, что и в Лаконике не все сочувствуют этой неравной, несправедливой войне Спарты против Мессении.

Девушка отвела мать в дальний угол.

— Я сегодня видела сон, — взволнованно сказала она. — Мне снилось, будто по нашему полю волки вели льва. Лев был связан, а когти он потерял, ему нечем было защищаться. И вот я будто бы нашла его когти и дала их льву. А потом лев растерзал волков. Это, — девушка кивнула на Аристомена, — это лев. Я должна освободить его!

Мать молча согласилась. Сон — веление богов, а богам следует покоряться.

Между тем стрелки расположились в жилище вдовы, как у себя дома. Они издевались над Аристоменом и были очень веселы.

Аристомен пристально поглядел в глаза девушки, которая и сама не спускала с него взгляда. Что она должна сделать? Что она может сделать? «Принеси им вина, — хотел сказать Аристомен. Но не мог, стрелки сидели рядом. — Усыпи их!»

И девушка поняла. Она сделала веселый вид, что, дескать, и сама рада такой удаче — поймали Аристомена! Она принесла вина и принялась угощать стрелков.

— Пейте, пейте! Вы заслужили и не такого угощения. Пейте, я принесу еще. Как не выпить при такой радости?

Стрелки принялись пить. Напились да тут же и уснули. Почему им не выпить и не уснуть? Аристомен в их руках. А ремни от колчана так крепки, что никакому силачу не разорвать.

Как только стрелки повалились и храп наполнил дом, девушка подошла к одному из них и тихонько вынула из ножен его меч. Она перерезала ремни, освободила Аристомена и меч отдала ему. С мечом в руках Аристомен бросился к своим врагам и тут же убил их одного за другим.

— Как мы теперь останемся здесь! — испугалась вдова. — Нас ждет гибель.

— Вы не останетесь здесь, — сказал Аристомен, — вы уйдете со мной на Эйру!

Дом вдовы опустел. Когда спартанцы и критские стрелки спешно прибыли сюда, они на-

шли в доме только неподвижные тела своих товарищей.

А девушку Аристомен тогда же выдал замуж за своего сына, молодого Горга.

Трагос напилась из Неда

Эта неравная борьба, когда могущественная Спарта, да еще с помощью союзников и наемных стрелков, сражалась с горсткой мессенцев, длилась целых десять лет. Десять лет терпели на Эйре осаду мессенцы, десять лет Аристомен боролся как мог с врагом за свободу своей родины. Но на одиннадцатом году осады Эйре суждено было погибнуть.

Однажды Феокл пришел к Аристомену и сказал:

— Пойдем со мной.

Аристомен сразу заметил, что Феокл бледен и чем-то подавлен. Предчувствуя беду, он молча последовал за жрецом. Феокл привел Аристомена на берег Неда. Здесь издавна стояла дикая смоковница. Много лет она стояла прямо, веселая, серебристая. Но постепенно смоковница согнулась, ветви ее поникли. Люди и не заметили, как она состарилась.

Феокл указал на смоковницу:

— Видишь?

— Вижу

— А ты помнишь, что предсказала нам Пифия, когда мы с тобой были в Дельфах? «Когда трагос напьется извилисто текущих вод Неда, Мессену я больше не покрываю...»

— Я понял, — прошептал Аристомен и поник головой.

Дело в том, что все эллины дикую смоковницу называли олинфой. А у мессенцев она называлась трагос. Пророчество исполнилось: ветви смоковницы касались воды — трагос напилась из Неда.

Погибель близка...

— Я увидел это и никому не сказал, — мрачно произнес Феокл. — Но ты должен об этом знать. Время наше исходит.

— Вижу, что никакой надежды больше нет, — сказал Аристомен.

Надо думать, что делать теперь.

Так, готовя окончательную гибель Мессении, дельфийцы отняли у Аристомена последние надежды. А без надежд на победу кто победит?..

У мессенцев хранился тайный талисман. Это были тонкие оловянные таблички, а на них написаны таинства обрядов Деметры и других почитаемых эллинами богинь. Когда-то прародитель мессенских царей — царь Лик — предсказал мессенцам:

— Если утратите это и откроете врагу эту тайну, Мессения погибнет навеки. А если сохраните, что бы ни случилось, мессенцы вернутся на свою землю.

Был этот царь Лик на свете или нет, никто не знает. Но мессенцы верили в его талисман: это давало им силы бороться, это поддерживало их веру, что родина будет им возвращена.

Знал об этом предсказании и Аристомен. Он дождался ночи и, взяв талисман, тайно отправился на гору Итому. Он хорошо знал свои

родные горы. Отыскав на Итоме самое глухое место, зарыл талисман. Там он молился Зевсу и всем богам:

— Зевс, покровитель Итомы! Боги, охранявшие Мессению! Молю вас, будьте хранителями этого залога, не отдайте его в руки лаконцев. Это единственная наша надежда на возвращение в отечество!

А потом долго прислушивался — не ответят ли ему боги? В мерцании звезд, в шуме ручья и деревьев ему слышался невнятный ответ богов. Но он не мог понять, что они ему отвечали...

Вскоре после этого начались бедствия.

Городок Эйра не вмещал всех мессенцев, бежавших от лаконцев. Много их поселилось за стенами городка — по склону горы, на берегах Неда.

Здесь — недалеко от Неда — пас коров пастух. Этот пастух бежал из Лаконики от своего хозяина, богатого спартанца Эмперáма. Но теперь, видя, что жизнь у мессенцев не сулит радостей, стал думать, как бы ему заслужить прощение Эмперама и вернуться в Лаконику.

Мессенские женщины ходили на реку за водой. Однажды этот пастух подкараулил жену одного мессенца, который жил на горе, у самой городской стены. Лстивыми и лживыми разговорами, подарками, которые он стал приносить ей, пастух добился доверия этой женщины.

Потом пастух стал приходить к ней в гости и все высматривал, хорошо ли укреплен город. Охраняется ли? Сам он в город войти не мог, потому что, кроме мессенцев, туда никого не пускали.

Город был укреплен и хорошо охранялся. Муж этой женщины каждую ночь уходил в дозор. И пастух теперь уже знал, что мессенцы несут стражу по очереди, знал, когда приходит ее муж со стражи и когда уходит снова. Пастух приходил, высматривал, выводывал. А женщина думала, что этот человек влюбился в нее и теперь просто жить без нее не может.

Однажды пастух поздно вечером отправился на гору. Шел сильный дождь, ноги скользили, идти было трудно. Но пастух, привыкший и к жаре и к холоду, непогоды не боялся. «Приду — обсушусь, обогреюсь, — думал он, — а что дождь и тьма, так это еще и лучше, меня никто не увидит».

Он подошел к знакомому дому и остановился.

В окне горел свет, и слышались голоса. Пастух подкрался, заглянул в окно. Он тотчас увидел мужа, который сидел и сушился у огня «Почему он дома? — удивился пастух. — Ведь сегодня его очередь сторожить!»

Он приник к окну и стал подслушивать. Ливень так шумел, что пастух мог не опасаться — в доме его услышать не могли. Зато ему было хорошо слышно, о чем говорил мессенец со своей женой.

— Льет как из бочки, — говорил он, — никаких сил нет стоять на стене. Стену строили наспех, ни башен, ни укрытий... Промокли все до костей.

— Тебя на всю ночь отпустили? — спросила жена. — Или ты пришел только отогреться?

— Мы сами себя отпустили, — ответил муж, — не я один ушел, все ушли. Да и кто вздумает прийти на Эйру в такую ночь? Сейчас опасаться нечего.

Пастух, услышав, что городские стены остались без стражи и никем не охраняются, тотчас ринулся бежать. Он бежал под грозовым ливнем, скользил, падал, вскакивал и снова бежал. Он бежал в лаконский стан, осаждавший Эйру. Спартанских царей в лагере сейчас не было, а начальником войска оставался Эмперам, бывший господин этого пастуха. Пастух торопился к Эмпераму сообщить, что Эйра беззащитна и что надо только прийти и взять...

За эту услугу он надеялся получить прощение и вернуться в Лаконику.

Эйра была беззащитна, и Аристомен не знал об этом. Обычно он каждую ночь обходил все посты, проверяя, на месте ли стража. Но теперь он лежал раненый — у него только что произошла схватка с лаконцами — и не мог встать с постели.

К Аристомену ехал гость — кефалленийский купец. Он вез в Эйру всякие необходимые припасы. Критские стрелки в дороге напали на купца. Аристомен отбил купца, отнял у стрелков все его товары. Но сам не уберёгся — его ранили, и рана теперь сильно болела.

Эйра была беззащитна, жители спали под грохот ливня, стража ушла по домам.

А спартанские отряды уже шли к Эйре своей железной поступью.

Последняя битва

Пастух, перебежчик и предатель, сам повел на Эйру спартанское войско. Он хорошо знал дороги и тропинки, ведущие туда.

Густая тьма словно придавила землю. Дождь лил не переставая. И долины, и горы — все утонуло в этом ливне и темноте.

Идти было трудно. Но спартанцы шли скорым шагом, одержимые одной мыслью, одним непоколебимым решением — взять Эйру и уничтожить мессенский народ.

На Эйре первыми услышали врага собаки. И не залаяли, как всегда, услышав чужого, а завыли, как воют они, чуя большую беду. Они выли по всей горе, по всему городу, выли не умолкая. Их зловещный вой разбудил Эйру. Поднялась тревога, мессенцы под проливным дождем выбежали из домов, бросились к городским стенам...

Но было поздно. Спартак уже лезли по стенам в город. Они лезли по приставным лестницам, карабкались кто как мог и уже сваливались на городские улицы, гремя щитами и копьями...

Мессенцы хватали оружие, какое попадало под руку, и бросались в битву. Они понимали, что победить уже нет никаких надежд, но все-таки из всех сил старались отстоять Эйру.

Первым узнал, что враги в городе, молодой Горг, сын Аристомена, и сразу же бросился в сражение. Аристомен, забыв о своей ране и страданиях, тотчас вступил в битву. Но Аристомен знал, что битва эта — последняя. Знал об этом и Феокл.

«Когда трагос напьется извилисто текущих вод Неда, Мессению я больше не покрываю: погибель близка».

Они знали об этом только двое. И если еще надеялись отстоять Эйру, то это была надежда отчаяния. Под холодным проливным дождем, который обрушивался сплошным потоком, слепил глаза и гасил факелы, Аристомен и Феокл бросались то в один конец города, то в другой, призывая мессенцев не сдаваться.

Битва шла в кромешной тьме, и не сразу можно было понять, где свои и где враги. Но голос Аристомена был слышен повсюду, и ни шум дождя, ни раскаты грома не могли заглушить его.

Битва прервалась как-то сама собой. Спартанцы не знали города, не знали расположения его улиц и поэтому не могли захватить его сразу.

Мессенцы тоже не могли ничего сделать. Их полководцы, захваченные врасплох, не успели договориться, как им защищать город... Ливень и темнота мешали сражаться.

Но вот наконец наступило утро. И мессенцам, когда они увидели, сколько спартанского войска в их городе, стало ясно, что выгнать врага у них не хватит силы.

Однако Аристомен и Феокл не хотели смириться и покориться Спарте.

— Отстоим Эйру — единственное, что осталось от нашей Мессении! Не станем рабами Спарты!

Речи эти были как пламя. И мессенцы с отчаянной храбростью снова бросились в битву

со спартанцами. Тут и женщины мессенские ополчились на врагов.

С кирпичами и камнями в руках они взбирались на крыши и оттуда как могли сокрушали врага. Но буря и дождь не унимались, и на крышах нельзя было удержаться. И тогда женщины взялись за оружие.

«Когда мессенцы увидели, что их жены желают лучше погибнуть вместе с отечеством, — рассказывает Павсаний, — чем быть отведенными в рабство, это зажгло в них еще большую отвагу. И они могли бы отклонить судьбу, но бог послал непрерывный ливень и с ним ужасные раскаты грома и молнию, сверкавшую прямо в глаза...»

Спартанцы оказались в более выгодном положении. Молния сверкала мессенцам в глаза, ослепляла их, и они часто не видели ничего перед собой. Спартанцам же молния не мешала сражаться.

— Смотрите! — торжествующе кричал спартанский жрец Эка. — Боги помогают нам! Молния справа — счастливое предзнаменование! Спарта победит!

Этот же Эка придумал, как облегчить спартанскому войску битву. Спартанцев было несравнимо больше, чем мессенцев. Но в узких улицах Эйры сражаться строем было нельзя. Они разбились на отряды по всему городу. А когда передние ряды сражались, задние ряды стояли без дела. Вот этим, стоявшим без дела, Эка приказал уйти в стан, поесть, поспать. А потом со свежими силами вернуться в город и сменить

уставших бойцов. Так они и чередовались — отдыхали и сражались снова.

У мессенцев же отдыха не было. Их некому было сменить, и им негде было отдохнуть. Буря не затихала ни на минуту. И так — под грозой, под холодным ливнем, без сна, без еды — мессенцы сражались три дня и три ночи. Они отбивались, не опуская рук. Спартанцы не давали им передышки. У женщин, непривычных к войне, уже не было больше сил. Голод, жажда, нечеловеческая усталость одолевали несчастных защитников Эйры. Аристомена мучила рана так, что кровавая тьма порой застилала ему глаза.

Видя все это, жрец Феокл безнадежно опустил меч и подошел к Аристомену.

— Зачем страдать напрасно? — сказал он. — Мессении определено пасть: Пифия предсказала нам гибель — трагос напилась из Неда. Бог ведет меня к концу вместе с отечеством. А ты, пока жив, спасай мессенцев, спасай себя!

Феокл сказал это, снова взмахнул мечом и бросился в самую гущу битвы.

— Не вечно вам угнетать мессенцев! — кричал он. — Не вечно!

И, яростно размахивая мечом, он принялся разить спартанцев. Так, в самой жаркой битве, Феокл был смертельно ранен. Он упал и умер среди груды тел убитых им врагов.

Аристомен, увидев, что его друг и соратник погиб, понял, что дальше бороться бесполезно. Ни доблесть, ни мужество, ни горячая до отчаяния любовь к отчизне не спасут Мессению. Усталым, охрипшим от горя голосом он отдал при-

каз. Те доблестнейшие, что еще сражаются, пусть продолжают битву. А всем остальным мессенцам он велел взять женщин и детей и следовать за ним. Охранять тыл он поставил своего сына Горга и отважного воина Мантíкла, сына Феокла.

Аристомен вышел вперед и встал перед вражескими рядами. Он стоял бледный, с погасшим взором, с высоко поднятой головой. Не глядя на врагов, которых ненавидел и презирал, Аристомен опустил свое копье. Этим он показал, что оставляет город и требует пропустить их. Спартанцы молча расступились.

— Не надо доводить ожесточенных людей до последнего отчаяния, — сказал Эка военачальнику Эмпераму.

Но Эмперам и сам не решился бы в такой час поднять на них руку.

Аристомен первым вышел из города. Выйдя из ворот, он сразу поник головой, будто не в силах больше держать тяжесть своих тронутых сединой кудрей.

Мессенцы, подавленные, печальные, покорившиеся несправедливой судьбе, последовали за ним. Женщины громко заплакали, и плач их еще долго мешался с шумом и грохотом дождя...

Так покинули мессенцы свой последний город. Им больше не было места на Пелопоннесе.

Расплата за предательство

Весть о том, что спартанцы взяли Эйру, разнеслась по всей Элладе. Пришла она и в Аркадию. Аркадцы заволновались. Они подступили к

своему царю Аристократу и потребовали, чтобы он немедленно вел их спасти мессенцев.

— Пойдем и защитим мессенцев или погибнем вместе с ними!

Но Аристократ отказался. К удивлению аркадцев, он был как-то странно безразличен.

— Зачем мы пойдем туда? — сказал он, глядя в сторону. — Ведь еще неизвестно, остался ли там кто-нибудь, кого нужно защищать.

Но вскоре в Аркадии стали появляться люди, бежавшие из порабощенной Мессении. Аркадцы узнали, что мессенцы, вынужденные покинуть Эйру, остались без крова и без пристанища.

Царь Аристократ слушал это и словно не слышал. Словно и не был он союзником Мессении, обязанный ей помогать. Тогда аркадцы сами, без царя, решили позвать к себе мессенцев. В Мессению отправились самые знатные люди, чтобы успокоить мессенцев и проводить их в Аркадию. Аркадцы заготовили для мессенцев одежду, припасли всякой пищи. И толпой вышли на гору Ликей встретить своих несчастных союзников.

Мессенцы, голодные, измученные битвой и лишениями, продрогшие под непрерывным дождем, с детьми на руках и без всякого имущества, пришли в Аркадию. Все аркадские власти и старейшины встретили их ласковыми речами, накормили их и успокоили как могли. Они не забывали своей вины перед мессенцами в битве у Большого рва. Они не могли без стыда вспомнить, как бежали оттуда, как смешали боевые ряды мессенцев, как оставили их одних на поле

боя... И до сих пор не могли понять: почему это все так случилось? Они же пришли помочь мессенцам — и погубили их... Почему?

— Живите у нас, — сказали мессенцам аркадцы, — селитесь в наших городах. Мы, если хотите, согласны отдать вам часть нашей земли!

Царь Аристократ присутствовал при этом. Но и здесь никто не слышал его голоса.

Так мессенцы расселились по аркадским городам. Жизнь понемногу наладилась. Люди принялись за обычные работы. Мессенцы были благодарны за все, что сделали для них аркадцы. Но ни радость, ни веселье не возвращались к ним. Только дети не тосковали среди суровых скал и каменистых аркадских долин по светлым полям плодородной Мессении — для детей мир всегда и везде волшебен и прекрасен.

Не был спокоен и Аристомен. Тоска по родине, боль за мессенскую землю, которую он не мог отстоять, ненависть к Спарте — все это не давало ему жить, не давало дышать. Теперь, когда раны его закрылись и он снова может держать в руках меч и копье, будет ли он только сидеть и плакать о том, что они потеряли? Нет.

Прошло немного времени, и Аристомен собрал отряд в пятьсот человек самых отважных мессенцев, в любую минуту готовых пойти по его зову. Потом он попросил собраться всех знатных аркадцев, чтобы рассказать им о том, что задумал. Аркадцы и мессенцы собрались на площади. Пришел и царь Аристократ

— Я задумал сегодня вечером напасть на Спарту, — сказал Аристомен, — сейчас спар-

танцы грабят Эйру, уносят и увозят наше добро, а сама Спарта не защищена. Я хочу пойти и захватить Спарту. И вот я спрашиваю вас сегодня, — обратился он к мессенцам, — хотите ли вы отомстить за Мессению, если даже придется умереть?

— Хотим отомстить! — в один голос ответили все пятьсот человек. — Идем за тобой!

Тут же к ним присоединились еще триста человек аркадцев.

Аристомен решил выступить в поход в этот же вечер. Медлить было нельзя, спартанское войско, разграбив Эйру, может скоро вернуться домой. Но отправиться на битву, не принеся жертвы богам, тоже нельзя.

Жертву принесли. Жрецы посмотрели — жертва не сулила добра. Поход отложили на завтра.

А на завтра оказалось, что в Лаконике уже все известно — и о том, что Аристомен собрал большой отряд, и о том, что он собирается захватить Спарту.

В Аркадии поднялся шум:

— Кто донес? Кто тот изменник, что предал нас?

— Уж не тот ли, кто заставил нас бежать и бросить мессенцев у Большого рва?

Поведение царя Аристократа давно казалось аркадцам странным и подозрительным. И там, в битве у Большого рва. И теперь, когда они звали его на помощь мессенцам, а он отказался помочь им.

Вдруг вспомнили, что вчера, сразу после собрания, Аристократ посылал куда-то своего преданного раба. Куда?

Раба видели — он пошел в сторону Лаконики. Так зачем Аристократ послал его туда? Раб пойдет обратно из Лаконики, решили аркадцы, мы его поймем на дороге и все узнаем.

Аркадцы так и сделали. Несколько человек спрятались в расщелине горы, на пустынной дороге, где должен был проходить любимый раб Аристократа. Они долго и терпеливо ждали. Наконец в тишине на каменистой дороге послышались шаги. Это шагал тот, кого они поджидали. Аркадцы выскочили из ущелья, схватили раба, обыскали. И нашли письмо, которое он нес царю Аристократу.

«Как прежде твое бегство в сражении у Большого рва не осталось без вознаграждения, так и теперь ты получишь благодарность Спарты за настоящее предупреждение...» Это писал Аристократу спартанский царь Анаксандр.

Аркадцы связали раба, чтобы он не успел убежать и предупредить Аристократа, и приволокли его в город. Письмо Анаксандра было прочитано перед всем народом. Буря зашумела на площади — такое возмущение и негодование вызвало у аркадцев это письмо!

— Вот почему Аристократ увел нас с поля битвы у Большого рва!

— Вот почему он предал Аристомена и покryл нас позором!

Мессенцы молча обернулись к Аристомену. Слышит ли он? Понимает ли, что произошло? Что он сейчас скажет, что он сделает?

Аристомен не сказал ничего. Он стоял, опустив глаза, и плакал.

И тут площадь словно взорвалась:

— Смерть Аристократу! Смерть предателю!

Острые увесистые камни полетели в царя Аристократа. Аристократ кричал, заслоняя руками голову, умолял пощадить его. Но камни летели до тех пор, пока Аристократ не упал и не умолк навеки.

Аркадцы с омерзением вытащили из города тело царя-предателя и выбросили со своей аркадской земли. Они даже хоронить его не стали.

В Аркадии есть гора Ликей. Аркадцы называли ее Олимпом и Священной Вершиной. Они верили, что на этой горе нимфы выкормили Зевса. Здесь стоял храм Зевса Ликейского. В округе этого храма аркадцы поставили мраморную колонну. И на ней написали:

Время нашло правду против несправедного царя.

С Зевсом легко нашло предателя Мессены.

Трудно укрыться от бога мужу клятвопреступному

Радуйся, царь Зевс, и храни Аркадию!

После того как замыслы Аристомена завладеть Спартой были раскрыты, один из мессенских военачальников, муж сестры Аристомена Эвергетид, собрал отряд в пятьдесят человек и пошел на Эйру.

Спартанцы грабили Эйру. Они везли и тащили в Спарту мессенское добро — хлеб, оливки, масло, вино... Занимали мессенские жилища.

Эвергетид со своим отрядом явился на Эйру. И тут спартанцы заплатились за свое преждевременное торжество. Много спартанцев осталось лежать на ограбленной ими земле.

Но и сам Эвергетид не вернулся из этого похода. В битве за родину отдал он свою жизнь.

Так окончилась вторая Мессенская война. Эта война длилась почти семнадцать лет.

Скитания

От мессенского побережья отошли печальные корабли. Последние жители Мессении покидали родину.

Корабли эти снарядил сам Аристомен. Мессенцы отправлялись на поиски свободных, еще никем не занятых земель, чтобы там поселиться.

Звали с собой и Аристомена:

— Пойдем с нами! Будь нашим вождем!

Но Аристомен не согласился покинуть Пелопоннес.

— Пока я жив, буду воевать со Спартой. Я еще немало бед придумаю для них. А вождями вашими пусть будет Горг, мой сын, и сын Феокла, доблестный военачальник Мантикл.

Так мессенцы ушли из Мессении. Ушли все кто мог. Остались только те, кого спартанцы взяли в плен в последней битве при Эйре. Остались те, кто не успел прийти на корабли. Остались старые, немощные, которым не под силу было преодолеть трудных дорог изгнания. И все, кто остался, потеряли свободу: спартанцы сделали их своими илотами.

Зиму изгнанники провели на элейском побережье, в небольшом селении Киллена. Здесь, в тихой бухте, они поставили на якорь свои корабли.

Элейцы, сочувствуя мессенцам, кормили их, снабжали всем, что было им необходимо.

Ближе к весне утихли зимние морские бури, и голубой залив, словно открытая дорога в широкий мир, засиял перед ними. Мессенцы стали думать и решать, куда им направиться дальше.

— Надо занять остров Закѳнф, — говорил Горг, сын Аристомена, — будем жить на острове и нападать с моря на лаконские берега!

Но Мантикл не соглашался с ним:

— Надо ехать в Сардинию. Это большой остров. Там хорошая земля, много родится хлеба и винограда. Нам известно, что оттуда постоянно везут на продажу воск, смолу, мед... Там в горах много мрамора. Говорят, есть и золото, которого даже и выкапывать не надо — реки выбрасывают его на берег. Этот остров прямо создан для счастливой жизни!

— Все так! — угрюмо отвечал Горг. — Но ты забываешь, что там в горах живут полудикие племена и что они постоянно разоряют и грабят земледельцев. Так неужели достойнее сражаться с ними, чем со Спартой? Мы можем поселиться на Закинфе в лесах. Лесные богатства, сам знаешь, не хуже других богатств. Мы останемся среди волн своего родного моря и будем постоянно грозить Спарте и мстить ей!

Пока вожди спорили и советовались, в гавань вошел корабль из Рѳегия.

Это были послы от регийского царя Анаксилая.

Анаксилай, владевший Регисом, был мессенец. Он был потомком Алкидамыда, того военачальника, который еще во времена первой Мессен-

ской войны воевал вместе с Аристодемом. После того как умер Аристодем и Спарта взяла Итому, Алкидамид ушел из Мессении и поселился в Регее, на итальянском берегу. Вместе с ним ушло тогда и много мессенцев, согнанных Спартой с родной земли.

Но на чужом берегу, где поселились изгнанники, где распахали землю и построили новые города, они никогда не забывали, что родились в Мессении. И теперь, узнав, что их братья и земляки-мессенцы находятся в Элейской гавани и не знают, где найти пристанище, Анаксилай позвал их к себе. Еще раз обсудив свое положение, мессенцы покинули родной Пелопоннес, направив корабли к берегам Италии.

Через всю итальянскую землю проходит высокий хребет Апеннинских гор. На берегу моря, в том месте, где оканчивается этот хребет, раскинулся город Левкопётры — «Белая скала». Сюда подошли мессенские корабли.

Это были владения царя Анаксилая.

Регий был тогда знаменитым и могущественным городом, подчинившим себе многие соседние города. Земли его простирались от пролива, разделявшего Италию и Сицилию, до реки Гáлек, за которой начиналась Локрída. Густые, дремучие леса, хранившие много сырости, стояли на регийском берегу. Рассказывают, что здесь из-за обильно выпадающей росы даже не поют цикады.

Анаксилай принял мессенцев как друг. И когда мессенцы отдохнули и огляделись, то стали все вместе советоваться и думать о том, где им поселиться.

— Вот что я скажу вам, — обратился к мессенцам Анаксилай, — у меня постоянная война с жителями Занклы, что на Сицилии. Это лучший город на всем острове. А остров этот самый большой и самый богатый в нашем море...

Но тут кто-то из мессенцев перебил его и напомнил, что на острове есть опасная гора Этна, которая вдруг начинает дышать огнем и заливать кипящей лавой окрестные поля...

— Да, — согласился Анаксилай, — это бывает. После того как подземный огонь оторвал Сицилию от Италии, все стало тише, теперь землю уже не так трясет. Но заметьте, что от злаков, которые растут на покрытых вулканическим пеплом лугах, овцы у них становятся такими тучными, что задыхаются от жира. И время от времени приходится пускать им кровь из ушей.

— А как же пашни? Не вредит ли им лава?

— Да, лава становится как камень. Приходится вырубать ее. Но в пепле Этны есть какое-то чудесное свойство — на нем буйно растут виноградники. На острове множество рек и ручьев. Есть даже горячие источники, дающие здоровье. Там большие леса. Множество рудников. А хлеба, меда, шафрана и скота еще больше, чем у нас в Италии!

Мессенцы задумались. То, что говорил Анаксилай, их поразило. Они согласны переселиться в Сицилию. Но как взять Занклу?

— Мне надоело воевать с ними, — сказал Анаксилай, — помогите мне покорить их, и я отдам вам эту страну.

Горг и Мантикл после недолгого совета согласились помочь Анаксилаю. Что делать — надо было воевать, чтобы найти пристанище для своего народа.

Война была успешной. Анаксилай подступил к Занкле с моря. Мессенцы подошли к городу по суше. Общими силами они окружили город и разрушили городскую стену. Занклийцы бросились под защиту своих храмов и священных жертвенников, моля о пощаде.

Анаксилай, раздраженный их долгим сопротивлением, сказал мессенцам:

— Перебейте их всех! А их жен и детей возьмите в рабство.

Но Горг и Мантикл возмущенно отвергли это.

— Нет, — сказали они, — мы сами вынесли слишком много бедствий и поэтому не должны так безбожно поступать с другими.

Воины подняли побежденных от жертвенников и алтарей. Они заключили с занклийцами союз и скрепили его взаимной клятвой.

Победители и побежденные стали жить вместе.

И только в одном мессенцы проявили свою волю: город Занклу они назвали Мессеной, в память своего родного города. В этой новой Мессене Мантикл построил храм Гераклу и поставил его статую.

Люди называли эту статую Геракл-Мантикл.

Так мессенцы нашли пристанище на чужом берегу. По совету Анаксилая они заняли побережье, отеснив варваров в глубь острова. А

варварами эллины называли всех, кто не говорил на их родном греческом языке.

Но никогда мессенцы не забывали своей родины и никогда не оставляли надежды вернуться в свои родные мессенские города.

Аристомен умер

Аристомен остался в Аркадии. Он все еще старался мстить Спарте. Но воинов с ним было мало, и большого урона спартанцам они нанести не могли. Да и силы у Аристомена были уже не те. Так много лишений, так много горя пришлось ему испытать, что ни славное его копье, ни знаменитый щит, охваченный крыльями орла, не могли вернуть ему прежних отчаянных дерзаний и побед.

Аристомен не жаловался. Но он был глубоко печален. Он понимал, что жизненный путь его идет к концу и что пора позаботиться о своей семье, которой он был опорой и защитой. Он выдал замуж двух своих дочерей. Выдал замуж и сестру, которая осталась вдовой после гибели Эвергетида. А сам, взяв с собой третью — младшую — дочь, отправился в Дельфы. Он не знал, как жить ему и что ему делать дальше, и по старому обычаю решил посоветоваться с богом.

Здесь, около дельфийского святилища, Аристомена встретил царь Дамагит, прибывший с острова Родоса. Дамагит тоже пришел в Дельфы за советом: пусть божество скажет, на ком ему жениться.

Пифия ему уже дала ответ: «На дочери лучшего из эллинов».

Увидев Аристомена, Дамагит обрадовался. Вот он лучший из эллинов! Слава Аристомена была велика, все окрестные страны и острова знали как беззаветно он сражался за свою Мессению И его, хотя и побежденного, считали великим героем.

Дамагит узнал, что с Аристоменом здесь и его дочь. Еще не видя ее, он попросил Аристомена отдать дочь ему в жены. А когда увидел синеглазую дорянку с ее сверкающим взглядом и ливнем золотистых кудрей, то уже испугался как бы Аристомен не отказал ему

Аристомен не отказал: молодой царь понравился ему. Он выдал свою дочь за Дамагита и отправился с ними на Родос

Остров Родос, цветущий и прекрасный, окруженный светлым сиянием теплого моря, называли «Невестой солнца» Нигде не видел Аристомен такого изобилия в садах и на полях Тонкие ветки олив гнулись под тяжестью сочных плодов Вечнозеленые лавры и олеандры теснились в долинах То здесь то там струились, выбиваясь из скал горячие целебные источники И всюду цвели розы. Розы цвели столь пышно и обильно что и самому острову дали название — «Остров роз»

Можно бы тихо и счастливо дожить здесь свою жизнь.

Но Аристомен снова задумывал большие дела

— Ни один эллинский город не помог нам отстоять Мессению Теперь пойду за помощью к

варварам. Поеду в Сарды, к лидийскому царю Ардису, сыну Гйга. Этот царь богат, у него много золота, он поможет набрать наемников. А оттуда — в мидийское царство, в Экбатаны к Фрабурту. У Фраорта большое войско, он не откажется помочь мне выгнать из Мессении трижды ненавистных спартанцев!..

Дамагит любил и уважал Аристомена. Он гордился родством с ним. Он знал, о чем думает Аристомен. Но видел, что Аристомену уже не под силу ни дальние странствия, ни тяжелые битвы.

— Ты много сделал для своей родины, — говорил ему Дамагит, — ты имеешь право отдохнуть. Разве здесь, на Родосе, ты на чужбине? Ты же знаешь, что эллины живут здесь с давних времен. И не варварскую речь ты слышишь здесь, но речь эллинов!

Аристомен не слышал слов Дамагита. Имеет право отдохнуть? Отдыхать, в то время как Спарта поработила Мессению? Нет Он такого права не имеет. Вот соберется с силами и отправится в путь.

Аристомену не пришлось осуществить задуманное. Силы его покидали. Мучили старые раны.

А тут еще началась какая-то изнурительная тяжелая болезнь. Эта болезнь оказалась сильнее вражеских мечей. Она свела его в могилу.

Все жители Родоса провожали прах Аристомена. Дамагит горько оплакивал его.

Аристомену поставили памятник. И стали воздавать умершему вождю почести, какие воздаются героям-полубогам.

ТРЕТЬЯ МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА

Месть Посейдона

Отец олимпийских богов Кρόнос знал, что один из его сыновей восстанет против него. Чтобы избежать этого, он пожирал своих детей, как только они рождались.

Последнего своего ребенка Рея, жена Кроноса, скрыла от него. Она ушла на остров Крит и там, в пещере, родила Зевса. А Кроносу вместо ребенка дала спеленатый камень. Кронос проглотил камень и ничего не заметил.

Зевс вырос, стал могучим богом, явился к отцу и победил его. Он заставил Кроноса вернуть проглоченных братьев и сестер: Посейдона, Аида, Геру, Гестию и Деметру. Боги поселились на высокой вершине горы Олимп. А власть над миром они разделили между собой. Зевс стал властителем неба, земли, людей и богов. Аид получил подземное царство — царство мертвых. Гестия стала богиней жертвенного огня и огня домашнего очага, покровительницей городов. Деметра взяла на себя заботу обо всем, что произрастает на земле. А Посейдон стал богом морской стихии. Он мог одним взмахом своего трезубца и вызвать бурю, и усмирить ее. Он мог наказывать людей, посылая на них со дна моря огромных змей. Иногда он всплывал на поверхность моря в колеснице, запряженной буйными, как вихрь, морскими конями — гиппокампами, и мчался по волнам, окруженный свитой. А в свите его были тритоны, nereиды.

Сейчас мы читаем эти греческие мифы как сказки. Но тогда, в древние времена, греки верили, что все их боги действительно существуют, действительно живут на огромном горном хребте Олимпа и время от времени, спускаясь на землю, вмешиваются в судьбы людей. Поэтому и строили им храмы, и приносили жертвы. Поэтому и ходили в святилища, чтобы узнать волю богов, и подчинялись изречениям Пифии. А если не подчиниться и оскорбить божество, будешь беспощадно наказан. Погубила урожай грозовая буря — наказали боги. Появился мор в стране — наказали боги. Произошло землетрясение — наказали боги.

Спарту наказал Посейдон.

Спартанцы, захватив Мессению, всех мессенцев, которые еще оставались в стране, сделали своими илотами, которые должны были нести все повинности, определяемые Спартой.

Мессенцы терпели, подчинялись силе. Везли в Спарту урожай со своих полей. Гнали в Спарту своих быков и овец. Выполняли все, что прикажет Спарта.

Но они верили, что, когда кончится это иго, Мессения снова будет свободна. Ведь талисман, зарытый Аристоменом на горе Итоме, еще хранится там, скрытый от вражеских рук и глаз. А пока этот талисман в Мессении, мессенцы знают, что не навек утратили родину и свободу.

Уже немало лет прошло в рабстве и печали. И еще пройдет немало. Но настанет время, когда мессенцы снова начнут войну за свою родину. Ведь не исчез совсем их маленький народ с мессенской земли, подросла и возмужала новая

молодежь! И все годы рабства они ждали этого дня и тайно готовились к нему.

День восстания наступил внезапно.

В Спарте что-то случилось. Несколько спартанцев совершили какое-то преступление, и старейшины приговорили их к смертной казни.

Преступники бежали к морю, на мыс Тенár. Там на скалистом уступе, перед храмом, который находился в пещере, стояла статуя Посейдона. Здесь было святилище, убежище молящих о защите. Спартанцы, осужденные на смерть, прибежали к храму и припали к жертвеннику Посейдона. Здесь их никто не мог тронуть, не оскорбив бога.

Но спартанские власти были слишком разгневаны. Они оторвали преступников от жертвенника и тут же убили их.

И случилось так, что в это самое время в Лаконике началось землетрясение. Никто не сомневался, что это мстит оскорбленный Посейдон. Его оскорбили — убили тех, кто прибегнул к его защите. Земля колебалась, тряслась, разверзались пропасти и сходились снова. Спарта была разрушена до основания.

В это страшное для Спарты время восстали все илоты, поработанные спартанцами. Восстали и мессенцы. Они вооружились и ушли на гору Итому.

Снова изгнание

Спартанцы, как только землетрясение успокоилось, начали восстанавливать свой город. Скоро в долине под Тайгетом снова поднялись

незатейливые постройки из камня и сырцового кирпича. И спартанские власти снова начали готовить войска — покорять непокорных мессенцев.

Гора Итома скалиста и неприступна. Чтобы добраться до мессенцев, надо много положить сил. Спарте давно было известно, что с мессенцами воевать нелегко. Спартанцы побеждают их, порабащают, изгоняют из страны, а они снова поднимают голову и снова готовы к битве!

Спарта обратилась за помощью в разные города. Попросила помощи и у афинян. Афины прислали в Лаконику сильнейший отряд под предводительством Кимона. Афиняне очень удивились, когда пришли в Спарту и увидели, как здесь живут люди. Ни прекрасных зданий, ни величавых храмов. Статуя Аполлона Амиклейского вызвала у них улыбку. Этот гладко обструганный столб, который спартанцы называли именем светлого бога, говорил о том убожестве, в котором по-прежнему пребывало искусство в Спарте.

Странными и дикими показались афинянам спартанские сисситии — общие обеды. От традиционной спартанской похлебки из бычьей крови их тошнило.

Им не нравилось, что всюду шныряли немые, вороватые, вечно голодные подростки. Эти юные граждане Спарты сами добывали себе еду. Так что никогда нельзя было пообедать спокойно, того и гляди, что прямо из-под носа уташат у тебя обед...

У афинян, как и у всех народов Эллады, тоже были рабы. Но афиняне никогда не были к рабам

так жестоки, как спартанцы. Здесь рабам запрещалось все: устраивать какие-либо игры, петь, танцевать... Это могли делать только свободные люди. Раб у них — до конца раб. Иногда спартанцы, напоив рабов не смешанным с водой вином, приводили их пьяных на свои общие трапезы и тут издевались и потешались над ними. Это они делали для воспитания молодежи. Пусть посмотрят молодые спартанцы, как отвратителен пьяный человек.

Афиняне не принимали участия в этой потехе: они считали, что это грубо и недостойно свободного гражданина. А криптии — убийство раба тайком — и вовсе внушали им отвращение.

Спартанцы скоро почувствовали, что их порядки не очень-то нравятся афинянам, и насто-рожились.

— Да полно, друзья ли они нам?

— Они могут дурно влиять на молодежь.

— Их присутствие здесь опасно. Они не уважают законов Ликурга.

Цари и старейшины Спарты железной рукой оберегали законы Ликурга. Эти законы надежно поддерживали военное могущество Спарты. И постоянно напоминали о том изречении, которое дала Пифия Ликургу: «Спарта будет на вершине славы до тех пор, пока будет хранить законы Ликурга».

И ведь недаром Ликург запретил спартамцам выезжать в другие страны. Он боялся, что они привезут оттуда чужие нравы, чужие вкусы, чужие обычаи. Это так. Но разве не говорил он,

что вместе с чужестранцами, приезжающими в Спарту, всегда появляются «новые речи, а они рождают новые чувства и желания, которые могут противоречить существующим в государстве порядкам, как противоречат фальшивые звуки хорошо слаженной песне». И спартанцы решили: «Отослать афинян обратно».

Это решение поразило и оскорбило афинян. Они тотчас собрались и покинули спартанскую территорию.

В Афинах были возмущены, когда Кимон с войском явился обратно:

— Спарта вероломна сама, поэтому не доверяет и другим. С этими людьми нельзя заключать никакого союза!

И оскорбленные афиняне вскоре заключили союз с Аргосом, давним врагом Спарты.

А мессенцы ютились на Итоме. И не могли решить, что же им делать дальше? Воевать со Спартой у них нет сил. Снова покориться Спарте — об этом они не хотели и слышать. Выход один — уйти из Мессении, как ушли мессенцы при Аристодеме, как ушли мессенцы при Аристомене... Уйти — но куда? И выпустят ли спартанцы без боя?

В Спарте тоже не знали, что делать с мессенцами. Воевать с ними — опять тяжелые бои. А самое главное, мессенцы, моля о защите, припали к алтарю Зевса-Итомата, храм которого стоит у них на горе. Убивать их у алтаря бога опасно. Если Посейдон дотла разрушил Спарту, то что сделает с ними Зевс?!

Спартанские старейшины посоветовались и решили:

— Пусть уйдут из Пелопоннеса, пусть уйдут добровольно, без боя.

Мессенцы получили это решение и стали собираться в путь. И этому поколению приходилось покидать родину. Но куда идти?

В это время к ним прислали своих вестников афиняне:

— Приходите и селитесь в городе Навпáкте.

Этот город находился в западной Локрiде, недалеко от моря, у отрогов Парнасского хребта.

Афиняне только что отняли Навпакт у локров, и теперь им было выгодно поселить в этом городе народ, им дружественный.

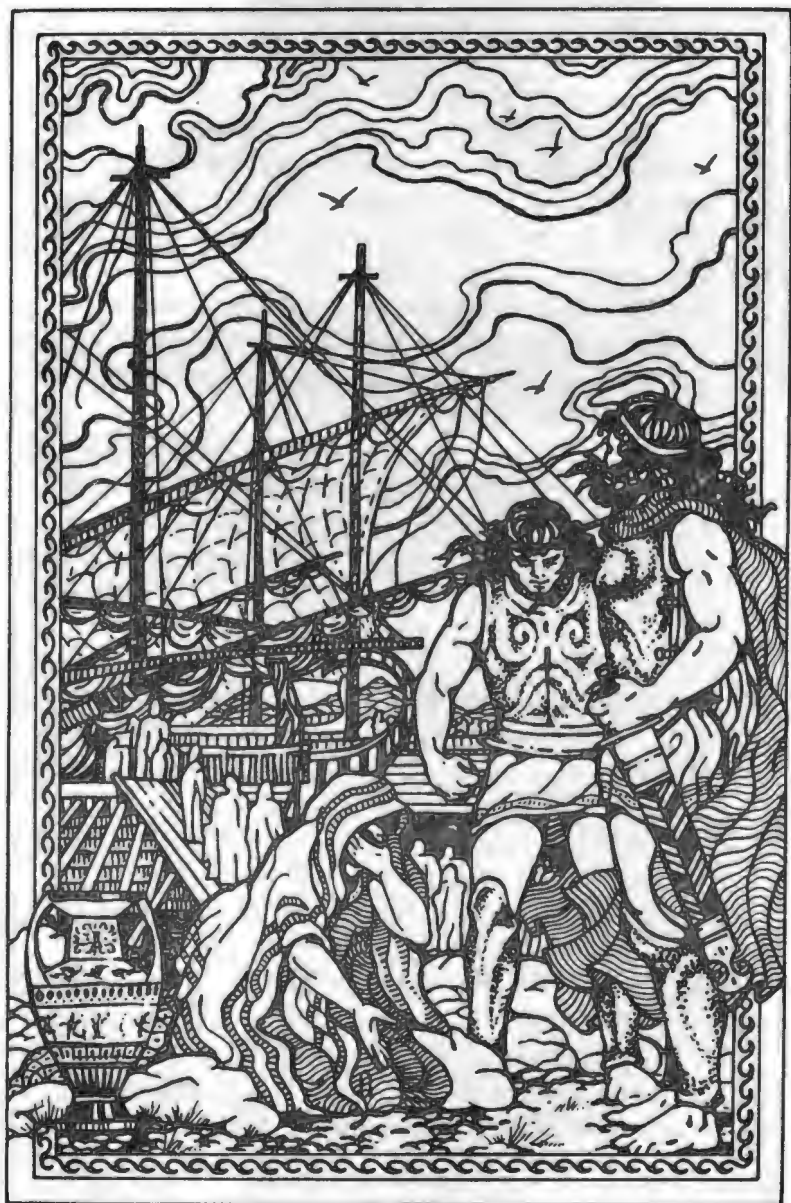
И вот еще одно поколение мессенцев, проклиная Спарту, со слезами покинуло родину.

Не очень радостной была страна, куда пришлось переселиться последним мессенцам.

Скалистый хребет Парнаса далеко раскинул здесь свои отроги. Малоплодородная земля. Плохая, с дурным запахом вода. Особенно зловонный ручей пробивался из-под холма Тафiас. Говорили, что под этим холмом похоронены кентавры и поэтому оттуда течет такая гнилая вода. И наименование народа, который жил здесь — локры озольские, — произошло от этого свойства воды: пахнуть.

Мессенцы были признательны Афинам. Хотя и небогат край, где пришлось поселиться, но все-таки приют, пристанище.

Однако мессенцев тревожило сознание, что они, сильный и отважный народ, живут в по-

даренном им Навпакте как бы из милости и ничем не могут отблагодарить Афины. Это не давало им покоя, их гордость страдала.

Постепенно обжившись и оглядевшись, мессенцы узнали, что недалеко от Навпакта, на реке Ахелой, стоит богатый город акарнанцев Эниады и что вокруг этого города лежат хорошие земли.

Эниадские акарнанцы были давними и постоянными врагами афинян.

И мессенцы решили: захватим Эниады!

Однако из этих замыслов ничего не вышло. Мессенцы захватили Эниады, но владели ими всего год — акарнанцы отбили свой город. И мессенцы, оставив под стенами Эниад убитыми триста человек, снова вернулись в Навпакт.

Приходилось как-то обживаться в этой неуютной стране. Надо сеять хлеб на клочках каменистой земли. Собирая скудный урожай, мессенцы снова и снова вспоминали свои плодородные поля в светлой Мессении.

Так жили мессенцы, расселившись по чужим странам, по чужим городам.

Но в чужих землях нет счастья.

Только неугасающая надежда на то, что они когда-нибудь обязательно вернутся в Мессению, помогала им жить.

Так прошло много лет.

И вот наконец наступило это долгожданное время, и надежды их исполнились. В судьбу мессенского народа вмешался благородный человек, знаменитый беотийский военачальник Эпаминонд.

Эпаминонд

Беотия находилась в самой сердцевине Греции. Когда-то беотийцы были союзниками Спарты. Но, как уже давно стало известно, на дружбу Спарты полагаться было нельзя. Беотийцы тоже убедились в этом.

Однажды спартанский военачальник Фебид проходил со своим войском через Беотию. Войны не было. Беотия дружила со Спартой. И вдруг Фебид неожиданно захватил беотийскую крепость Кадмёю и подчинил Спарте главный город Беотии Фивы.

В Спарте сделали вид, что разгневаны на Фебида за самоволие. Фебида лишили звания полководца, наложили на него огромный штраф. Однако гарнизон в Кадмее оставили.

Много пришлось пострадать Беотии от спартанской тирании.

— Может быть, этот произвол кончится тогда, — с безнадежностью говорили фиванцы, — когда придет конец господству Спарты на земле и на море. Но разве это случится?

Однако это случилось. Их вожди, которые скрывались у афинян, проникли в Фивы и убили спартанских наместников.

Они подняли всю Беотию на борьбу со Спартой. Среди них был и Эпаминонд.

Все это произошло в одну ночь. Спартанский гарнизон покинул Фивы. А беотийцы тут же избрали своих беотархов — политических и военных руководителей союза беотийских государств.

Но спартанцы не все ушли из Беотии. Они засели во многих беотийских городах и не хотели их отдавать. То здесь, то там по стране вспыхивали бои со спартамцами. И все чаще и чаще побеждали беотийцы в борьбе со Спартой. Особенно громко прозвучала победа беотийского полководца Пелопи́да возле городка Тегіры. Пелопид с тремя сотнями воинов неожиданно встретил в горном ущелье крупный спартанский отряд. Кто-то из воинов, увидев впереди спартанцев, подбежал к Пелопиду:

— Мы наткнулись на неприятеля!

— Что ты! — спокойно ответил Пелопид. — Это неприятель наткнулся на нас!

И тут же приказал всадникам выдвинуться вперед и ударить по врагу.

Схватка была жестокой. В спартанском отряде было больше тысячи человек. Но фиванские гоплиты так тесно сомкнули ряды и так дружно ринулись на спартанцев, что те не устояли. Начальники их были убиты, вместе с ними погибло и остальное войско, которое бежало в паническом страхе.

Много еще больших битв было у беотийцев со Спартой. И Спарта терпела поражения одно за другим. Эпаминонд победил их тогда, когда спартанский царь Клеомброт вторгся с огромным войском в Беотию. Эпаминонд победил Спарту и в знаменитой битве при Лёвктрах. Могущество ее было сломлено, и слава о спартанской непобедимости погибла.

Через год после битвы при Левктрах Эпаминонд выступил в поход на Пелопоннес. Здесь он

заклучил союз с Аркадией и с Аргосом. Но спартанский царь Агесила́й не вышел на битву с ним.

И тогда Эпаминонд, фиванский беотарх и полководец, принялся за восстановление Мессении.

Еще за год до битвы при Левктрах мессенцы получили предсказание. В городе Мессене, который построили мессенцы у пролива в Сицилии, жрец храма Геракла-Мантикла увидел сон: Зевс-Итомский пришел из старой Мессены и стал звать к себе Геракла-Мантикла. Жрец истолковал этот сон так: «Мессенцы возвратятся в Пелопоннес»!

А когда фиванцы разбили спартанцев при Левктрах, мессенцы вспомнили старое предсказание дельфийской Пифии: «Совершай, что суждено: беда у одних раньше других».

Раньше беда случилась у мессенцев. Теперь пришла очередь Спарты.

Эпаминонд разослал вестников всюду, где нашли себе приют мессенцы. Эти вестники, несущие необычайную радость, отправились в Италию, в Сицилию, в Навпакт...

— Мессенцы, кто хочет, возвращайтесь в Пелопоннес! Срок ваших страданий кончился! Спарта изгнана из Мессении!

Услышав это, мессенцы с ликованием тотчас стали собираться домой.

Прошли сотни лет, как они покинули родину. Построены новые города, распаханы новые пашни. Дети родились и выросли на чужбине, которая могла бы стать им родной землей...

Но нет! Мессенцы по-прежнему горячо любили свою Мессению, они никогда не забывали ее. Они жили долгие годы в ожидании этого дня. И день этот наступил!

Мессенцы бросили все и поспешили в Пелопоннес. Они торопились по горным дорогам, плыли через море, стекались отовсюду в свой родной край, в свою прекрасную Мессенскую долину.

Даже Эпаминонд был удивлен, с какой непостижимой быстротой собрались мессенцы в Мессении.

Тогда Эпаминонд сказал им:

— Я видел сон, боги послали мне его и помогли советом. Мне явился старец, по виду жрец. И вот что он мне сказал: «Фиванец! Тебе я даю одоление всех, на кого пойдешь с оружием. И если тебя не станет между людьми, я сделаю так, что имя твое и слова твои никогда не исчезнут. Ты же отдай мессенцам их города и землю отцов, ибо и гнев на них Диоскуров прекратился».

Аргивяне, которые тоже ненавидели Спарту и рады были отомстить за прошлые обиды, поручили своему полководцу Эпите́лу помочь мессенцам восстановить Мессению. Эпите́лу тоже приснился сон.

Призрак сказал ему: «Иди на гору Итому, ищи вместе растущие смилак* и мирту. Разрой между ними землю и выведи на свет старуху, которая томится в межных стенах и едва жива»

Может, и не снилось вождям никаких пророческих снов. Но так было легче сговориться с народом — ведь через сны разговаривают с че-

* Смйлак — род дуба.

ловеком боги! А кто же будет противиться указанию богов?

После этого сна Эпител сразу отправился на Итому. Мессенские жрецы и старейшины сопровождали его. Все они помнили, что Аристомен зарыл на Итоме талисман, обещавший им возвращение на родину.

Эпител нашел смилак и мирту, растущие рядом. Тут он стал копать землю и скоро вынул из земли медный, плотно закрытый крышкой кувшин.

С этим кувшином Эпител тотчас пошел к Эпаминонду. Эпител рассказал ему свой сон и подал кувшин:

— Открой его сам и посмотри, что в нем находится!

Прежде чем открыть кувшин, Эпаминонд принес жертву богам, которые послали Эпителу видение. И потом уже снял крышку.

В кувшине лежали свернутые свитком тонкие оловянные пластинки с таинственными письменами. Это и был тот самый талисман, когда-то зарытый Аристоменом.

Кувшин с оловянными пластинками передали мессенским жрецам. Жрецы внесли их в свои книги, чтобы потом, в восстановленной Мессении, справлять по ним богослужение.

Стали думать о постройке новых городов. Мессенцы не хотели селиться в Андании — слишком много горя они приняли там. Не хотели селиться и в других старых городах, где жила память о бедствиях их народа.

Наконец Эпаминонд и мессенские старейшины выбрали хорошее место для будущего города, в самой середине страны, у горы Итомы.

И, так как тогда ни одно важное дело не делалось без совета с богами, Эпаминонд обратился к жрецам:

— Угодно ли богам это место?

Жрецы принесли богам жертву, совершили положенный ритуал. И ответили:

— Жертвы благоприятны. Можно приступать к постройке города.

Эпаминонд тотчас велел свозить на избранное место камни. Потом обратился к мессенцам:

— Кто умеет проводить улицы? Кто умеет строить дома и храмы? Кто знает, как сооружать городские стены? Собирайтесь и приступайте к работе!

Мессенцы с радостью взялись за дело. Пришли все, кто был искусен в строительстве. Пришли и те, у кого не было специальных знаний. Но при такой большой работе дело нашлось каждому.

Весь первый день прошел в молебствиях и жертвоприношениях.

Уж очень много было богов, которых нужно умиловить, задобрить, умолить не гневаться, но помочь и послать благополучие новому городу.

Скот, вино и все необходимое для жертвоприношений дали нищим мессенцам их соседи и союзники аркадцы. На этот праздник в Мессенской долине собралось очень много народу. Здесь были и аркадцы, и аргивяне, и фиванцы, которые пришли сюда вместе с Эпаминондом.

Эпаминонд по старому обычаю принес жертву Аполлону и Дионису — богу вина и виногради-ков. Аргивяне принесли жертву Зевсу Немей-

скому и матери богов Гере Аргивской, которую особенно почитали. Мессенцы принесли жертвы своему Зевсу-Итомату, чей храм стоял на горе Итоме. И Диоскурам, которых они когда-то оскорбили...

Моления и жертвоприношения закончились призывами:

— Мессена, дочь Триопы, да пребудешь ты с нами в нашем новом городе!

— Кресфонт и Эпит, начало рода нашего, да пребудете с нами!

— Герой наш Аристомен, да пребудешь ты с нами в Мессении!

Когда жрецы произнесли это имя, вся долина вдруг всколыхнулась. И все, кто там был, воскликнули в один голос:

— Аристомен! Да пребудешь ты с нами!

День закончился всеобщим пиром — жареного мяса на алтарях после богов осталось много. Все в этот день были сыты, веселы счастливы.

Все справляли необыкновенный праздник — праздник возвращения мессенского народа на родную землю.

На другой день приступили к постройке города. Провели черту там, где должны быть поставлены городские стены. Наметили улицы.

Принялись ставить дома и храмы. И пока мессенцы строили свой город, вокруг них не умолкали веселые беотийские и аргивские флейты.

Вновь построенному городу дали старое имя — Мессена.

А потом принялись восстанавливать и другие города. В некоторых мессенских городах уже давно поселились чужие племена. В Мофóне жили навийцы. Но они встретили возвратившихся мессенцев дарами, принесли им все, что могли, умоляя не трогать их. И мессенцы оставили их на своей земле. Оставили они и асинеяцев. Они помнили, как асинеяцы во время битвы при Кабаньей могиле отказались помогать Спарте против Мессении.

«И так мессенцы возвратились в Пелопоннес и опять утвердились на родине через двести восемьдесят лет после падения Эйры.

...Скитания мессенцев продолжались почти триста лет. И, несмотря на это, они не только не утратили обычаев своей родины, не только не изменили своего дорийского наречия, но из всех пелопоннесцев именно они одни и соблюли его во всей чистоте даже до нашего времени».

Так заканчивает древнегреческий историк Павсаний свое повествование о Мессенской войне.

СОДЕРЖАНИЕ

Любовь Воронкова	
СЛЕД ОГНЕННОЙ ЖИЗНИ	5
Поликсена Соловьева	
ПОБЕДИТЕЛИ СИЛЬНЫХ	181
Любовь Воронкова	
МЕССЕНСКИЕ ВОЙНЫ	223

Литературно-художественное издание .

ПОБЕДИТЕЛИ СИЛЬНЫХ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Ответственный редактор Анастасия Гамалей

Редактор Сергей Ераменко

Художник Александр Андрейчук

Художественный редактор Дмитрий Майстренко

Технический редактор Марина Андреева

Верстка Любови Киселевой

Корректоры Виктория Листова,

Анна Быстрова

Подписано к печати с оригинала-макета 31.01.94

Формат 84 × 108¹/32. Гарнитура Школьная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 25 000 экз.

Изд. №373 Заказ 277

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6.

**Отпечатано с готовых диапозитивов во Владимирской
книжной типографии Министерства печати и информации РФ.
600000, г. Владимир, Октябрьский пр. 7.**

Греция
и побережье Малой Азии
VII-V в.в. до н.э.

Э П И Р

ФТИОТИДА

БЕОТИЯ

ФОКИДА

АХАЙЯ

ЭЛИДА

АРКАДИЯ

ЛАКОНИКА

МЕССЕНИЯ

Спарта

История повторяется!

Древняя история насыщена рассказами о том, как униженные, никому не известные племена поднимаются и сокрушают своих поработителей. На месте разрушенных государств возникает новая молодая империя, создатели которой остаются в народной памяти легендарными и непобедимыми героями. Но проходит время, и отважные воины уже предпочитают придворную роскошь рискованным походам. Для знатных людей собственное благополучие становится важнее интересов отечества. Империя стареет и, несмотря на внешний блеск, становится неповоротливой и наконец гибнет под ударами новой юной силы.

История повторяется. Это и является основой нашей книги, в которой три повести объединены под одной обложкой. Первые две — рассказы о зарождении Персидской державы, о ее судьбе и о судьбе ее основателя, царя Кира Великого. Завершает книгу повесть о борьбе маленького эллинского народа за свою независимость.

